

ИОН КОЛФЕР

Автор бестселлера «Артемис Фаул»

ПАНК

• УЧЕНИК УБИЙЦЫ •

ПАУК

510783

ЙОН КОЛФЕР

УЧЕНИК УБИЙЦЫ

Москва 2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К60

Eoin Colfer
WARP
The Reluctant Assassin
Text copyright © Eoin Colfer, Artemis Fowl Ltd, 2013

Колфер, Йон.

К60 Ученик убийцы / Йон Колфер ; [пер. с англ. А. Б. Васильевой]. — Москва : Эксмо, 2017. — 416 с. — (Йон Колфер. ПАУКС).

ISBN 978-5-699-81795-5

Райли четырнадцать, он живет в Лондоне конца XIX века. Он сирота, и вырастил его наемный убийца, решивший передать ученику все секреты своего мрачного ремесла... Но Райли не хочет идти по стопам учителя! Мальчик мечтает сбежать, и однажды ему предоставляется возможность ускользнуть... в XXI век.

Шеврон Савано семнадцать, и она — самый юный, амбициозный и импульсивный агент за историю ФБР. Ладно, почти агент. Девушка воспринимает свое назначение на секретный объект в Лондоне как ссылку, как ненужную и скучную работу... пока не узнает, что должна следить за находящейся в распоряжении ФБР машиной времени.

Райли и Шevi предстоит объединить усилия — и спасти себя и мир от того, кто волей судьбы стал самым опасным преступником всех времен... Или погибнуть, пополнив список его жертв.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Васильева А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-81795-5

Финну, Шону, Грейс, Джереми и Джо

100

100

100

100

100

100

100 100 100 100

100 100 100 100

100 100

100

100 100 100 100

100 100

100 100 100 100 100 100

Комната смерти

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. 1898

В тени между старинными часами и тяжелыми бархатными портьерами слабо проступали два смутных бледных пятна — одно повыше, другое пониже... неясные, как смазанные отпечатки пальцев на черном покрове ночи, которую плотные шторы и затянутое холстиной слуховое окошко под потолком делали еще темнее.

Если приглядеться, то вскоре становилось ясно, что нижнее пятно, едва заметное в этой затемненной комнате, — это лицо совсем юного мальчика, вымазанное сажей и со слегка дрожащими губами. Это был Райли, которого привели сюда этой ночью для совершения первого убийства. В качестве испытания.

Пятном повыше оказалось лицо человека, которого наниматели знали как Альберта Гаррика, хотя в прошлом он был известен широкой публике совсем под другим именем. На сцене он называл себя Великим Ломбарди и славился на весь Вест-Энд как непревзой-

денный иллюзионист. Правда, только до тех пор, пока на одном из представлений он и в самом деле не распилил свою красотку-ассистентку на две половинки. Тем незабвенным вечером Гаррик обнаружил, что отнимать жизнь ему нравится ничуть не меньше, чем срывать аплодисменты зрительного зала, и фокусник решил сменить свое ремесло на другое — ремесло наемного убийцы.

Гаррик уставился на Райли тусклым холодным взглядом и стиснул его плечо костлявыми пальцами с такой силой, что мальчику почудилось, будто сквозь ткань плаща наставник впился прямо в его оголенные нервы. Убийца не произнес ни слова, но выразительно кивнул, одновременно напоминая и побуждая к действию.

«Вспомни, — говорил его склоненный подбородок, — свой сегодняшний урок. Двигайся бесшумно, как туман Уайтчепля, и вонзай клинок так, чтобы пальцы почувствовали края отверзшейся раны».

Недавно Гаррик велел Райли притащить из Стрэнда в их жилище в Холборне тушу дохлой собаки, подвесил ее на веревке и приказал мальчику отрабатывать на ней удары ножом, чтобы научиться преодолевать сопротивление костей.

«Новички сильно ошибаются, воображая, будто острый клинок войдет в плоть, как раскаленная кочерга в воск. Этот совсем не так. Иногда даже мастер вроде меня натывается на преграду из мышц и костей, и нужно быть готовым поддеть и поднажать. Запомни, мальчик: поддеть и поднажать. Используй саму кость в качестве рычага».

Сейчас Гаррик повторил это движение своим длинным стилетом, наклоняясь широким лбом к лицу мальчика, чтобы убедиться, что тот усвоил подсказку.

Райли кивнул и сам взялся за нож, прикрывая лезвие ладонью, как его учили.

Гаррик слегка ткнул Райли в спину, выталкивая его из тени к широкой кровати под балдахином, на которой лежал новоотбывающий.

Новоотбывающий. Очередная профессиональная шуточка Гаррика.

Райли знал, что это проверка. Это было настоящее убийство, за которое заплачено авансом, и заплачено немало. Теперь либо он, как говорится, задует свою первую свечу, либо Гаррик оставит позади один лишний труп в этой жуткой темной комнате и вскоре подыщет себе в лондонских трущобах нового ученика. Наверное, его это даже огорчит... но никаких других возможностей Гаррик мальчику не оставил. Райли должен был научиться чему-то большему, чем жарить на улицах сосиски или чистить ботинки.

Райли стал красться вперед, осторожно переставляя ноги и нащупывая перед каждым шагом мусор на полу, который мог бы его выдать. Конечно, это замедляло движение, однако даже тихого хруста брошенного листка бумаги иногда достаточно, чтобы разбудить жертву. Перед собой Райли видел поблескивающее в его собственной руке лезвие и с трудом верил, что это и в самом деле он — здесь, в этой комнате, готовый вот-вот совершить преступление, которое навеки обречет его гореть в аду.

«Когда ты будешь готов, сможешь занять место младшего партнера в нашем семейном бизнесе, — частенько говаривал Гаррик. — Пожалуй, мы даже закажем себе визитные карточки, а, парень? Гаррик и Сын. Убийцы по найму. Может, работа у нас не самая благородная, но цену мы себе знаем».

После этого Гаррик обычно смеялся негромким сумрачным смехом, от которого у Райли нервы натягивались, точно струны, а желудок подкатывал к горлу.

Райли сделал еще шаг. Выхода из того кошмарного положения, в котором он оказался, по-прежнему не было видно. Комната словно смыкалась вокруг него.

«Я должен убить этого человека или сам принять смерть». Сердце Райли забилось учащенно, так что даже руки задрожали, и лезвие едва не выскользнуло из пальцев.

Гаррик неотступно следовал за ним бесшумным привидением, придерживая Райли за локоть холодным, как сосулька, скрюченным пальцем.

— Из праха ты вышел... — прошептал он почти беззвучно, как легчайший шелест сквозняка.

— И в прах возвратишься, — едва слышно отозвался Райли, дополняя библейскую цитату, самую любимую у Гаррика.

«Мой собственный поминальный обряд», — сказал он как-то Райли зимним вечером, когда они сидели в итальянском ресторанчике, поглядывая из окна на Лестер-сквер. Иллюзионист успел к тому времени опустошить второй кувшин терпкого красного вина, и безупречный выговор джентльмена начал соскальзывать с его речи, как верткая рыба с мокрого стола.

«Каждый из нас выкарабкался на свет из отбросов и грязи, и в эту же дрянь мы вернемся, заруби себе на носу. Я всего лишь отправляю людей туда чуть-чуть быстрее. Всего на несколько ударов сердца раньше... но это позволяет нам наслаждаться благами жизни. Таков наш путь, и если у тебя не достанет крепости идти этим путем, Райли, тогда...»

Гаррик никогда не договаривал угрозу до конца, но было ясно, что для Райли настало время доказать, что он заслуживает своего места за столом.

Через тонкие, старательно сошлифованные на токарном станке в мастерской Гаррика подошвы башмаков Райли чувствовал каждую трещинку в полу, каждую щель между досками. Теперь он мог видеть темнеющую посреди кровати фигуру. Наверное, старик — из-под пухлого стеганого одеяла виднелась густая грива седых волос.

Лица не разглядеть. Как же он благодарен судьбе хотя бы за это...

Райли приблизился к кровати, чувствуя за спиной присутствие Гаррика. Сознывая, что время вышло.

Прах к праху.

Райли ясно видел покоящуюся на подушке руку старика. Вместо указательного пальца — короткий обрубок. Наверное, след какой-то давней травмы.

Он уже знал, что не сможет сделать этого. Он не убийца.

Не поворачивая головы, Райли быстро повел глазами по сторонам. Его учили в случае крайней нужды использовать любые подручные средства. Но сейчас сам учитель стоял у него за спиной, наблюдая за каж-

дым движением напряженным, немигающим взглядом. От человека в постели помощи ждать не приходится. Что сможет этот седовласый старик против Гаррика? Да и кто вообще с ним справится?

Райли уже четырежды сбегал от него... и четырежды Гаррик находил его.

«Единственный выход для меня — смерть, — подумал Райли. — Моя или Гаррика».

Но Гаррика нельзя убить. Он сам — воплощенная смерть.

Прах к праху.

Внезапно Райли охватила головокружительная слабость, и он едва удержался, чтобы не повалиться на холодный пол. А что, может, это и было бы лучшим выходом? Упасть без чувств, и пусть Гаррик делает свою грязную работу сам. Но тогда старик все равно умрет, и этот грех будет вечно камнем лежать на душе Райли, даже после смерти.

«Я буду драться», — решил мальчик. Надежды победить не было никакой... но он должен был хотя бы попытаться.

Его мозг лихорадочно перебирал планы спасения — один несбыточнее другого. И все это время он продолжал медленно двигаться вперед, чувствуя шеей ледяной взгляд Гаррика, как проклятие. Человеческая фигура на кровати под балдахином проступала все отчетливее. Теперь он уже мог видеть ухо с рядом дырочек, в которые, должно быть, когда-то были вдеты серьги.

Может, он иностранец? Или моряк?

Он различал массивный подбородок и складки жира под ним, а еще шнурок, который тянулся от шеи

старика к странного вида кулону, лежавшему поверх одеяла.

«Примечай каждую деталь, каждую мелочь, — учил его Гаррик. — Впитывай взглядом все, что вокруг тебя, и однажды это может спасти тебе жизнь».

Мне не спасти свою жизнь. Только не сегодня.

Райли скользнул еще на один шаг вперед и вдруг ощутил ногами странное тепло. Глянув вниз, он с удивлением и замешательством обнаружил, что носок его башмака светится зеленым. Ярко-изумрудный свет коконом окружил покоящуюся на кровати фигуру, изливаясь из того самого кулона, который он заметил чуть раньше.

— Дьявольщина. Это ловушка! — прошелестел над его ухом голос Гаррика. — Давай, парень, кончай его.

Но Райли не мог пошевелиться, оцепенев при виде призрачного сияния.

Тогда Гаррик резко толкнул его прямо в странный теплый свет, который тут же сменил оттенок, превратившись в ярко-алую полусферу. Откуда-то из кровати раздался жуткий, пронизывающий, противоестественный вой, от которого мозг Райли едва не взорвался внутри черепа.

Старик на кровати мгновенно проснулся, подскочив, как подброшенный пружиной.

— Опять чертовы сенсоры барахлят, — пробормотал он с сильным шотландским акцентом, моргая спросонок слезящимися глазами. — До чего болит...

Тут он заметил Райли и тускло поблескивающий клинок, выступающий из кулака мальчика, как нерастаявшая сосулька. Не сводя глаз с лезвия, он потя-

нул рукой к сияющему кулону на своей костлявой груди и дважды стукнул по его центру, уняв наконец пронизывающий душу вой. Теперь в центре кулона замигали светящиеся, словно начертанные фосфором цифры. Обратный отсчет от двадцати.

— погоди, парень, — сказал старик. — Притормози. Мы можем договориться. У меня есть деньги.

Райли, не дыша, продолжал таращиться на кулон. Ясно, что он волшебный. Но, более того, он почему-то показался ему знакомым.

Гаррик прервал его мысли резким тычком в бок.

— Хватит медлить, — сказал он с нажимом. — Пошевеливайся. Прах к праху.

Но Райли не мог. Нет, он не станет таким, как Гаррик, не станет обрекать себя на вечные муки.

— Я-я... — пролепетал он, заикаясь и желая, чтобы его оцепеневший мозг нашел какие-нибудь слова, которые помогли бы вытащить из этого отчаянного положения и его самого, и этого странного старика. Старик приподнял руки с раскрытыми ладонями, показывая, что они пусты. Как будто честная игра могла иметь хоть какое-то значение в этой темной комнате.

— Я безоружен, — сказал он. — И имею доступ к неограниченным средствам. Я могу дать вам все, что вы пожелаете. Напечатать тысячу-другую фунтов — проще простого. Но, если вы причините мне вред, сюда немедленно явятся люди... и позаботятся о том, чтобы вы не узнали моих секретов. И у этих людей будет оружие, которого вы даже никогда не видели.

Большого он сказать не успел: клинок внезапно вонзился ему в грудь. Райли видел, что на рукояти

лежала его собственная рука, и на какую-то тошнотворную секунду подумал, что его собственные мышцы предали его, совершив черное дело. Но потом он ощутил холодные пальцы Гаррика на своем запястье, ослабляющие хватку, и понял, что его руку направил именно он.

— Готово, — сказал Гаррик, глядя, как рукав Райли пропитывается теплой кровью. — Держи нож крепче, и ты почувствуешь, как жизнь оставляет его.

— Это не я, — сказал Райли старику, с трудом выговаривая слова. — Я бы никогда...

Старик продолжал сидеть, прямой, как доска. Шнурок кулона расползлся, наткнувшись на торчащее лезвие.

— Поверить не могу, — прохрипел он. — Столько людей искали моей смерти... а нашли какие-то два клоуна.

Слова Гаррика скользкими слизнями втекали ему в уши:

— Не принимай на свой счет, мальчишка. Не твоя рука нашла щель между ребрами этого старого лопуха, а моя. Однако, учитывая все обстоятельства... пожалуй, я дам тебе еще один шанс.

— Поверить не могу, — снова пробормотал старик. Тут его кулон пискнул, и он исчез. Исчез в прямом смысле слова: рассыпался облачком оранжевых искр, которые тут же втянулись внутрь кулона.

— Магия, — прошелестел Гаррик с оттенком благоговения. — Магия существует...

Убийца резко попятился, спасаясь от неведомых последствий таинственного распыления, но Райли не

мог сдвинуться с места. Он по-прежнему стоял, стиснув рукоять кинжала, и смотрел, как искристое облачко стремительно окутывает его руку, поднимаясь все выше.

— Я ухожу, — прошептал мальчик. Это и в самом деле было так, хотя он не знал — куда.

На мгновение его тело стало прозрачным, так что он даже успел увидеть сквозь ребра свои плотно уложенные внутренности, но потом и они исчезли, оставив после себя только мерцающие искры.

Облачко газа, которым стал Райли, втянулось внутрь кулона вращающейся воронкой, которая вдруг напомнила Райли, как однажды его накрыло волной на пляже в Брайтоне, и как с берега на него смотрел другой мальчик.

«Рыжик. Я помню тебя».

Потом Райли превратился в крохотную сияющую точку чистой энергии. Она мигнула Гаррику и исчезла. И старик, и мальчишка — оба пропали без следа.

Гаррик потянулся к упавшему на простыни кулону. Кажется, он видел эту вещь раньше... или другую, похожую на нее. Много лет тому назад... Но его пальцы коснулись лишь пятнышка копоти, оставшегося после неведомого талисмана.

— Всю свою жизнь, — тихо проговорил он. — Всю жизнь...

Его губы шевельнулись, но не произнесли больше ни слова. В этой комнате чудес он остался совсем один.

Всю свою жизнь он искал истинную магию. И теперь он знал, что она существует на самом деле.

Обычно Гаррик хорошо умел сдерживать свои бурные эмоции, но сейчас горячие слезы счастья потекли по его щекам, капая на лацканы.

«Не иллюзия, не фокус. Настоящая магия!»

Убийца опустился на пол, согнув тощие ноги так, что колени оказались на уровне ушей. Дорогая одежда постепенно пропитывалась натекащей на пол кровью, но сейчас он не обращал на это внимания. Отныне ничто не будет для него прежним. Единственное, чего он сейчас боялся, — это что магия покинула это место навсегда. Оказаться так близко к цели и упустить ее в последний момент — что может быть горше?

«Я буду ждать здесь, Райли, — подумал он. — Китайцы верят, что магия не любит покидать обжитое место, а значит, ожидание — моя единственная надежда. А потом, когда нагрянут те люди с невиданным оружием, я отомщу тебе. И я завладею этой магией и подчиню ее своей воле, и никто в мире не сможет помешать мне».

Спортивная девчонка

*Бэдфорд-сквер. Блумсбери.
Лондон. Наше время*

Шеврон Савано никогда особенно не нравилась притча о Блудном Сыне. Сказать по правде, она просто терпеть не могла эту историю и чуть ли не скрипела зубами, когда кто-нибудь принимался ее цитировать.

Станем праздновать и веселиться, потому что мой сын был мертв и ожил, пропал и нашелся.

Правда? Да неужели... А как насчет того сына, или, допустим, дочери, которая все это время оставалась в отчем доме и работала без выходных и праздников, чтобы уберечь родной очаг от организованной преступности и коррупции? Как насчет дочери, которая пожертвовала чуть ли не всем, что имела, только бы отвести от родного очага угрозу? Как насчет совершенно определенной дочери? Что ж, похоже, этой самой дочери ничего не светит. Ее просто-напросто отошлют за океан, в Лондон, просиживать штаны в какой-то секретной конторе, занимающейся защи-

той свидетелей. Лучшего способа похоронить карьеру даже не придумать.

Само собой, специальный агент Лоуренс Уитмейер, ее начальник в Лос-Анджелесском отделении ФБР, заверил ее, что она вовсе не должна рассматривать свое новое назначение как неофициальное наказание за необдуманные действия, привлечшие к Бюро ненужное внимание общественности.

— Это очень ответственное задание, Шеви. Я бы даже сказал, жизненно важное. ПАУКС существует при Бюро уже три десятка лет.

— А как расшифровывается этот ПАУКС? — поинтересовалась Савано.

Уитмейер глянул в текст высветившегося на экране почтового сообщения.

— Гм... ПАУКС... Программа анонимного укрывания ключевых свидетелей.

— Похоже, слово «анонимный» они ввели только для того, чтобы звучало покруче. Иначе получилось бы ПУКС... а это, конечно, никуда не годится.

— Не сомневаюсь, те парни, которые отвечают за всяческие названия, очень старались, чтобы аббревиатура получилась звучной.

Шеви раздраженно мотнула головой. Было совершенно очевидно, что Бюро пытается отослать ее с глаз долой в какую-нибудь дыру, где до нее не доберется пресса.

— Вы же знаете, что я просто делала свою работу. Я спасала человеческие жизни.

— Знаю, — кивнул Уитмейер, на мгновение смягчившись. — Шеврон, тебе предоставили выбор. Вся

остальная группа расформирована и распущена. Тебе всего шестнадцать. Ты можешь стать кем угодно.

— Кроме как остаться федералом.

— Но ты никогда и не была настоящим агентом, Шеви. Ты была официальным источником информации. Это не совсем то же самое.

— Но на моем жетоне стоит слово «агент». И мой наставник называл меня «агент Савано».

Уитмейер глянул на нее с сочувственной улыбкой, с какой иногда смотрят на умственно отсталых.

— Мы подумали, что вам, ребятишкам, жетоны понравятся. Знаешь, придадут ощущение собственной значимости... Но чтобы быть агентом, Шеви, нужно нечто большее, чем жетон.

— Но я должна была вот-вот стать настоящим агентом. Мне говорили, что достаточно только выполнить задание, и место в Куантико¹ мне обеспечено.

— Да, тебе говорили, — покивал Уитмейер. — Но никаких письменных документов на этот счет нет. Так что советую вам ухватиться за это предложение, мисс Савано. Оно не такое уж плохое. И, может быть, если вы не будете сильно высовываться, через пару лет мы снова сможем поговорить об Академии.

Обещанное дело не вызывало у Шеви ни малейшего интереса, но... если она действительно хочет стать специальным агентом, другого пути у нее нет.

— Значит, теперь я перехожу в подчинение Лондонскому отделению?

¹ Куантико — город в США, где расположена Академия ФБР.

На этот раз ответ Уитмейера прозвучал более уклончиво.

— Нет. Ты будешь подчиняться непосредственно руководству ПАУКСа. Лондонское отделение Бюро занимается главным образом расследованием преступлений на почве ненависти и прочими штуками такого рода. То, чем ты будешь заниматься, с их рутинной деятельностью никак не связано. Они даже не будут знать, что ты въехала в страну, пока ты сама не объявишься.

Уитмейер чуть наклонился к ней с деланным воодушевлением, как будто намеревался сообщить действительно потрясающую новость:

— По сути, тебе вообще ничего не придется делать, кроме как заочно готовиться к экзаменам на аттестат зрелости.

— Ясно. Значит, снова в школу, как маленькая, — вздохнула Шеви.

— Мне неприятно говорить это, Шеви, но ты и в самом деле еще ребенок, — сказал Уитмейер чуть жестче.

Он уже нетерпеливо поглядывал поверх ее плеча, торопясь прекратить этот разговор и присоединиться к остальным агентам, которые шумно галдели в переполненном офисе, клацая затворами служебных пистолетов и перешучиваясь.

— Я готов платить тебе жалование из средств Бюро еще два года, Шеви, и это все, что я могу для тебя сделать. Можешь принять это предложение, а можешь отказаться, дело твое. Но в любом случае, если тебе нужен шанс остаться в ФБР, тебе придется отправляться в Лондон.

И вот Шеви уже девять месяцев торчала в Англии, опекая кошмарного вида металлический аппарат, похожий на спускаемый модуль космического корабля, зачем-то впихнутый в подвал четырехэтажного георгианского особняка на Бэдфорд-сквер в Блумсбери.

— А чем мы на самом деле занимаемся? — спросила она своего начальника в первый же день.

Хотите верьте, хотите нет, но его звали агент Оранж¹. Наверняка в шутку, решила Шеви. Он весь, с головы до ног, был исключительно серого или серебристого цвета, от седой челки и зеркальных очков до облегающего костюма и дорогих, сшитых на заказ мягких мокасин с кисточками.

— Мы занимаемся аппаратом, — ответил пятидесятилетний агент, растягивая слова, как водится у шотландцев.

— Поклоняемся ему, что ли? — буркнула Шеви. Ей все еще было не по себе из-за смены часовых поясов, поэтому настроение у нее было слегка воинственное.

Однако Оранж отнесся к этим словам с неожиданной серьезностью.

— В каком-то смысле да, агент Савано. Можно сказать, что тот аппарат в подвале — наша церковь.

Он провел Шеви через холл, обставленный, как гостиная в трехзвездочном английском отеле: с камином, кованными подставками для дров и корабликами в бутылках, а потом вниз, в подвальный этаж,

¹ «Агент оранж», «оранжевый агент» — химическая смесь, которую американцы использовали в войне против Вьетнама.

вход в который закрывала массивная стальная дверь. Стоило им миновать эту дверь, как все вокруг сделалось таким, как и положено в ФБР. Шеви тут же заметила не меньше дюжины вмонтированных в бетонные стены камер и датчики движения по всему коридору, вдоль которого тянулись забранные в серую трубку кабеля всех известных человечеству видов связи.

— Здорово у вас тут оборудовано, — сухо прокомментировала Шеви. — Каждый как на ладони. Ни чихнуть, ни пукнуть.

Оранж сдержанно кашлянул.

— Агент Уитмейер упомянул, что я ваш начальник?

— Никак нет, — солгала Шеви. — Он сказал, что мы напарники.

— Едва ли, — отозвался Оранж. — На самом деле я обращаюсь к вам «агент» чисто из любезности. Насколько я слышал, вас отправили в Лондон после провала некоей бестолковой школярской инициативы.

Они шагали по коридору, миновав сначала камеру для задержанных, затем отлично оборудованный медицинский пункт, и оказались в большом круглом помещении, где возвышалось примерно трехметровой высоты металлическое сооружение в форме пирамиды, опутанное охладительными трубками и мигающее огромным количеством непонятных огоньков.

— Это — центр ПАУКСа, — сказал Оранж, любовно коснувшись корпуса.

— Похоже на рождественскую елку из научной фантастики, — оценила Шеви, стараясь не показать, что на самом деле аппарат весьма ее впечатлил.

Оранж тем временем деловито проверял показания каких-то датчиков. Похоже, он хорошо в них разбирался.

— Я ожидал такого отношения, — отозвался он, не оборачиваясь. — Я читал ваше личное дело. Очень познавательно. Первая по успеваемости в группе, рекордные показания тестов... и это несмотря на возраст. Проблемы с отношением к начальству, ну, и всякая прочая болтовня, сплошные киношные стереотипы.

Оранж наконец повернулся лицом к Шеви:

— Мы оба знаем, агент Савано, почему вы здесь. Ваша группа была обузой для Бюро и к тому же грозила неприятностями с законом из-за вашего юного возраста. Вы засветились перед камерами в Лос-Анджелесе, вот начальство и решило засунуть вас подальше, в тихое спокойное местечко. Но что бы вы там себе ни думали, агент, мы здесь занимаемся очень важным делом. И не ждите поблажек из-за вашей молодости.

Шеви сверкнула глазами.

— Не беспокойтесь, агент. Я никогда не жду поблажек и не пользуюсь ими.

Оранж сунул руку внутрь модуля, проверяя температуру.

— Рад это слышать. Скорее всего, ваши выдающиеся таланты останутся без применения. Вполне вероятно, что в ближайшее время из аппарата ПАУКСа никто не появится, так что можете спокойно заниматься подготовкой к экзаменам на аттестат зрелости. Но если все-таки, с ничтожной вероятностью, из этого люка однажды появится человек... очень важный для

нас человек, а меня не окажется рядом, ваша задача — сохранить его в живых. Просто сохраните его в живых и позовите меня. Вот и все.

— А сейчас этот человек там, внутри?

— Нет, агент. Сейчас аппарат пуст. Он пуст уже тридцать лет.

— Так что, эта штукавина волшебная?

Оранж улыбнулся, давая понять, что ему известно о таинственном аппарате куда больше, чем Шеви.

— Не то чтобы волшебная... скорее, сверхъестественная.

— Ага, спасибо за разъяснения.

— Это все разъяснения, которые я могу вам дать на сегодняшний день, агент Савано. Возможно, если вы проявите себя с хорошей стороны, я посвящу вас еще в некоторые детали. А до тех пор условия такие: вы живете здесь, никогда не отлучаетесь от места службы дальше чем на милю, и я буду подменять вас на посту у аппарата, пока вы спите.

— А где я буду спать?

— В квартире вверх по лестнице. Вам она понравится.

— А вы где будете спать? В милой Шотландии?

Оранж снова улыбнулся:

— На верхнем этаже. Я занимаю пентхаус. Есть свои выгоды в том, чтобы быть боссом.

Он протянул Шеви смартфон.

— Все нужные номера уже внесены. А это кнопки управления сигнализацией и системой наблюдения. Видите вот эту красную иконку? Не нажимайте ее, если не хотите, чтобы здесь разверзся ад. Вопросы есть?

Шеви взяла смартфон.

— Вопросов нет, агент.

— Вот и отлично.

Оранж снова отвернулся и занялся аппаратом, ловко щелкая пальцами по старомодным пластиковым кнопочным панелям на ее поверхности.

— Если вы проявите себя хорошо, то просидите здесь пару лет, не высовываясь, а там поглядим. Может быть, нам удастся отправить вас обратно в Штаты, не привлекая внимания прессы. К тому времени вы уже дорастете до поступления в Академию в Куантико.

Шеви хмуро уставилась в спину Оранжа. Два года... да через два года она будет уже старухой. Ей будет почти девятнадцать.

— Вау, как здорово. Два года сидеть в подвале, сторожа эту штуку. Хорошо, что я прошла боевую подготовку.

Оранж закончил свои дела и направился к выходу, не оборачиваясь.

— Продолжайте, агент, — бросил он через плечо. — Тренируйтесь, и однажды вам наверняка удастся сказать что-нибудь действительно смешное.

«Я уже ненавижу этого парня», — подумала Шеви Савано.

За несколько месяцев, которые Шеви провела в ожидании, что загадочный некто выскочит из спрятанного в подвале космического модуля, она успела потерять связь со всеми своими друзьями из Калифорнии. Пострелять ей тоже не довелось ни

разу, даже в тире. И это жутко действовало на нервы, особенно когда девушка осознала, что не только приобрела привычку разговаривать сама с собой, но и отвечать себе же.

— Немедленно прекрати это, — велела она сама себе. — Иначе люди решат, что ты спятила.

Правда? Это какие же люди, интересно? За последние полтора месяца она ни с кем не перемолвилась словом, кроме Оранжа. И даже свой семнадцатый день рождения справила в одиночестве, с шоколадным пирожным и единственной жалкой свечкой.

Особняк на Бэдфорд-сквер стал для нее вторым домом... или, вернее, ее тюрьмой. Она уже выучила наизусть каждый дюйм этого здания лучше, чем знала собственный коттедж в Малибу. Коттедж, в котором она сможет на законном основании жить сама по себе, когда ей исполнится восемнадцать. Осталось ждать меньше года.

Впрочем, была в доме на Бэдфорд-сквер одна комната, которую она действительно любила.

За свою долгую историю особняк сменил много жильцов, и когда-то эту квартиру занимала балерина. Часть второго этажа она перестроила в танцевальную студию с зеркальной стеной и станком. Конечно, балетом Шеви не занималась, но спорт любила, и понадобилось всего три недели нытья, чтобы заставить Оранжа выложить несколько тысяч фунтов на гантели и тренажеры.

Тот самый вечер, который оказался столь переполнен событиями, начинался вполне рутинно. Шеви провела несколько оставшихся спокойных минут,

стоя перед зеркалом и размышляя. Девочка, куда же катится твоя жизнь?

Великий секрет, тоже мне.

Ясно, куда она катится. Торчи тут, тарашась на эту клятую железяку, и надейся, что со временем деятели из Бюро забудут про то, что случилось в Лос-Анджелесе, и дадут тебе шанс стать настоящим агентом. Ничего, у тебя еще остались друзья в Куантико.

Обычно для того, чтобы получить значок федерала, нужно было достичь хотя бы двадцати трех лет, но Шеви оказалась участницей экспериментальной программы по борьбе с терроризмом методом внедрения информаторов в старшие классы школы. Тщательно отобранная группа подростков провела целый семестр в Академии ФБР в Куантико, а затем их распределили под прикрытием в разные школы, куда ходили подозреваемые в террористической деятельности подростки. Исключительно в качестве наблюдателей: никаких проникновений, никаких стычек. Шеви провела полгода в Лос-Анджелесе, наблюдая за одной иранской семьей, которую федералы подозревали в намерении организовать подрывную ячейку в Калифорнии. Задание окончилось публичным провалом возле Лос-Анджелесского театра, где Шеви воспользовалась своими боевыми навыками для обезвреживания вооруженного пьяного подростка, который угрожал ее иранцам. Случилось так, что подросток в процессе обезвреживания получил ранение, и в довершение всех бед это фиаско было заснято кем-то из свидетелей на мобильный телефон. В итоге программу поспешно свернули, а Шеви отправили в Лондон

в качестве сторожа при дурацкой железяке, лишь бы сенатский комитет не пронюхал, что задействованный в операции агент был несовершеннолетним.

Как обычно, Шеви отвела полчаса на разминку, потом полчаса на силовые упражнения, потом побоксировала перед зеркалом, пока ее тренировочные штаны и куртка не потемнели от пота. Она была в отличной форме, вполне достаточной, чтобы войти в первые десять процентов офицеров сил правопорядка по всему миру. А выстрелом она легко могла бы сбить яблоко с дерева хоть с сотни шагов.

«Выгляжу ли я на семнадцать?»

На взгляд Шеви, сейчас она выглядела примерно так же, как и в шестнадцать. При росте в пять футов шесть дюймов она была, пожалуй, чуть мелковата для агента ФБР, но зато легкой и быстрой, с тонкими чертами лица и блестящими черными, как у индейца, волосами.

«Я справлюсь с этим заданием, — подумала она. — От Шеврон Савано им так легко не избавиться. Есть в жизни вещи похуже, чем скука».

И это была ее последняя обыденная мысль на очень долгое время.

Райли никак не мог понять, что же с ним произошло. Если бы под рукой у него была Библия, он даже не смог бы с чистым сердцем поклясться на ней, жив он или мертв. Сознание превратилось в мешанину из страха и смятения, а сила духа, которая помогала ему выдержать столько страшных лет под опекой Гаррика, начисто испарилась.

Мысли и чувства сплетались, как потоки грязной воды в Темзе, и страшно мучила тошнота — только не в желудке, а как будто в голове.

«Может, я в преисподней?» — подумал он.

Он попытался шевельнуть рукой, но у него ничего не получилось. А может, получилось, только он не смог этого увидеть.

Откуда-то он знал, что далеко впереди появился свет — яркий, как от уличного фонаря. Хотя Райли не мог его видеть и даже не мог сориентироваться, где это — «впереди», он не сомневался, что свет существует на самом деле.

«Я прибываю», — осознал он.

Шеви стояла перед зеркалом и смотрела, как ее отражение раздваивается. На какое-то мгновение она решила, что окончательно сходит с ума, но потом сообразила: это просто зеркало треснуло, от пола до потолка.

«Плохая примета, — подумала она. — Кому-то не повезет. Наверное, мне».

По стенам побежали новые трещины, извилистые и зазубренные, как молнии, раскалывая комнату на части.

Что это, землетрясение? Разве в Лондоне они бывают?

Зеркало звонко треснуло, потом еще раз, потом принялось лопаться на тысячи осколков с треском автоматной очереди. Вырвавшись за пределы зеркала, трещины побежали по стенам. Шеви опомнилась только тогда, когда лакированные доски пола

под ее кроссовками разошлись, вздыбились и начали осыпаться градом щепок в разверзшийся в полу пролом.

— Что за черт?.. — взвизгнула она, кидаясь к двери запасного выхода.

Потолочные светильники припадочно замигали, а потом разом взорвались, осыпав Шеви дождем осколков и искр. Через окно она успела заметить, как лопаются и гаснут уличные фонари вдоль всей Бэйли-стрит и вокруг самой площади. Темнота волной катилась в сторону Ковент-Гардена и Сохо, словно какое-то чудовищное порождение ночи пожирало один за другим любые источники света.

Что случилось с напряжением? Оранж наверняка знает.

Но сейчас Оранжа на месте не было. Это было ее дежурство.

Пуленепробиваемое стекло в окне, выходявшем на фасад, тоже разошлось трещинами, впустив внутрь звуки внешнего мира: скрежет и лязг сталкивающихся на Тоттенхэм-Корт-Роуд машин и панические крики людей под покровом внезапно нахлынувшего густого лондонского сумрака.

«Что бы там ни происходило, началось оно здесь», — поняла Шеви.

Она бросилась к стенному сейфу, набрала код, распахнула дверцу и вытащила свой «Глок 22» в наплечной кобуре, к которой был прилажен дополнительный ремешок — чтобы оружие плотнее прилегало к левому боку, не оттопыриваясь. Девушка привычно накинула ремень на плечо и выхватила пистолет.

Держа оружие перед собой на вытянутых руках, Шеви напряженно вглядывалась в зеленоватое мерцание очков ночного видения, от всей души надеясь, что не увидит ничего такого, что вынудит ее стрелять.

«Я даже не знаю, как он выглядит, тот человек, который должен появиться из аппарата. Если я пристрелю свидетеля, Калифорнии мне не видать, как своих ушей».

Прижимаясь к стене, Шеви перебежала лестничную клетку. Кирпичи в стене дрожали, штукатурка крошилась и отваливалась кусками.

«А этот кусок здорово похож на Техас, — подумала вдруг Шеви. — Чего только не приходит иногда в голову...»

Померцав, наконец включились лампочки аварийного освещения, залив помещение казенным желтым светом.

«Уже лучше, — подумала Шеви. — Теперь я могу видеть, что происходит. Надеюсь, ровным счетом ничего особенного».

Затем ее посетила еще одна мысль.

Агент Оранж. Он наверняка решит, что во всем виновата она.

Тряхнув пистолетом, Шеви заставила себя сосредоточиться и решительно свернула к лестнице. Осторожно спустилась на два пролета. Подвальные ступеньки были относительно целы, однако дверь была заметно покорежена, а кодовая панель как будто расплавилась.

«Что могло расплавить стальную дверь?» — принялась размышлять специальный агент Савано, и тут же получила ответ на свой вопрос: через расплавлен-

ную дыру с налитыми жаром раскаленными краями полыхнула молния, отколов от стены напротив изрядный кусок бетона.

Молния. Отлично.

Шеви вдруг осознала, что сидит на корточках, держа дверь на мушке.

Молодец, агент. Так держать. Пристрели чертову молнию.

Она выждала несколько минут, пока вспышки молний не прекратились, и сбежала по оставшимся ступенькам вниз.

От подвальной двери остался один косяк, рваные оплавленные края которого уже остывали.

Одним прыжком, от которого ее инструктор в Куантико, Корд Валликозе, преисполнился бы законной гордости, Шеви метнулась в зияющий дверной проем, перекатилась по полу и тут же вскочила на ноги, направив пистолет в сторону коридора. Только позже она заметила, что острые края двери сильно разодрали ей бок, но в тот момент она даже не почувствовала боли.

Никакой видимой опасности за уничтоженной дверью не оказалось, только пыль и разруха. Аппарат ПАУКСа сорвало с креплений, и теперь он лежал на боку, выставив верхушку в подвальный коридор. Картина получилась точь-в-точь такой, будто в дом врезалась космическая ракета.

Но это звучит не более фантастично, чем то, что произошло на самом деле: здоровая машина высосала все соки из центра Лондона.

И Шеви поклялась себе, что, как только агент Оранж появится, она будет держать его на мушке до

тех пор, пока он не выложит начистоту, какое отношение проклятая железяка в стиле эпохи зарождения космонавтики имеет к защите свидетелей.

Обычно этот потускневший аппарат с дизайном а-ля ретро напоминал Шеви экспонат с научно-технической выставки, но сегодня машина выглядела живой и абсолютно работоспособной... в чем бы эта работа ни заключалась. Подведенные к ее основанию мощные силовые кабели гудели и потрескивали, как электрические угли, а десятки огоньков на панелях корпуса энергично мерцали, слаженно выписывая замысловатые узоры.

Значит, сегодня как раз тот день, когда некий важный человек должен выйти из аппарата. Но ведь такого не бывает.

— Эй вы, там... э-э... в модуле, — позвала она, чувствуя себя полной идиоткой. — Выходите с поднятыми руками.

Из металлической пирамиды никто не появился, однако люк с шипением стравил газ и тут же отвалился, тяжело грохнув об пол. Над отверстием заколыхались призрачные облачка пара.

«Что ж, это что-то новенькое», — подумала Шеви, проверяя большим пальцем спущенный предохранитель «глока».

Внутри аппарата блеснул оранжевый свет, по стенам заметались неровные тени.

«Там, внутри, есть кто-то живой», — поняла Шеви.

Райли почувствовал, что молекулы его тела постепенно слипаются вместе, становятся плотнее... и вскоре осознал, что чувства вернулись к нему.

«Я жив», — успел обрадоваться он, но тут на него нахлынул такой холод, что зубы едва не крошились, выбивая лютую дробь.

Его рука по-прежнему крепко стискивала рукоять кинжала, который до сих пор торчал из груди убитого старика.

«Я не могу отпустить его», — осознал мальчик. — Не могу разжать пальцы».

Райли попробовал осмотреться, как учил его Гаррик.

Он находился внутри чего-то вроде большой железной бочки, на холодных стенах которой мерцали загадочные огоньки.

«Я вернул этого волшебника обратно к его народу с клинком в груди и моей собственной рукой на рукояти. Они меня вздернут».

«Беги, — сказал ему инстинкт. — Беги, пока тебя не бросили в камеру смертников или, что еще хуже, пока Гаррик не нашел тебя».

Но холод давил на плечи тяжелой глыбой, и Райли уже понимал, что скоро он заснет и не проснется, как еще один из тысяч уличных бродяжек, гибнущих в Лондоне каждой зимой.

Шеви привстала и, крадучись, перебежала ближе к аппарату, не сводя прицела с раскрытого люка.

— Выходи с поднятыми руками, — приказала она снова, но из модуля опять никто не появился.

Чтобы подобраться вплотную к люку, Шеви понадобилось секунды три, но ей они показались годами. Мир вокруг словно замедлился. Адреналин кипел в ее крови, ускоряя работу сердца и легких. Искры плавно

осыпались с оборванных кабелей, облака пара, казалось, и вовсе замерли в воздухе.

«Соберись, специальный агент, — велела она себе. — В модуле кто-то есть».

До нее донесся тихий звук: внутри что-то заскреблось.

Может, там собака? Или другое животное?

И что ей с ним делать?

Внезапно время снова побежало быстрее, и Шеви оказалась прямо перед люком. Из отверстия веяло холодом, и яркие оранжевые искры сверхъестественным образом стягивались друг к другу, пытаясь объединиться в нечто вещественное.

Может, она целится в привидение?

Но в тесном нутре аппарата было что-то еще — скрюченное и дрожащее.

— Не двигаться! — рявкнула Шеви своим самым грозным фэбээровским голосом. — Замри, или я выстрелю.

Из глубины оранжевого облака послышался слабый голосок:

— Я и так не могу двинуться, мисс. Клянусь.

И прежде чем Шеви успела понять, почему странный акцент говорившего напомнил ей о романах Диккенса, облако рассеялось, явив взгляду фигуру мальчика, склонившегося над стариком.

Мальчик был жив, а старик — совсем наоборот. Очевидно, по той причине, что из груди у него торчал загнанный по рукоятку нож. Это прискорбное состояние оказалось не единственной странностью покойного: застывшие на груди потеки крови были желтого

цвета, а одна из рук выглядела так, словно досталась ему от гориллы.

«Не думай об этом. Делай свою работу!»

— Ладно, малыш. Отойди от него... от этой штуки.

Мальчик сморгнул, пытаясь разглядеть, кто отдает ему приказы.

— Я не делал этого, мисс. Нам нужно уходить отсюда. Он скоро придет за мной.

Приняв решение за долю секунды, Шеви метнулась внутрь аппарата, ухватила парнишку за воротник, выволокла его наружу и прижала к полу свободной рукой, не выпуская оружия.

— Кто придет, малыш? Кто придет за тобой?

Мальчик тарасился на нее расширенными от ужаса глазами.

— Он придет. Гаррик. Маг. Он сама смерть.

«Отлично, — подумала Шеви. — Сначала этот обезьяноподобный покойник, а теперь Смерть собственной персоной. Да еще и волшебник к тому же».

Почувствовав спиной чье-то присутствие, Шеви подняла голову и увидела агента Оранжа во всем его сером великолепии, который появился из коридора и теперь торопился к аппарату.

— Отличный способ нарваться на пулю, Оранж. Что вы вообще здесь делаете? Я не нажимала кнопку тревоги.

Оранж сдернул свои серебристые очки и обзрел разгром.

— Что ж, агент Савано, когда пол-Лондона осталось без электричества, я догадался, что, возможно, модуль ПАУКСа активировался.

В шести футах от люка Оранж помедлил.

— Вы заглядывали внутрь, Шеви?

— Да. Заглядывала. И что, теперь я умру от лучевой болезни?

— Нет, разумеется, нет. Там... там кто-нибудь есть? Мой отец там?

Отец Оранжа? Все интереснее и интереснее.

Шеви снова глянула на распростертого на полу мальчика.

— В модуле были два человека. Этот мальчик и пожилой мужчина. И я очень надеюсь, что он не ваш отец.

Но, судя по тому, как складывался сегодняшний денек, готова поспорить, что тот старик-обезьяна и в самом деле приходится Оранжу папашей.

И тут Шеви осознала, что, хотя агент Оранж никогда не внушал ей особого доверия, в эту минуту ей стало его по-настоящему жаль.

Боевые ботаники

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. 1898

Альберт Гаррик сидел, сгорбившись, на холодном полу и жмурился, чтобы не потревожить запечатлевшуюся в его глазах картину: тающий призрак, сотканный из оранжевых искр.

Магия существует.

Поистине революционная мысль в просвещенный индустриальный век логики и разума. Трудно поддерживать в себе веру в только что увиденное чудо, если единственное его доказательство тут же исчезло. Было бы куда проще списать все эти фантастические события на галлюцинацию... но он не станет этого делать.

«Это было испытание, — решил он. — Сегодня наступила моя ночь возможностей, и я должен найти в себе силы не упустить шанс».

Гаррик всегда верил только в кости, плоть и кровь — одним словом, в материю, которая не вызывает сомнений, которую можно потрогать руками. Но сегодня в его жизни появилось нечто иное... нечто небывалое.

Магия.

Сколько Гаррик себя помнил, магия манила и зачаровывала его. Еще мальчишкой он часто таскался за своим отцом в лондонский театр «Адельфи» и из-за кулис смотрел, как отец стирает пыль с декораций или метет сцену, подобострастно лебезя перед актерами. Даже тогда раболепное преклонение отца вызывало у юного Альберта Гаррика злость. Да кто они такие, эти люди, которые смеют обращаться с ним с таким пренебрежением? Жалкие ремесленники, поденщики от искусства, бездари...

Среди актеров существовала своя иерархия. Самую вершину ее занимали оперные солисты, за ними следовали комики, затем — красотки из хора, фокусники и дрессировщики. Маленький Альберт увлеченно наблюдал за мелкими драмами закулисного мирка, которые разыгрывались на его глазах чуть ли не каждый вечер: дивы бились в истериках из-за того, что отведенное им место в гримерке оказывалось не таким удобным, как они ожидали, или букет в день премьеры оказывался не таким огромным, как у соперницы. Звенели пощечины, хлопали двери, вдребезги разлетались разбитые вазы.

Один особенно чванливый тенор, итальянец по имени Галло, счел, что фокусник из их труппы не выказывает ему должного почтения, и решил выставить его на посмеище во время празднования собственного дня рождения в пивной «Угольная яма» на Стрэнде. Гаррик наблюдал за их стычкой, притулившись возле камина, и она врезалась ему в память так ярко, что он мог припомнить все до последней мелочи даже сейчас, почти сорок лет спустя.

Фокусник, носивший имя Великий Ломбарди, имел сложение жокея: невысокий и жилистый, с чуть великоватой для такого тщедушного тела головой. Тонкие, ниточкой, усы придавали ему несколько суровый и строгий вид, а гладко причесанные напояженные волосы еще больше усиливали это впечатление. Ломбарди тоже был итальянцем, только родом с юга, из Апулии, которую римлянин Галло считал краем простоватых селян, и очень любил делиться этим своим мнением по поводу и без. А поскольку Галло был одним из ведущих актеров, Ломбарди оставалось безропотно терпеть постоянные насмешки и издевательства. Вот только Галло следовало бы помнить, что все итальянцы — люди гордые, и проглоченные обиды разъедают их изнутри, точно желчь.

Тем самым вечером, уладив для начала собрание чуть хриплым исполнением «Застольной песни» из «Травиаты», Галло неторопливо прошелся через зал к месту, где сидел фокусник и фамильярно похлопал его своей мясистой ручищей по костлявому плечу.

— А скажи-ка нам, Ломбарди, правда ли, что апулийским беднякам приходится драться со свиньями за съедобные коренья?

Присутствующие захохотали и зазвенели бокалами, поощряя Галло к дальнейшим выходкам.

— Молчишь? Ладно, синьор Ломбарди, тогда поведай нам, как южные женщины одалживают у своих мужей бритвенные приборы, чтобы прихорошиться перед воскресной службой.

Это было уже чересчур: всегда невозмутимый и молчаливый иллюзионист молниеносно выхватил из

рукава длинный кинжал и, как всем показалось, вонзил его Галло под подбородок, однако вместо струи крови перед ошарашенными глазами публики заалела лишь гирлянда шелковых носовых платков. Галло завизжал, как перепуганный ребенок, и рухнул на колени.

— Кстати, о бритвах, — сказал Ломбарди, спокойно убирая в карман свое обманное оружие, — кажется, синьор Галло немного порезался при бритье. Но не волнуйтесь, он выживет... на этот раз.

Победа безусловно осталась за фокусником, а тенор, не выдержав унижения, следующим же утром сел на паром из Нью-Хейвена во Францию, разорвав контракт и заявив, что ноги его больше не будет в мюзик-холлах Великобритании.

Мсть, подкреплённая удачной фразой, удалась на славу, и в тот вечер, сидя у огня, юный Гаррик дал самому себе клятву: «Настанет день, и я тоже обрету силу требовать к себе такого же уважения».

После этого Альберт Гаррик целых полгода служил у фокусника на побегушках, пока наконец Великий Ломбарди не согласился взять его к себе в ученики. Для Гаррика распахнулась дверь в новый мир.

Сейчас Гаррик снова размышлял о своей клятве, сидя на полу мрачного дома на Бэдфорд-сквер, в комнате, где только что произошло убийство.

«Настанет день, и я тоже обрету силу...»

Наконец-то этот день настал.

Гаррик обмакнул кончики пальцев в натекшую на постель лужицу крови и долго смотрел, как густая жидкость медленно стекает по его бледным кистям.

Темные потеки напомнили ему о боевой раскраске дикарей в постановке «Буффало Билл на Диком Западе». Помнится, он водил на Райли.

«Кому-то придется прийти сюда, чтобы хорошенько прибраться», — подумал он, и провел пальцами по щекам, вымазав их кровью убитого.

Они непременно явятся, и тогда он отнимет у них всю магию и силу... и возьмет себе.

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Наше время

Специальный агент Шеви Савано негодовала. От нее скрывают важную информацию, держат ее за дурачку! Поэтому, едва посадив странного мальчишку под замок в камеру предварительного заключения, она ринулась в подвал, где находился аппарат, с намерением немедленно разобраться с агентом Оранжем. Но ее возмущение тут же схлынуло, как вода из отжатой губки, при виде напарника, который стоял на коленях у открытого люка, угрюмо уставившись на лежащее внутри модуля тело.

— Это... мой отец, — сказал он, не поднимая головы. — Должно быть, умер при прохождении червотчины или еще до нее. Быстрая потеря энергии объясняет многочисленные мутации.

Шеви никогда не думала, что ей придется услышать слова «червотчина» или «мутация» кроме как в фантастических фильмах.

— Вы должны рассказать мне все, агент Оранж.

Оранж кивнул, а может, просто обессиленно уронил голову.

— Да, знаю. Конечно. Но сначала нужно вызвать команду чистильщиков. Я не знаю, что мой отец мог оставить после себя. Позвоните в Лондонское отделение и скажите им, чтобы прислали аварийно-санитарную группу из Службы внутренней безопасности. Возможно, оснований для тревоги нет, но я все же должен вернуться туда и проверить.

— Вернуться куда? Что такое этот аппарат? Какое-то транспортирующее устройство? Если мы обладаем такими технологиями, общественность наверняка докопается до этого.

Агент Оранж глухо рассмеялся:

— В сети существуют тысячи сайтов, посвященных всяким запрещенным технологиям. На двух из них даже выложены чертежи этого модуля. Люди верят тому, что им навязывает реклама, а не чокнутые теоретики всемирного заговора спецслужб.

— Так значит, это транспортное устройство?

Оранж явно затруднился с ответом.

— В некотором роде, пожалуй. Я намерен расширить ваш допуск к материалам ПАУКСа. Войдите в мою сетевую папку. Пароль ГДУЭЛЛС. В одно слово, заглавными буквами. В этих файлах есть все, что вам нужно знать.

Шеви уже миновала половину лестницы, направляясь к своему компьютеру, когда сообразила, почему пароль показался ей знакомым.

Г.Д. Уэллс. Машина времени.

«Машина времени? — подумала она. — Бред».

Хотя едва ли больший бред, чем обезьянья рука и желтая кровь.

Шеви позвонила в Лондонское отделение, чтобы оформить вызов команды из Службы внутренней безопасности. Минут пятнадцать ее перебрасывали с одного номера на другой, изматывая уклончивыми ответами, пока она не назвала имя агента Оранжа. Ее тут же соединили напрямую с нужным отделом и заверили, что аварийно-санитарная бригада будет на месте менее чем через час. Едва она успела положить трубку, из дыры, оставшейся на месте входной двери, вынырнула бригада храбрых лондонских пожарных с непреклонным намерением проложить себе путь через здание с помощью топорov. Их вежливо, но решительно отравила восвояси дюжина мускулистых федералов в черной форме, которые прибыли значительно раньше аварийной бригады и тут же занялись установкой ограждения вокруг особняка на Бэдфорд-сквер.

Как только Шеви удостоверилась, что периметр надежно обезопасили, она отловила командира этих здоровяков и, глядя в его зеркальные очки, заявила, что ей нужно отлучиться на десять минут в командный центр.

Этого времени ей вполне хватит, чтобы разобраться, что за чертовщина тут происходит.

Шеви с удивлением обнаружила, что весьма неплохо справляется с потрясениями этого дня. Впрочем, она всегда хорошо держалась в экстремальных ситуациях, но сегодняшние события, пожалуй, можно было смело отнести к незаурядным. Похоже, здесь творится какая-то научная фантастика. А значит, мир на самом деле совсем не такой, каким она его себе воображала.

«Помни об этом, — велела она себе. — И прочти файлы».

Шеви наткнулась на папку Оранжа среди других сетевых файлов еще тогда, когда впервые попала на Бэдфорд-сквер, но до сих пор ей ни разу не удавалось получить к ней доступ. Наводя курсор на заветную иконку, Шеви почувствовала, что всерьез разволновалась.

Что же ей предстоит узнать? Если существуют путешествия во времени, то почему бы не быть инопланетянам? Или вампирам? Ей совсем не хочется превращаться в одну из тех киношных девиц из ФБР, которые охотятся за всякими монстрами. Они всегда плохо кончают, эти девицы.

Шеви открыла папку и с некоторым замешательством обнаружила в ней более двухсот файлов, расположенных в алфавитном порядке. Шеви изменила представление файлов так, чтобы они выстроились по дате изменения, и выбрала один под названием «Обзор проекта Оранж». Она начала читать, заставляя себя не спешить и тщательно впитывать каждое слово. Через двадцать минут полной сосредоточенности она откинулась на спинку офисного кресла и прикрыла рот ладонью, чтобы сдерживать рвущееся наружу истерическое хихиканье.

«Вы меня разыграли», — подумала она, затем отняла руку от лица и крикнула в раскрытую дверь коридора:

— Вы меня разыграли!

Оранж был внизу, в малой операционной. Он выволок своего мертвого отца из модуля и уложил на стальную каталку, прикрыв все тело, кроме лица, бе-

лой простыней. Когда Шеви вошла, он нежно обмыл губкой лоб старика.

— Как вы думаете, почему тот мальчишка убил вашего отца?

— Я не знаю. Видеозапись почти ничего не показывает. То мальчишки не было, а в следующую секунду он уже появился. Скорее всего, этот малый просто воришка.

— Воришка из прошлого. И что мы будем с ним делать?

Оранж сжал губку так, что костяшки его пальцев побелели.

— Этого я тоже не знаю. Никто и никогда не приводил с собой местных. Можем просто пристрелить его — оружие у меня есть.

— Пристрелить. Отличная идея. Агент Оранж, вы в порядке? Мне пока принять дежурство?

Оранж криво улыбнулся, и Шеви в который раз подумала, что у ее напарника есть большой арсенал разнообразных улыбок, но ни одна не выглядит счастливой.

— В этом нет нужды, агент, я в полном порядке.

— Но ведь это ваш отец.

— Нас связывает только имя. Я не видел этого человека давным-давно. Моя настоящая семья — это Бюро.

— Ух ты. Кажется, это самое печальное, что мне приходилось слышать.

Еще одна улыбка, на этот раз страдальческая.

— Полагаю, вы правы.

— Мне по-прежнему называть вас «агент Оранж»?

— Нет. Профессор Смарт вполне подойдет. Или просто Феликс.

— Профессор Феликс Смарт. Сын пропавшего без вести шотландского гения квантовой физики Чарльза Смarta. У вас такой же нос.

— Зато кровь отличается, хвала Господу. Желтую кровь каждый сканер в аэропорту засечет.

Шеви пропустила мимо ушей эти слабые потуги на юмор.

— Так что же случилось с вашим отцом? Из файлов я этого так и не поняла.

Феликс Смарт заговорил, не сводя глаз с отцовского лица.

— Мой отец сделал открытие. Убедившись, что квантовая теория Эйнштейна в основном верна, он сумел создать стабильную червоточину... канал через пространственно-временной континуум, с помощью одного редкого вещества с отрицательной энергетической плотностью.

— Так и знала, что кто-нибудь в конце концов до этого додумается, — ляпнула Шеви с каменным лицом и тут же подумала: нельзя ли снова активировать модуль ПАУКСa, чтобы она, Шеви, могла вернуться во времени на пять минут назад и удержаться от ерничанья над своим напарником, который только что потерял отца. И, кстати, изуродованный мутациями труп этого отца лежит здесь же, на столе. — Мы не могли бы поговорить об этом снаружи?

— Да, разумеется. — Феликс Смарт вышел вместе с Шеви в коридор, продолжая говорить по дороге. — Несколько лет деятельность моего отца финансиро-

вал Эдинбургский университет, затем он перебрался в Лондон, в более крупную лабораторию, и стал работать совместно с исследовательским отделом Гарварда. Я к тому времени уже служил в ФБР в Вашингтоне. Когда стало ясно, что отец добился кое-каких успехов, я уговорил своего начальника познакомиться с его работками поближе. По моему акценту об этом не догадаешься, но я долго жил в Вашингтоне с матерью, после того как мои родители развелись. Консультантам Бюро идея понравилась, и они стали вкладывать в отца деньги, а мне было поручено присматривать за развитием проекта. Очень скоро мы увидели первые результаты. Сначала испытывали установку на животных. Потом на смертниках.

Эта новость Шеви не особенно шокировала. Она знала, что в последние годы для некоторых государственных служб сделки с приговоренными к смерти преступниками при проведении разного рода испытаний стали обычной практикой. Правительство испытывало на смертниках все что угодно, от резиновых пуль до пилуль, пробуждающих способность к телепатии.

— Испытания прошли вполне успешно. Конечно, изредка возникали кое-какие аберрации¹, обычно во время обратной переброски, но они составляли менее одного процента, то есть в плане статистики были вполне приемлемы. А потом чью-то светлую голову осенила идея, что можно отправлять в прошлое особо важных свидетелей.

¹ Отклонения от нормы, ошибки, погрешности.

Шеви подняла палец:

— Повторите последнюю фразу еще раз. Я хочу убедиться, что не ослышалась.

— Если человека перебросить в девятнадцатый век, до него не доберется и сам Джон Готти¹, верно? Мы отправляли свидетелей в прошлое в сопровождении оперативного сотрудника, а затем возвращали их домой для дачи показаний.

— То есть ФБР осуществляет защиту свидетелей, отправляя их в прошлое?

— Да. Хотите, чтобы я повторил это еще раз?

— Нет, спасибо. Я поняла.

— Разумеется, это чрезвычайно дорогостоящий способ. Энергозатраты на один-единственный запуск таковы, что их хватило бы для освещения целой небольшой страны. Поэтому данным способом защиты пользовались только те свидетели, которые подвергались наиболее высокому риску с точки зрения безопасности, и которым приходилось ждать завершения следствия несколько лет. За десять лет фактической работы ПАУКСа мы заслали в прошлое всего четырех свидетелей, на разные периоды времени. В результате некоторые высокопоставленные офицеры разведслужб сочли, что расходы правительства не покрываются эффективностью программы, и полковник Клейтон Бокс, очень энергичный тип из спецназа, предложил использовать наши технологии для особых миссий.

— Мокрая работа? Убийства?

¹ Крупный босс нью-йоркской мафии в 1980—1990-х годах.

— Совершенно верно. Представьте, мы могли бы вернуться в прошлое и остановить террористов, пока они еще ходили в школу. Отцу эта идея страшно не понравилась. Несмотря на все мои увещевания, он все больше превращался в параноика. Ему повсюду мерещились заговоры, и в конце концов он пришел к убеждению, что результаты его исследований были похищены. Однажды утром он попросту исчез — перенесся в прошлое, прихватив с собой все запрограммированные пульта и коды доступа. Отец мог вернуться в любой момент, зато мы не могли последовать за ним, не имея нужных программ и кодов, которые он хранил в собственной памяти. Именно он изобрел язык для программирования модулей, а значит, без него ПАУКС фактически прекратил свое существование. Мой отец был единственным ключом. За все это время мы так и не смогли взломать его машины. Мы потеряли Терренса Картера, ключевого свидетеля по крайне масштабному делу о коррупции. Приставленный к нему телохранитель тоже был убит вместе с ним. Не говоря уже о том, что обошедшиеся в миллионы долларов модули ПАУКСа, размещенные в местах прохождения червоточин, превратились в бесполезный хлам. По иронии судьбы, полковник Бокс и вся его группа погибли в ходе одной из операций всего несколько недель спустя, так что угроза ПАУКСу сама собой устранилась.

Шеви помолчала, усваивая обрушившийся на нее поток информации, а затем задала вопрос, который ее особенно беспокоил.

— Значит, желтая кровь и обезьянья рука — это еще не все возможные аберрации?

Феликс Смарт ответил совершенно невозмутимо, как будто прибытие из прошлого трупа, отчасти превратившегося в обезьяну, было самым обычным делом.

— Вероятность возникновения сразу двух аберраций чрезвычайно низка. Раньше у смертников изредка случались мутации при прохождении через червоточину. Согласно отцовской теории, временные туннели обладают памятью, которая может вызывать нарушения в квантовой пене. Молекулы перемешиваются между собой. В девяноста девяти процентах случаев наши испытуемые проходили червоточину без каких-либо заметных отклонений, хотя нам случалось наблюдать лишние конечности, возникновение экстра-сенсорных способностей, а однажды даже динозавровую голову.

Шеви пришлось постараться, чтобы сохранить непроницаемое выражение лица.

— Голову динозавра?

— Звучит фантастично, верно? Думаю, это был велоцираптор. Нам не удалось выяснить точно.

— Динозавр умер?

Феликс Смарт нахмурился:

— Технически, велоцираптор покончил с собой. В нем еще оставалось достаточно ученого разума, чтобы осознать, что произошло. Так что он схватил пистолет и выстрелил себе в голову. Жуткая история.

Шеви охватило странное чувство, словно ее мозг в мгновение ока перенесся через несколько часовых поясов.

«У меня легкий шок, — поняла она. — Мой мозг не в состоянии усвоить слова, которые слышит. Если его ненадолго оставить в покое, он с этим справится».

— И что же будет дальше, Оранж... профессор?

Прежде чем Феликс успел ответить, негромко пиликнул его телефон: пришло сообщение. Агент вынул из кармана плоский серебристый аппарат и глянул на дисплей.

— Аварийная бригада из Службы внутренней безопасности уже здесь. Значит, сейчас мы скопируем координаты с отцовского пульта и вернемся туда, где он прятался. Может быть, найдем какие-нибудь записи и приберем то, что он мог после себя оставить. Мы же не хотим, чтобы, так сказать, местные жители наткнулись на папины чертежи и построили какие-нибудь суперлазеры на сто лет раньше положенного срока. А вы останетесь здесь и проанализируете видеозапись с пульта на нашей установке.

Шеви смотрела, как ее начальник/напарник решительно зашагал к лестнице, снова собранный и деловитый. А ведь еще и часа не прошло с тех пор, как он потрясенно взирал на тело своего убитого отца.

«Не человек, — подумала она. — Айсберг».

Райли лежал, вытянувшись на низкой койке в камере. Руки он держал перед самым лицом, стиснув в кулаки, чтобы они не тряслись так сильно.

Первой его мыслью было: «Я в другом мире». А второй: «Гаррик. Он придет за мной. Можете смело ставить на это последний шиллинг».

Райли попробовал подумать о чем-нибудь еще.

Сколько он себя помнил, у него никогда не было друга, так что он привык искать поддержки в своей собственной душе. Но иногда, не то во сне, не то в мечтах, он видел высокого парня с рыжей шевелюрой и широкой улыбкой и приобрел привычку мысленно разговаривать с этим парнем, чтобы успокоиться.

«Я жив, верно, Рыжик? И, может быть, эта тюрьма достаточно далеко. Так далеко, что даже Гаррику до нее не добраться».

Но сколько бы Райли ни повторял эти слова, он сам никак не мог в них поверить.

Тогда Райли решил вообще перестать думать о Гаррике, но не так-то просто успокоиться, если лицо безжалостного убийцы все время стоит у тебя перед глазами.

Что ж, тогда надо подумать о чем-нибудь другом.

Скажем, о желтой крови, истекающей из сердца того старика. И еще рука у него была какая-то странная, как будто обезьянья. А как насчет той бесстыжей девицы в длинных черных подштаниках? Какой-то он чудной, этот новый мир, и даже тюремная камера в нем выглядела необычно.

Впрочем, у каждой тюрьмы есть дверь, а у каждой двери есть замок.

Так говорил Гаррик.

Безусловно, в этих словах была своя мудрость. Райли заставил себя встать и пройти двенадцать шагов до двери. Если это в самом деле тюрьма, значит, из нее можно бежать. И он сбежит, как Эдмон Дантес из ужасного замка Иф в романе «Граф Монте-Кристо», одной из его любимых книг.

В последние годы книги сделались страстью мальчика и поддерживали его долгими одинокими часами в холборнском театре «Ориент», который он и Гаррик сделали своим жилищем. Гаррик часто исчезал на несколько дней, а к своему возвращению ожидал, чтобы дом был прибран, а на столе стоял горячий обед. Когда убийца усаживался в кухне, с аппетитом приступая к жаркому и постукивая коленями снизу по столешнице, он царственно взмахивал ложкой, и для Райли это было знаком приступать к обычному вечернему развлечению наставника. Мальчику надлежало ублажить его примерным пересказом какого-нибудь нового романа, который ему поручено было прочесть.

«Давай-ка поживее, сынок, — частенько говаривал Гаррик. — Больше чувства. Заставь меня поверить, что я сам оказался на тех страницах».

«Я тебе не сын, — думал Райли. — И на тех страницах хотел бы оказаться я».

Поначалу, когда Гаррик затеял эти пересказы, Райли терпеть их не мог и почти уже возненавидел сами книги, но «Приключения Шерлока Холмса» коренным образом изменили его отношение к чтению. Книга попросту оказалась слишком хороша, чтобы отнестись к ней с презрением. Райли уже не мог ненавидеть ни сэра Артура Конан Дойля, ни собственных родителей, которых он совсем не помнил, хоть Гаррик частенько напоминал ему, как они бросили его, подвесив в мешке из-под муки на ограде исправительной тюрьмы Бетнал-Грин. Именно там фокусник нашел его и спас от трущобных каннибалов.

«Будь мистер Холмс сейчас рядом, он обязательно подсказал бы мне, что делать, — размышлял Райли, простукивая дверь костяшкой указательного пальца. — Гениальный сыщик — это то, что доктор прописал. Или, на худой конец, взломщик...»

Дверь камеры оказалась обычным образчиком тюремной обстановки: тяжелая стальная створка с окошком, в которое вполне могла бы пролезть средних размеров собака, не будь оно застеклено.

Или эскапологист¹...

Райли прикинул, что смог бы протиснуться сквозь окошко, если только найти способ убрать стекло.

Гаррик заставлял его пролезать и в более узкие щели.

Но стекло со всех сторон уходило внутрь дверной створки и выглядело абсолютно гладким: ни трещин, ни пузырьков.

«А эти люди знают толк в стекле, — вынужден был признать Райли. — Тогда остается замок».

Устройство замка окончательно поставило Райли в тупик. В него было не просунуть даже зубочистку. Райли так и сяк исследовал замочную скважину кончиком пальца, пока не сломал ноготь. Видимых петель у двери не было, а щель под ней была такой ничтожной, что в нее не мог просочиться даже сквозняк.

Непростая задачка. Даже для Альберта Гаррика.

Впрочем, Гаррик пришел бы снаружи, а не изнутри. А попасть внутрь всегда проще, особенно если

¹ Цирковой артист, демонстрирующий умение освобождаться от любых пут, цепей и замков.

убить того, кто хранит ключи от этой тюрьмы, и забрать их.

Райли вздрогнул. Сейчас он мог бы поклясться, что чувствует, как Гаррик подходит все ближе и ближе, и воздух холодеет при его приближении.

Дверь негромко щелкнула и стала медленно открываться внутрь. Райли замер, затаив дыхание: он уже не сомневался, что это Гаррик пришел за ним, чтобы увести на расправу. Но в дверном проеме стоял не фокусник, а та самая полуодетая девица, которая заперла его в камере.

— Отойди от двери, малыш, — сказала девушка. — Ложись на кровать, руки за голову.

Тон у нее был вполне дружелюбный, но при этом в тонких девичьих пальцах был зажат здоровенный пистолет, которым, по мнению Райли, можно было с равным успехом как стрелять пулями, так и копать могилу. С такими пистолетами не спорят, поэтому Райли сделал, как ему было сказано, и настороженно уставился на девушку.

Та, видимо, вполне удовлетворилась и шагнула внутрь камеры, оставив за собой заманчиво приоткрытую щель. Райли быстро прикинул возможность метнуться к спасительной двери и выскользнуть наружу, но мимолетный блик на стволе пистолета наметнул ему, что лучше подождать другого подходящего случая.

— Скажите, мисс, — сказал Райли, — неужели я попал в шоу о Диком Западе? Вы похожи на индейскую дикарку.

Шеви пристально взглянула на мальчика, не сводя с него прицела.

— Вообще-то мы уже давно не используем этих слов. Представь себе, некоторым людям не нравится, когда их называют дикарями.

— Я как-то видел представление о Буффало Билле. Вы похожи на индианку из племени апачи.

Шеви чуть улыбнулась.

— Если уж тебе это так интересно, то не апачи, а шауни. Ну да ладно, хватит болтать. У тебя за головой перекладина, возмись за нее правой рукой.

Райли снова подчинился, однако, догадавшись, к чему идет дело, постарался растопырить кисть как можно шире. И напрасно.

— Ну разумеется, малыш. Старый фокус. Ты что, думаешь, я только что закончила школу идиотов?

— Почему вы называете меня малышом? Мы ведь почти ровесники.

Шеви наклонилась над Райли и защелкнула на его запястье наручники.

— Да? Ну, вообще-то, мне уже семнадцать. А тебе я бы не дала больше двенадцати.

Затянув один браслет потуже на руке мальчика, она накинула второй на перекладину кровати спинки.

— Неправда, мне четырнадцать, — возразил Райли. — И я очень быстро расту. Через год я буду уже на голову выше вас, мисс.

— Я вся трепещу, малыш. Но пока этот великий день не настал, запомни, что у тебя всего одна свободная рука, чтобы есть и чесывать задницу. Так что сначала советую поесть.

Теперь, когда мальчик был надежно прикован, Шеви распахнула дверь пошире и подперла ее стулом,

чтобы иметь возможность видеть, что творится в помещении с модулем. Просто на всякий случай. Вдруг оттуда появится еще кто-нибудь.

Райли несколько раз дернул за цепь, проверяя ее на прочность, и Шеви ухмыльнулась.

— Все так делают, но позволь сообщить тебе, что у этих наручников прочность на разрыв больше трехсот пятидесяти фунтов, так что не теряй понапрасну времени. — Она покачала головой и продолжила: — Сколько же времени потеряно сегодня впустую, ты даже не представляешь.

Райли чуть не расплакался, но тут же устыдился собственного малодушия. Слезы не помогут ему спастись от Гаррика. Обстоятельства как никогда требовали от него присутствия духа.

— Мисс, вы обязательно должны отпустить меня прежде, чем он доберется сюда.

Шеви подтянула к себе железный стул и уселась на него верхом, уперев локти о спинку.

— Ах, да. Он. Смерть, верно? Он есть Смерть, и Смерть идет сюда. Страшное привидение.

— Нет, не привидение. Гаррик создан из плоти и крови, как вы и я. Это он убил старика с желтой кровью, и он убьет нас тоже, если мы не поспешим покинуть это место, где бы оно ни находилось.

Шеви уже готова была проникнуться жалостью к этому чумазому заморышу, но вспомнила, при каких обстоятельствах увидела его впервые.

— Скажи-ка мне лучше вот что, малыш. Почему бы нам не отвлечься на минутку от этого мрачного

типа, которого ты называешь Смертью, и не сосредоточиться на том, зачем ты убил старика?

— Это не я, мисс, — затряс головой Райли. — Я бы никогда этого не сделал. Это Гаррик.

Шеви была неплохим физиономистом. У парнишки было открытое лицо с густыми бровями и остреньким подбородком. Нечесанные волосы могли оказаться какого угодно цвета, если их помыть. Глаза были поразительно синие, по крайней мере правый, левый сейчас казался черным из-за сильно расширенного зрачка. Одним словом, невинное лицо ребенка, а не убийцы. Если, конечно, он не психопат.

— Ах да, Гаррик. Мистер Смерть. Или, скорее, мистер Никто.

— Вы насмехаетесь надо мной, мисс. Вы думаете, я лгу.

Шеви сердито нахмурилась:

— Брось эти свои шутики насчет «мисс», малыш, а то я чувствую себя героиней старого романа. Называй меня агент Савано. Только не думай, что мы заделались друзьями, я всего лишь стараюсь вести себя воспитанно и не выносить суждений на твой счет, пока мне не известны все факты. А на твой географический вопрос отвечаю: мы в Лондоне, Англия.

Мальчишку эта новость явно взволновала.

— Вы сказали, в Лондоне? Это правда? Но это значит, что он уже где-то здесь. У нас нет времени, агент Са-ва-но. Мы должны срочно уходить отсюда. Вы не могли бы воспользоваться той оранжевой магией?

«Оранжевая магия. Агент Оранж, — дошло вдруг до Шеви. — Теперь я поняла».

— Послушай, малыш. Даже если этот твой Гаррик существует на самом деле, если он застрял на той стороне оранжевой магии, никакие божественные силы не перенесут его сюда.

Поразительные глаза мальчика таращились все так же широко и испуганно.

— Божественные, может быть, и не перенесут, но дьявольские могут.

— Вы, викторианцы, любите пафосно выражаться, верно? — фыркнула Шеви. — Как тебя зовут, малыш? Не могу же я называть тебя малышом вечно.

— Меня зовут Райли, — ответил мальчик.

— Как-нибудь Райли? Или Райли как-нибудь?

Райли пожал плечами:

— Этого я не знаю, агент Савано. И Гаррик тоже не знал. Мне вполне хватало одного имени. В записке, которую нашли при мне, было сказано только: «Это Райли, беспризорник. Позаботьтесь о нем». Когда он меня нашел, каннибалы собирались сварить меня. Он убил их всех, а последнего заставил сжевать кусок своей ноги в назидание.

— Смело могу сказать, что этот твой маг и чародей по кличке Смерть, который к тому же называет детей единственным именем и якобы способен путешествовать во времени, на редкость неприятный тип.

Райли вздохнул. Эта леди не понимает, кто такой Гаррик, да и откуда ей знать, на что он способен? Гаррик был по-своему уникальным существом, и неистовство его гнева мог осознать лишь тот, кто видел его или испытал на себе. Значит, придется ему разрабатывать план спасения самостоятельно. Хорошо бы

отвлечь тюремщицу хоть ненадолго, чтобы выиграть время для размышлений. Райли слегка приподнялся и указал на татуировку на бицепсе агента Савано.

— А что означает эта стрелка, агент? Вы что, моряк?

Шеви хлопнула по синему рисунку ладонью.

— Этот знак называется шеврон, меня называли в честь него. Но эту захватывающую историю я расскажу тебе в другой раз. Скажем, когда приду навестить тебя в тюрьме.

Леди определенно не попала на его удочку.

— Я невиновен, мисс... агент. Вы должны отпустить меня.

Шеви поднялась, крутанув стул ладонями за спинку.

— Мы еще вернемся к этому вопросу, когда я просмотрю видеозапись. Через часок я притащу тебе пару гамбургеров, а ты смотри, никуда не уходи, путешественник во времени...

Райли в задумчивости смотрел, как за ней закрылась дверь. Путешественник во времени?

И еще: что такое видеозапись?

И еще: зачем она притащит сюда немцев? Что ему с ними делать?

Прибывшая бригада ничуть не походила на обычные отряды по ликвидации всяких утечек опасных веществ и прочих аварий, которые Шеви доводилось видеть. Вместо белых противочумных комбинезонов на них были костюмы из какого-то странного материала вроде неопрена, и для группы ученых они выглядели несколько воинственно.

Шеви устремилась по подвальному коридору к агенту Смарту, который прилаживал на плечо ремень от арбалета.

— Кто эти парни? Химические ниндзя? И зачем вам этот лук?

— Как много вопросов сразу, агент Савано.

— Да, пожалуй, я немного отстала от жизни. До сегодняшнего дня, знаете ли, никто не упоминал о защите свидетелей путем перемещения их в прошлое. А теперь все так и скачут в это самое прошлое, а меня с собой не берут.

— У тебя нет специальной подготовки по работе с разнообразными опасными веществами, Шеви. А у этих парней есть, плюс серьезные боевые навыки. А что касается нашего снаряжения, то костюмы изготовлены на основе пеньки и полностью разлагаются на открытом воздухе, а оружие изготовлено по новейшим технологиям, но специально выглядит так, чтобы не слишком шокировать местных жителей, если нам придется с ними встретиться. Мы отправимся назад, приберемся там и вернемся домой. А если после нас там вдруг что-то останется, оно не вызовет эффекта домино.

— При всем уважении к... э-э-э... эффекту домино, почему вы не хотите вернуться в момент чуть раньше и спасти своего отца? Ведь теперь у вас есть его пульт со всеми координатами, и вы точно знаете, где он скрывался.

Агент Смарт покачал головой:

— Я вижу, вы не дочитали файл до конца, верно, Шеви? Любая червоточина имеет стабильную протя-

женность, вплоть до наносекунды. Попробуйте представить себе ее как полую соломинку: если вы двигаете один конец, второй двигается вслед за ним. Это означает, что если здесь прошел час, то и в прошлом тоже прошел ровно час. Эта конкретная червоточина имеет протяженность чуть менее ста двадцати лет, значит, именно на это время мы можем вернуться.

— И как долго вы там пробудете?

— Недолго. Допустимый максимум составляет десять минут. Малейшая задержка — и мы погибнем, а вам останется отключить питание, демонтировать модуль и отправиться домой в Калифорнию.

— Вот что я называю позитивным мышлением, агент. И что мы на этот раз скажем пожарным?

Смарт натянул на лицо сплошную черную маску.

— Никаких проблем не будет. Я подрегулировал демпферы, так что на этот раз перебоев в электропитании не предвидится.

Шеви оглядела приготовившуюся к отправке команду, с ног до головы одетую в черные рельефные скафандры и ошетилившуюся клинками и луками.

— Выглядите очень футуристично, ребята, хоть и работаете под старину. А что будет, если вас поймают прежде, чем эта конопляная одеждак растает? Тот мальчишка, Райли, божится, будто на той стороне вас поджидает какой-то убийца-волшебник.

Из-за маски голос Смарта звучал приглушенно.

— Ах, да. Злой призрак. Классический случай психологического перенесения, агент Савано. Виноват не я, виноват мистер Никто. Но даже если этот неведо-

мый Фейгин¹ действительно караулит нас на той стороне, я думаю, мои парни с ним справятся.

Шеви тоже так думала. Парни выглядели так, будто могут без проблем захватить небольшую страну.

— Ладно, а если случится землетрясение и вас погребет под обломками?

— Что ж, именно на этот случай и предусмотрена красная кнопка. Хотя эти костюмы и пролежали на складе пятнадцать лет, надеюсь, ртутные выключатели все еще работают.

Это заявление придало ситуации неожиданную серьезность.

— Самоуничтожение? — поразилась Шеви. — Вы опять меня разыгрываете? Это же не эпизод из «Сумеречной зоны».

Агент Смарт усмехнулся, передернув плечами.

— Это именно он, Шеви. Он самый и есть.

Шеви усмехаться не стала. С чувством юмора у нее было все в порядке, но шуточки про самоуничтожение были не в ее вкусе.

— А мне, значит, просто сидеть и ждать, ковыряя в носу, пока эти ваши боевые ботаники будут ставить на место это временное домино?

Смарт застыл.

— Боевые ботаники? Ставить на место временное домино? Знаете, что я вам скажу, агент Савано? Полагаю, вы ухватили суть происходящего здесь, хотя, честно говоря, никогда не думал, что это случится.

¹ Герой романа Ч. Диккенса «Оливер Твист», скупщик краденого.

У некоторых людей главные мышцы — это те, которые управляют курковым пальцем, но вы отлично держались все это непростое время и даже ни разу никого не пристрелили.

Шеви уставилась на Смарт. Он что, смеется над ней? Или он просто-напросто робот?

— Вы уверены, что вам стоит возглавлять эту операцию? Может быть, мне вас сменить?

Внезапно все четверо ниндзя-ботаников потянулись к кобурам, приложенным у них на поясах, и вынули оружие.

— Не говорите лишнего, Шеви, — посоветовал Феликс. — Эта операция чрезвычайно важна. Никто не хочет кануть в небытие из-за того, что мой отец нарушил ход времени.

Шеви не отступила ни на дюйм:

— Ага, отлично, тогда скажите вашим парням: когда они вернутся, я буду ждать их в спортзале, по двое за раз.

Аварийная бригада дружно опустила оружие, таращась на Шеви с перекошенными от изумления лицами, как львы, которых вызвал на бой мышонок.

— А они неразговорчивые, эти ваши лабораторные герои.

Смарт тем временем включил несколько компьютеров, выставленных в ряд на длинном металлическом столе. От них по полу тянулись толстые провода, уходя куда-то под аппарат ПАУКСа. Из-под пальцев профессора потекли длинные цепочки кодов.

— За это я их и люблю, агент. Они просто делают свою работу, а не болтают.

Компьютеры выглядели старыми и громоздкими, с выпуклыми буквами на клавишах, которые светились зеленым. Шеви обратила внимание, что раскладка у них другая, не как на обычной клавиатуре. Она ткнула пальцем в одну из клавиш, просто чтобы убедиться, что она и в самом деле сделана из дерева.

Смарт оттолкнул ее руку.

— Поаккуратнее с оборудованием, агент, — посоветовал он. — Оно очень старое, такие технологии уже не используются. У нас даже нет запасных частей, чтобы его чинить.

— Да бросьте, у меня в комнате полно всяких деревяшек.

Смарт проигнорировал ее комментарий, продолжая тестирование систем. По мере того как он вводил все новые и новые коды, аппарат будто просыпался, вибрируя и исходя паром, как неисправный холодильник. Застрекотали и замигали квадратные огоньки, складываясь в сложные узоры, мощные силовые кабели загудели от несущихся по ним мегаватт энергии. Резиновая изоляция кое-где расплавилась, обнажив потрескивающие провода.

В целом все это напомнило Шеви старые фантастические фильмы, которые иногда крутили по кабельному.

«Именно так люди и считали нужным изображать будущее по телевизору в минувшем веке: дешево и кричаще».

Из разных сегментов модуля вырвались лазерные лучи, соединяясь между собой и образуя вокруг него световую решетку.

«Лазеры? — подумала Шеви. — Прямо как и положено в машине времени. Я как будто попала назад в семидесятые».

Чтобы как следует разогреться, модулю ПАУКСа понадобилось несколько минут. Он трясся, фыркал и гудел, пробуждаясь к жизни. В его основании зарокотали шесть электрических двигателей. Шеви только радовалась, что это не ей придется сейчас шагнуть в нутро этой адской машины, чтобы подвергнуться дематериализации. Внезапно аппарат чуть приподнялся над креплениями и завис на высоте где-то в полдюйма. Огоньки вспыхнули все разом, за исключением нескольких, которые лопнули и погасли.

— Порядок, — крикнул Смарт, перекрывая электрический гул. — Стабильность девяносто семь процентов. Хороший показатель.

«Девяносто семь процентов? — подумала Шеви. — Зуб даю, эти парни из бригады не знают об обезьяньей руке, иначе они бы наверняка настояли, чтобы дожидаться всех ста».

Одетая в черное команда пробралась через люк в вибрирующую машину и уселась на идущую вдоль стенок низкую скамейку. Скрючившись в тесном пространстве, они сразу перестали выглядеть такими уж грозными, даже несмотря на устрашающие костюмы и обилие оружия. Шеви вдруг вспомнился ее молочный братишка и та ночь, когда он со своими приятелями решил заночевать в палатке на заднем дворе. Все они держались круче некуда, пока в два часа ночи что-то вдруг не поскреблось в тканевую крышу.

Смарт вручил Шеви пульт в виде кулона, который держал в руке.

— Я сделал копии для себя и остальной команды, но этот пульт — самый главный, со всеми кодами доступа. По сути, в нем заключена вся история проекта. Не потеряйте его.

Шеви повесила пульт себе на шею.

— Буду держать под подушкой рядом с вашей фотографией.

Смарт сдернул маску, и Шеви впервые за все девять месяцев увидела, как он улыбнулся по-настоящему.

— Мне будет не хватать вас, Савано, когда все это закончится. Ни один из этих ребят ни разу не решился надерзить мне. Но все равно учтите: если вы напортачите, я добьюсь, чтобы вас направили в Мурманское отделение.

— У нас нет Мурманского отделения.

— На самом деле есть. Очень глубоко подо льдом.

— Поняла вашу мысль. Не волнуйтесь, Феликс. Мальчишка в камере, и я никому не позволю дотронуться до пульта.

Смарт снова надел маску.

— Отлично. В таком случае через десять минут вы досрочно отправитесь домой с хорошими рекомендациями и чистым послужным списком. Но если из этого модуля выйдет кто-то чужой, не забудьте, чему вас учили: всегда цельтесь в грудь.

— Я помню, — кивнула Шеви. — В грудь. В самую большую мишень.

Они обменялись рукопожатием, хотя Шеви очень не хотелось этого делать. И вовсе не из-за боязни

микробов. Просто за девять месяцев скуки она пристрастилась к просмотру боевиков, а как известно всякому киноману, стоит двум враждующим копам начать испытывать друг к другу уважение и приязнь, как второстепенный коп непременно погибает.

«А если кто здесь и есть второстепенный персонаж, — подумала она, — так это я».

Смарт, пригнувшись, нырнул в люк и уселся рядом со своей командой.

Он досчитал в обратном порядке до пяти, разгибая сжатые в кулак пальцы, и вся команда сгрудилась в середине модуля, обхватив друг друга за плечи. Смарт нажал на висящий у него на шее кулон, и модуль тут же залило оранжевым светом. Раздался громкий свист, и облако света почти мгновенно схлопнулось само в себя, породив локальный вакуум, который Шеви почувствовала даже со своего места за компьютерами.

Гул достиг почти ураганной громкости. Команда Смарта задрожала, расплываясь, когда составляющие ее молекулы стали распадаться. Размытые фигуры людей стали оранжевыми и разлетелись пузырьками, которые закружились посреди аппарата маленьким спиральным циклоном. Шеви могла поклясться, что разглядела в пузырьках отражение разных частей тела.

Откуда же, интересно, возникло это отражение? Из субатомных частиц?

Открывшаяся червоточина выглядела как труба из света и оказалась немного меньше, чем в глубине души ожидала Шеви. Однако ее вполне хватило, чтобы

всосать в себя атомы членов аварийной бригады и их командира. Пузырьки продолжали вращаться по спирали вниз, постепенно оседая на полу модуля пульсирующим белым кругом. Он сверкнул, как новенький серебряный доллар, а потом начал кружиться поперек оси, разбрасывая по всему подвалу яркие блики.

Ослепленная, Шеви зажмурилась, а когда снова открыла глаза, червоточина уже закрылась, оставив после себя лишь легкое облачко дыма в форме вопросительного знака.

Шеви осторожно обошла компьютерный стол и заглянула внутрь модуля. Там было холодно, а на металлических стенках поблескивали капельки оранжевого геля.

«Надеюсь, это не какие-нибудь особенно важные части тела».

Смарт и его команда исчезли, в этом не было никаких сомнений.

«А ведь до этого момента я не верила истории Оранжа, — задумалась Шеви. — Ни на секунду не верила. И даже не уверена, что верю сейчас».

Однако было невозможно отрицать, что ее напарник исчез — может, в червоточине, как было запланировано, а может, просто испарился под этими давно устаревшими лазерами.

«Об этом можешь поразмышлять потом, когда окажешься дома, в Малибу. А до тех пор — действуй, как профессионал».

Назначенные десять минут Шеви решила потратить на просмотр видеозаписи с главного пульта. Вдруг там найдется, что добавить к отчету. А потом,

кто знает — есть ведь ничтожный, призрачный шанс, что Райли говорил правду. Впрочем, даже если и так, таинственному злодею, которого мальчик боится, все равно не пробраться в будущее.

Перед внутренним взором Шеви внезапно промелькнуло лицо Райли: широко раскрытые глаза, выпачканная сажей бровь.

Не божественная сила, так дьявольская.

Она вздрогнула. Может, мальчик и лгал, но сам он был уверен, что говорит правду.

Альт-тек

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. 1898

Альберт Гаррик негромко мурлыкал себе под нос бесхитростную колыбельную. Когда-то он выучил ее, сиживая на коленях у ирландки, которая вынянчила едва ли не половину обитателей Олд-Найчола¹. Если Гаррик и хранил в своей душе хоть одну непреложную истину, твердую и нестигаемую, как стальной стержень, то эта истина гласила: никогда-никогда он не вернется на Олд-Найчол, даже на час, даже спасаясь от свирепой облавы.

— Лучше висеть в петле, чем вернуться в эту выгребную яму, — клялся он себе сквозь стиснутые зубы.

Надо признать, в данном случае слова «выгребная яма» отнюдь не были преувеличением. Трущобы Олд-Найчола были отгорожены от других кварталов широкой сточной канавой. Великий пожар² пощадил их, но с тех пор это обиталище беднейших отбросов

¹ Старый трущобный квартал в Ист-Энде.

² Большой пожар, уничтоживший центральные районы Лондона в 1666 г.

Лондона так ни разу и не подновлялось. Настоящая выгребная яма, иначе не скажешь. Грязная гниющая канава, где облезлые хибары перемежались кучами отбросов, и где самый воздух был пропитан едкой вонью заводской копоты и пронзительными воплями вечно голодных младенцев.

Ад на земле.

Альберт Гаррик продолжал мурлыкать. Слова будто сами собой всплывали из темных теней прошлого, и убийца негромко напевал их мягким приятным тенором:

Один младенец, десять, двадцать

Вольно монетам в горсти бряцать,

Но вот явился Старый Ник¹, похитил крошек он моих.

Умолк мой дом, померкнул день, молюсь о хлебе каждый день.

Гаррик хмуро ухмыльнулся. Эта песенка напоминала о холере, что едва ли было подходящим сюжетом для колыбельной: вместо того чтобы убаюкивать, она только возбуждала детские страхи, и Гаррику редко удавалось заснуть под нее. Почти вся семья Гаррика — девять человек — полегла во время эпидемии. Болезнь непременно прибрала бы и его самого, если бы не сообразительный папаша, который однажды ночью в темном переулке перерезал горло уборщику из «Театра Адельфи» и явился утром затребовать его место. Конечно, уборщик был папашиним приятелем, но речь ведь шла о жизни и смерти, а Темза и так битком набита телами лучших друзей. Редкий прилив

¹ Старый Ник — одно из прозвищ дьявола.

обходился без того, чтобы к побережью Баттерси не прибило очередной труп чьего-нибудь доброго приятеля.

Больше года отец и сын ночевали в потайной камерке позади гримерок Адельфи, покуда не смогли позволить себе перебраться подальше от Олд-Найчола.

Гаррик встал коленями на искусной работы коврик с вышитой на нем геральдической лилией, прогоняя ненавистные воспоминания и сосредотачиваясь на более насущных делах. Он аккуратно выложил на коврик свои ножи, остриями к центральному лепестку вышитого цветка. Всего шесть клинков, от тонкого стилета и широкого кинжала до четырехгранных метательных ножей-сюриkenов. Однако самым любимым у Гаррика был зазубренный рыбный нож, который он хранил под подушкой с самого детства.

Он любовно погладил его деревянную рукоятку. Можно было смело сказать, не погрешив против истины, что Гаррику этот нож был дороже, чем любой человек из его окружения. Однажды фокусник подверг себя серьезному риску попасться, когда непозволительно долго задержался у трупя очередной жертвы, вызволяя нож из месива кровавых внутренностей.

«Но я готов пожертвовать даже тобой ради сладкого вкуса магии, — признался он ножу. — Не медля ни секунды, с великой радостью».

Гаррик не сомневался: после того как тот волшебник вернулся к своим в виде хладного трупа, сюда непременно кто-нибудь явится. Старик так и сказал: «если вы причините мне вред, сюда придут люди, чтобы убедиться, что вы не выведали моих секретов».

И Гаррик верил, что тот говорил правду. Секреты старика совершенно точно были волшебными, и люди, конечно, придут, потому что магия — это сила, а сила — это знание. И тот, кто управляет знанием, управляет миром. Знание — слишком опасная штука, чтобы позволить ему болтаться просто так, а значит, люди придут за ним.

Из широкой каминной трубы, громко хлопая крыльями, вылетела стайка летучих мышей.

Может, они что-то почувствовали? Может, великий момент приближается?

«Явитесь же, боги магии. Явитесь и встретьтесь со статью Гаррика, и тогда мы посмотрим, сумеете ли вы умереть как мужчины».

Гаррик снова спрятал свои клинки в карманы и растворился в густой тени за старинными часами.

Когда путешественник во времени появляется из червоточины и квантовая пена начинает застывать, он испытывает быстро забываемое ощущение поразительной ясности и полного единения с мирозданием.

«Все хорошо, прекрасная маркиза, — как саркастически сказал об этом моменте Чарльз Сمارт в своей знаменитой речи в Колумбийском университете во время лекционного турне по Соединенным Штатам. — Когда все те крохотные виртуальные частицы аннигилируют, человек буквально растворяется во Вселенной».

Разумеется, это всего лишь субъективные ощущения, связанные с квант-слиянием — еще один термин, созданный профессором Смартом. Нет и не может быть никаких доказательств того краткого чувства

космического единства, которое быстро рассеивается и почти сразу же забывается. И все же профессор Смарт был прав: буддистская «нирвана» в самом деле существует, и каждый член аварийной бригады испытал ее, когда его тело наконец вернулось в твердое состояние и замерло в состоянии мгновенного невыразимого восторга, как ребенок, впервые увидевший фейерверк.

Окутанная оранжевой дымкой команда стояла на кровати, которую Чарльз Смарт приспособил в качестве посадочной площадки для прибывающих из временного портала. Затем оранжевое свечение втянулось обратно в червоточину, которая парила позади них зависшим в воздухе бриллиантом.

— Эй, — заговорил тот, кто определенно был среди них за главного, с небрежно опущенным арбалетом. — Теперь, парни, вы увидели, что общего между Эйнштейном и Даффи Даком? Этот утенок знал, о чем толковал.

Им предстояли бы еще секунд восемь или около того всеобъемлющей космической мудрости, если бы Гаррик интуитивно не догадался, что судьба вряд ли подарит ему еще один такой же великолепный шанс. Он ринулся в атаку, как смертоносный вихрь, метнувшись из своего укрытия к кровати под балдахином, где стояли его недруги, безвольные, как скот на бойне.

«Ну же, мальчики, пора браться за луки», — подумал он.

Появление Гаррика, вскочившего на кровать, мгновенно разрушило атмосферу эйфории, и команда

тут же перешла в состояние боевой готовности — все, кроме Смарта, который все еще полностью не восстановился из квантовых частиц, отчего его руки и ноги колебались и подрагивали, как под водой.

Судя по брызнувшей алой крови, первый же удар Гаррика достиг цели. Убийца беспокоился было, что его клинок может наткнуться на какие-либо защитные доспехи, но, хотя непривычный с виду костюм пришельца был изготовлен из очень прочного материала, тот не смог противостоять хищной остроте верного рыбного ножа. Мужчина, болтавший об утках, рухнул на простыни, захлебываясь кровью. Второй одетый в черное пришелец сблизил кулаки в боксерской стойке и молниеносным хуком ударил Гаррика в солнечное сплетение.

Убийца хрипло рыкнул — от удивления, не от боли. Эти черные демоны были быстры, но все же не волшебны быстры, а для того чтобы пробить сухощавую мускулатуру Гаррика, требовалось куда больше, чем обычная бойцовская сноровка.

Гаррик изучал множество разновидностей рукопашного боя, от корнуольской борьбы до окинавского карате, и из каждой выбирал то, что подходило именно ему. Эти навыки он развивал с помощью своей врожденной особенности: исключительной ловкости рук. Его стиль нельзя было распознать по внешним признакам, и против него не было защиты, ибо Гаррик был единственным мастером этого уникального стиля, и он же был его единственным последователем.

Применив свое мастерство, фокусник ухватил лезвие поперек левой ладонью. Второй человек в черном

проследил за этим движением поворотом головы, но упустил из виду метательный клинок, который неведь откуда возник в правой руке Гаррика, словно вынырнув из его собственных вен.

Когда человек в черном заметил краем глаза смертоносный блеск клинка, тот уже начал свой стремительный полет к цели. Не во второго человека — в третьего, в то время как второго отвлекала левая рука Гаррика, сжимавшая рыбный нож.

Второй слишком поздно заметил опасность и едва успел увидеть, как метательный клинок вонзился в грудь его товарища, прежде чем коварный рыбный нож рассек его собственную яремную вену.

«Сколько крови, — подумал Гаррик. — Целый океан крови».

Трое из аварийной бригады были повержены. Четвертый решил, что лучше атаковать, чем быть прирезанным на месте. Он был настоящим профессионалом, прославившимся в ФБР тем, что однажды во время драки в одном из баров Вегаса уложил на пол чемпиона мира по боксу. Он выбросил правый кулак молниеносным кроссом, который свалил бы даже слона, и мысленно наметил следующие три удара.

Они ему не понадобились. Гаррик поднырнул мужчине под локоть, перекатил его через собственную спину и принял на острие тюремного ножа. Агент умер мгновенно, но долго мучиться ему не пришлось.

Оставался один, последний — тот самый, окутанный волшебным сиянием. Человек, обладающий истинным могуществом. У Гаррика от предвкушения потекли слюнки.

Как же украсть эту магию? Как она работает? Может быть, надо знать особое заклинание? Или они пользуются пентаграммами? Все, что Гаррик перепробовал в свое время, чтобы высосать из магического эфира хоть искорку волшебной силы, теперь выглядело не более чем дешевыми фокусами. Свечи, травы, жертвоприношение животных... Он барахтался во тьме, как неразумное дитя, а сейчас его глазам предстало истинное могущество. И он получит его... если сможет.

Гаррик убрал нож в карман и погрузил ледяные пальцы в оранжевое свечение, пока не нащупал шею поверженного человека. Сухожилия выглядели крепкими, как стальные тросы, но на ощупь оказались мягче масла. Гаррик увидел, как его собственные пальцы словно слились с плотью пришельца, и вслед за этим телесным слиянием случилось взаимопроникновение душ.

«Я знаю этого человека, — нахлынуло на него осознание. — И он знает меня».

Свободной рукой Гаррик сорвал с него маску, чтобы потребовать знания, которого не смог отыскать собственным разумом.

— Скажи, как ты заполучил магию, — сказал он. — Открой мне свои секреты!

Пришелец, похоже, пребывал в помраченном сознании: он смотрел, но не видел, таращась в пространство мутным, блуждающим взглядом. Гаррику доводилось видеть такой взгляд у солдат, только что очнувшихся после хлороформного наркоза.

«Я знаю тебя, Альберт Гаррик, — явственно сказал человек, хотя его губы не двигались. — И я знаю, кто ты есть».

Слушая мысли Феликса Смарта, Гаррик ощущал поразительное единение с этим человеком. Как будто вся жизнь Смарта сжалась в одну горькую пилюлю, которая теперь проталкивалась в его горло. В его мозгу вспыхивали воспоминания, еще более живые и яркие, чем его собственные. Он чувствовал вкус крови и пота, чуял запах пороха и гниющей плоти, и в то же время извлекал наружу все собственные постыдные тайны и сожаления, в которых он никогда и никому не посмел бы признаться.

«Это и есть магия, — осознал он с восторгом, хотя его прошлое мерзким червем копошилось в его внутренностях. — Видеть и знать».

— Отдай ее мне, — сказал он, крепче стискивая шею мужчины. — Она нужна мне, слышишь?

— Они отправили тебя в Афганистан, — с хрипом выдавил из себя пришелец.

Гаррик был так поражен этими словами, что поддался интересу.

— Немногие знают об этом, шотландец. Я вступил в армию, убил свою долю врагов и вернулся домой героем. — Гаррик затряс головой, прогоняя оранжевого чужака из собственного сознания. — И поменьше болтай, если только не собираешься раскрыть мне свою тайну.

Пришелец прикрыл глаза, как показалось Гаррику, с горечью.

— Я не могу. И я знаю, что ты собираешься сделать, так что...

Его рука потянулась к красной кнопке на поясе, и Гаррик перехватил ее, вцепившись в запястье мужчины.

Квантовый контур замкнулся, и теперь обмен информацией пошел на всех уровнях сразу. Знания, тайны, сама сущность бытия — все это мелькало с быстротой молнии между сцепившимися в лютом поединке мужчинами. Гаррику приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы не потерять самого себя в этом вихре информации. Он видел и понимал все, все на свете, от амёб до микроволн. Он осознавал самого себя как комок трепещущих нейронов и ясно понимал, как они действуют. Он объёял единым взглядом и обратную сторону Луны, и Землю под властью динозавров, и компьютеры размером со спичечный коробок, и ученого-шотландца, и девчонку шауни, и парнишку Райли.

«Райли», — подумал он, и эта мысль тут же ускользнула от него в квантовую пену. Он дернул головой, не желая отпускать ее, и шотландец тут же воспользовался его мгновенной утратой внимания, чтобы нажать красную кнопку на ремне.

Гаррик почувствовал смещение ртути, почуял запах взрывчатки и понял, что есть только один способ попытаться избежать смерти. Он с силой ударил Феликса Смарта в обмякшее горло и, не разжимая хватки, метнулся к крохотному пульсирующему кругу света на разгромленной кровати.

Казалось невероятным, чтобы двое взрослых мужчин могли втиснуться в столь крохотное пространство, но червоточина, представляющая собой чистую физику, исправно сработала, распылив сражающуюся пару на атомы в тот самый миг, когда бомба в костюме взорвалась.

Чарльз Смарт, крестный отец путешествий во времени, рассуждал в своей знаменитой лекции в Колумбийском университете о том, что, если в квантовом потоке возникнет спонтанный энергетический сдвиг, это может оказать на путешественников во времени самый невероятный эффект. Теоретически, в результате такого воздействия может возникнуть существо, наделенное удивительными способностями, которых человечество не смогло достигнуть путем нормальной эволюции. То есть, по его словам, Кларк Кент мог на самом деле стать Суперменом.

В мир могли явиться настоящие супергерои.

Или суперзлодеи.

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. Сейчас

Шеви Савано воткнула пульт Чарльза Смарты в причудливую зубчатую прорезь гнезда на боку старомодного компьютера в подвале, где стоял модуль.

На экране появилась надпись:

ИДЕТ ПРОГРЕВАНИЕ

Прогревание? Это что, ксерокс, что ли?

Альт-тех, одно из любимых словечек Феликса. То есть альтернативная технология. Обычно он называл этим словом какой-нибудь ветхий аппарат, который никогда не работал как следует.

Прогревание, значит. Наверное, дальше эта штука потребует прибавить газу.

Внезапно на экране засветилось меню. Экранчик был маленький, выпуклый. Наверное.

«Ладно, я догадываюсь, что ни «Эппл», ни «Майкрософт» не в состоянии контролировать прошлое», — подумала она с ухмылкой.

Похоже, в этом пульте управления временем сохранилось действительно все. Полная история проекта, включая предыдущие временные скачки, личные файлы, размещение транспортировочных аппаратов и, разумеется, видеодневник профессора Смарт.

Двигая самой настоящей деревянной мышкой, Шелли отобрала наиболее недавние записи и промотала их до последней пары минут.

Картинка была очень зернистая, с почти неразличимыми из-за темноты цветами, но она ясно видела мальчишку Райли, который приближался крадучись, только глаза и зубы поблескивали на зачерненном сажей лице. И клинок в его руке тоже был отчетливо виден — самый краешек лезвия, не покрытый сажей.

Внезапно экран осветился зеленым, и лицо Райли оказалось жутковато подсвечено снизу, как у рассказчика страшных историй у костра, вечером в Хэллоуин. Надо признать, мальчишка выглядел кругом виновным: пробрался в дом старика под покровом ночи, да еще вооруженный ножом самого зловещего вида. Райли подошел ближе, и световой сигнал тревоги сменился с зеленого на красный. Ракурс тоже изменился: видимо, профессор Смарт сел.

Последовала какая-то недолгая болтовня, разобрать которую было невозможно, затем Райли нанес удар, и все залило оранжевым. Конец истории. Можно смело передавать дело в суд, обвинение может сильно не напрягаться.

Или все-таки нет?

Шеви остановила запись на том моменте, где Райли делает свой выпад. Что-то в нем было странное. О ножах Шеви знала все, и поза мальчика показалась ей какой-то неестественной: он как будто отклонился назад, одновременно двигаясь вперед. Не такой уж простой фокус. Да еще это выражение на лице — один сплошной ужас.

Либо этот парень — шизофреник, либо кто-то ему слегка помог.

Но кроме него и старика, в темной комнате больше никого не было. По крайней мере никого больше не было видно.

Шеви захотелось как следует треснуть по древней машине.

Альт-тех, черт ее подери. Нельзя даже чуть-чуть просветлить изображение.

Тут Шеви осенило: возможно, она не может почистить картинку на этом старом ящике с болтами, но она может попробовать перенести ее...

Шеви вынула из-за пояса свой смартфон и пересняла изображение, застывшее на экране. Отличный снимок с высоким разрешением. Переведенная на дисплей смартфона, картинка уже получилась чуть более резкой, хотя все еще оставалась слишком темной и мутной.

Темная и мутная. Никаких проблем.

На смартфоне Шеви было установлено целых четыре приложения для обработки фотографий. Она выбрала одно и прогнала через него снимок.

Эта привычная, вполне приземленная работа, кажется, подействовала на девушку благотворно, момен-

тально переведя расследуемое дело в разряд самых обычных.

Она приказала программе навести резкость, прибавить яркости и усилить насыщенность цветов.

Операция заняла несколько секунд, и на снимке из тени выступила еще одна фигура, находящаяся за спиной Райли, чуть справа. Высокий, слегка сутулый человек, темноволосый, с близко посаженными глазами, лишенными всякого выражения, как глаза трупа. Лицо самое обычное, ничем не привлекательное, в особенности из-за размазанной по нему сажи, и, на взгляд Шеви, едва ли он пользовался большим успехом у женщин, но глаза... глаза выдавали его. Шеви доводилось видеть такой мертвый взгляд и раньше, на лицах серийных убийц из архивов Куантико.

Шеви содрогнулась.

«Так вот, значит, каково это, когда у тебя кровь стынет в жилах, — подумала она. — Я слышала это выражение, но до сих пор не понимала его».

Нет сомнений, именно об этом человеке говорил Райли. Воплощенная смерть, не знающая преград. Убийца, способный на все что угодно.

И все-таки это рука Райли держала нож. Мальчишка все равно виновен.

Хотя...

Шеви дважды нажала на картинку, увеличивая ее, затем навела перекрестье фокуса на рукоятку ножа Райли и снова увеличила. Кажется, все и так понятно. Вот кисть с зажатым в ней ножом, вот предплечье, вот полосы теней на локте.

Полоски теней...

Шеви добавила еще увеличения, пока на изображении не проступили отдельные пиксели, и увидела, что тени вовсе не были тенями.

У теней не бывает костяшек.

Это были четыре длинных костлявых пальца, вцепившихся в руку Райли и направляющих ее.

«Мальчишка невиновен!» — поняла она, наконец вздохнув. Она и не заметила, что все это время сидела, затаив дыхание.

Глядя на зачерненное лицо и блеклые глаза убийцы, Шеви искренне порадовалась, что этот человек не может, вопреки страхам Райли, проложить себе путь в будущее.

«И все-таки, — подумала она, — лучше я покараулю возле модуля и обойду подвал. Просто на всякий случай».

Шеви вынула пульт из гнезда и снова повесила его себе на шею. Для сохранности.

Просто на всякий случай.

Специальный агент Лоуренс Уитмейер, ее начальник в лос-анджелесском отделении, любил по всякому поводу рассказывать поучительные истории, главным героем которых, как правило, был непревзойденный федерал по имени Джастин Кейси, который всегда был отлично подготовлен и ни разу не подверг себя риску быть подстреленным из-за того, что нарушил служебный протокол.

Шеви фыркнула. Агент Джастин Кейси. Звезда ФБР. Суперагент всех времен.

Если бы в тот момент она не отвлеклась на воспоминания, то наверняка заметила бы грозную вспышку

энергетического всплеска в недрах модуля ПАУКСа и успела бы пригнуться до того, как грянет взрыв.

К сожалению, она отвлеклась и ничего не заметила, пока компьютеры не взвыли тревожной сиреной. Но к тому времени было уже поздно.

Гаррик и Смарт угодили в червоточину вместе, но уже отдельными людьми. Оказавшись внутри, Гаррик остался в сознании, тогда как сердце Смarta перестало биться, и мозг постепенно угасал. Взрыв самоуничтожающегося заряда возбудил отдельные частицы, которые должны были бездействовать, и тем самым нарушил процесс перехода. Последние жизнеспособные нейроны Смarta слились с клетками Гаррика, и некоторые физические качества погибшего тоже перешли к убийце. Аппарат ПАУКСа послушно внес изменения в его ДНК.

В модуле возникло совершенно новое существо. Существо с ускоренной эволюцией, наделенное всеми дарами многих тысячелетий развития и совершенствования.

Какой-то период, который показался Гаррику неизмеримо долгим и в то же время пролетел в одно мгновение, он чувствовал себя полностью освобожденным от физического тела. Он ничего не видел, ничего не слышал, только летел сквозь воспоминания Смarta.

«Я убил и отца, и сына», — осознал он. И пожелал получить плату за второе убийство тоже.

Размышления о плате навели Гаррика на мысль о том подозрительном типе, который заказал ему убить Чарльза Смarta.

«Знал ли тот человек, — заинтересовался Гаррик, — обо всей этой магии?»

При обычных обстоятельствах заказ не вызвал бы никаких затруднений. Гаррик проскользнул бы к месту убийства и улизнал оттуда легко и бесшумно, как вечерний сквозняк, но с ним был Райли, отправившийся на свое первое убийство. Для мальчишки это было проверочное задание, несложное и заурядное. Гаррик понаблюдал несколько дней за домом, изучая распорядок приходов и уходов его обитателей, а затем отправил туда Райли, который забрался внутрь через окно этажом выше. Гаррик никогда не стал бы рисковать своей репутацией или кошельком и не взял бы с собой мальчишку, если бы почуял хоть малейший намек на опасность.

Все эти волшебные события — удача или рок.

Впрочем, Гаррик теперь не мог поверить ни в магию, ни в рок. Мир устроен намного проще: столкнулись атомы или не столкнулись, вот и все.

«Атомы, — подумал Гаррик, наслаждаясь новым пониманием вселенной, почерпнутым при слиянии с Феликсом Смартom. — Я могу видеть их устройство своим мысленным взором».

Поразительный переход в новое состояние не вызвал у Гаррика ни тревоги, ни смятения. Теперь он в точности знал, что с ним произошло и что ждет его в будущем. И стоило ли огорчаться, что «настоящей магии» нет, и происходящее с ним имеет вполне материальное объяснение? Разве обретенное им знание не является само по себе величайшей силой? Гаррик был слишком зачарован своим перерождением, чтобы терзаться ненужными тревогами.

«Будущее ждет, и я с моими новыми знаниями подчиню его себе».

В этом самом будущем есть поразительные вещи, о которых Гаррику теперь было отлично известно.

Трехмерные фильмы и мощные компьютеры карманного формата. Автоматическое оружие и японские роботы. Вот это да.

На этот раз в доме на Бэдфорд-сквер не получилось ни мягкой постепенной материализации, ни легкого колебания эфира, ни трепещущих пассажиров в модуле. На этот раз в нем возник шар из красной жидкости, размером с яблоко, который тут же взорвался, превратившись в отвратительный ком, заливший пол подвала кровью. Все это сопровождалось оглушительным хлопком и мощной ударной волной. Кольцо демпферов вокруг модуля рвануло, рассыпая искры, как фейерверки на рок-концерте.

Шеви подхватило взрывной волной, как сухой листок ураганом, и швырнуло через весь коридор. Пару раз она хорошенько приложилась об пол, прежде чем врезаться в пирамиду из упаковочных коробок, сложенных возле лестницы. Это были ее собственные коробки, которые она собиралась сложить и убрать с самого переезда. Коробки обвалились на нее сверху, оставив лишь небольшой треугольный просвет, через который она одним глазком могла видеть модуль. Глазок и в самом деле был только один: левым глазом Шеви сильно ударилась при падении и едва не потеряла сознание, но все-таки смогла продержаться достаточно долго, чтобы увидеть, что еще появилось из аппарата.

Из него появился мешок из плоти и костей, который принялся барахтаться на скользком от крови полу, словно борясь с самим собой. Шеви видела руку, пробившую полупрозрачную оболочку, и лицо, прижавшееся к ее липкой изнанке.

— Смарт, — позвала Шеви слабым голосом.

Вдруг лицо вздулось пузырями, исказилось и переменилось, превратившись в лицо человека с экрана.

«Мне снится кошмар. Проснись, Шеврон Савано. Поднимайся!»

Но если это был сон, то он получился на редкость реалистичным, задействовав все ее органы чувств, включая обоняние.

«Не помню, чтобы раньше мне когда-нибудь снились запахи».

Шеви уже знала, что это не сон. Плитки кафеля под ее щекой были слишком липкими от свернувшейся крови и сукровицы.

Груда перемешанных частей тела подтянулась и хрипло, с натугой, вздохнула, вытягивая разряды энергии из модуля. Потом встряхнулась, как мокрый пес, разбрызгивая во все стороны липкие капли и освобождаясь от кокона, и преобразилась в фигуру стоящего человека, которая проступала все четче и четче, пока не сформировалась окончательно. Человек потянулся, раскинув руки в стороны, и подвигал пальцами, как будто удивляясь такому чудесному изобретению.

Шеви слабо завозила ногами по скользкому полу, пытаясь найти опору и подняться, но даже от такого ничтожного усилия ее голова закружилась.

«Райли. Я должна спасти мальчишку».

Человек как будто услышал эти мысли и стряхнул с себя остатки растянутого пузыря из прозрачного липкого вещества, которое тут же перешло из полужидкой формы в газообразную и вознеслось легкими облачками под потолок.

Одежда нарастала на нем буквально стежок за стежком, волокна ткани червями извивались вокруг его уплотняющейся на глазах кожи. Получившийся костюм выглядел занятным сочетанием грубого холста, облегающих штанов от защитного комбинезона и мужского пальто викторианских времен. Довершала странный наряд шляпа-котелок, которая смотрелась на этом человеке не более уместно, чем галстук-бабочка на акуле.

— Райли, — произнес мужчина, словно пробуя, как действует его рот. — Райли, сынок. Я пришел за тобой. Я знаю, что тебя держат в тюрьме. Этот футурист Смарт показал мне.

«Смарт показал ему», — подумала Шеви и тут же безошибочно догадалась, что аварийной бригады больше нет.

Тут Шеви вспомнила, что у нее есть пистолет, и, скорее всего, он по-прежнему в кобуре у нее на боку, но даже это расстояние показалось непреодолимым для ее обессиленной руки. Все, на что она была способна, — это держать один глаз открытым. Она увидела, как явившийся маг любовно погладил клавиатуру одного из старых компьютеров на столе, а затем перевел взгляд на нее.

«Он меня видит», — поняла Шеви, чувствуя, как холод подвального пола просачивается в ее тело.

Взгляд мага задержался на ней на мгновение, а затем он отвернулся и с решительным видом направился к двери камеры предварительного заключения.

«Все в порядке, — подумала она. — Дверь сделана из бронированной стали. Даже сам дьявол не сможет открыть ее, не имея карточки или кода».

Демоническая фигура остановилась перед кодовой панелью, театрально хрустнула костяшками и набрала код.

— Абракадабра, — сказал мужчина, когда дверь камеры щелкнула замком и приоткрылась.

«Мне так жаль, Райли, — подумала Шеви. — Ты сказал мне правду, а я не поверила и обрекла тебя на смерть. Прости меня».

Гаррик снял шляпу, словно перед входом в церковь, и, пригнувшись, шагнул в камеру.

Шеви прикрыла глаз. Ей не хотелось видеть, что произойдет дальше.

Когда Гаррик выбрался из пузыря и шагнул в мир будущего, он успел в буквальном смысле сделаться новым человеком.

Все в нем изменилось: его ДНК, его лексика, его знания, опыт, осанка, развитие мускулатуры, уровень сообразительности. Он даже хорошо разбирался в творчестве Шекспира... по крайней мере Феликс Сمارт разбирался.

«Быть или не быть, мой малыш Райли. Насчет тебя я еще не определился».

Гаррику пришло в голову, что в этом заведении, где он материализовался, могла поджидать какая-ни-

будь опасность, хотя воспоминания Смарта ясно говорили, что на карауле здесь осталась одна-единственная молоденькая девушка, щуплая пигалица, которую едва ли можно было счесть серьезной угрозой. Однако из тех же воспоминаний следовало, что эта девушка — хорошо обученный боец, который успел отлично проявить себя в Городе Ангелов.

«И у нее последний пульт», — вспомнил он. Хотя воспоминания Смарта пережили переход по червоточине в целости и сохранности, его собственный пульт остался лежать угольком на его груди.

«Не стоит недооценивать девчонку, — сказал Гаррик сам себе. — Иначе тебе самому прямая дорога в прах».

Гаррик твердо встал на ноги в реальном мире и огляделся по сторонам. Странное это было место: голые стены без окон, увешанные какими-то разноцветными веревками и необычного вида машинами.

«Кабели и серверы», — сообщили ему пронесшиеся по его нервным окончаниям электрические импульсы.

То, что явление Гаррика из прошлого не обошлось без кровопролития, было видно сразу: об этом говорили багровые потеки на стенах и застывающие кровавые лужицы на поверхности заставленного техникой стола.

— Райли, — сказал он, проверяя, как звучит его голос. — Райли, сынок. Я пришел за тобой. Я знаю, что тебя держат в тюрьме. Этот футурист — Смерт — показал мне.

Гаррик направился к машинам на столе. — Это ноутбук, — подумал он, легонько потыкав пальцем в клавиатуру. — Какая прелесть».

Впрочем, у него еще будет время для развлечений, а сейчас он должен поскорее освободить Райли, увести его в безопасное убежище, а потом позволить мальчишке греться в лучах новой славы своего наставника.

Что-то мисс Савано нигде не видно. Может быть, его чересчур энергичное прибытие вывело ее из игры?

А может, она лежит в засаде и ждет?

Гаррик заставил себя сосредоточиться. Затем направился к стене и, шурясь от дыма и ярких вспышек, двинулся по коридору с кирпичными стенами к нагромождению каких-то ящиков.

Вон там. Гляди-ка!

Из щели в развале коробок торчала рука. Пальцы этой руки конвульсивно подергивались, а лежащая на ней голова не двигалась. Один глаз был закрыт, второй опух и неподвижно уставился в пространство.

Малютка уже на пороге смерти. Он пойдет и заберет своего мальчика, а по пути наружу погасит последнюю искру ее жизни.

Гаррик быстро зашагал по коридору, чувствуя себя лучше, чем бывало за многие годы. Путешествие по червоточине полностью очистило его тело, и сейчас он ощущал себя молодым и полным сил.

Еще одна преграда на его пути. Серьезная проблема для старого Альберта Гаррика, каким он был. Но не для новой модели.

«Версия 2.0», — подумал он с усмешкой, и тут же ущипнул себя за руку, чтобы лучше сосредоточиться.

Преградой оказалась цифровая панель электронного замка.

«Этой машине нужно скормить карточку или цифры, — сразу же понял он. — Карточки у меня нет, но где-то в памяти должны быть коды ко всему, что есть в этом здании».

Гаррик склонил голову, пока его мозг с готовностью подсказывал ему нужную последовательность. Затем хрустнул пальцами и пробежал ими по кнопкам, вводя код. Огонек на панели мигнул зеленым, и дверь приоткрылась.

— Абракадабра, — сказал он с удовлетворением.

Гаррик снял шляпу и, пригнувшись, шагнул внутрь, улыбаясь при мысли о том, как Райли удивится.

«О, мой сын! Нам нужно многим поделиться друг с другом. Очень многим».

Камера была обставлена по-спартански: узкая койка у стены, единственный стул и, разумеется, камера, уцепившаяся за потолок, как паук. И все.

Никакого мальчика.

Райли, его сын, пропал.

Гаррик не позволил себе ни вскрикнуть, ни застонать. В конце концов, некогда он был знаменитым иллюзионистом, а не актером дешевых мелодрам. Поэтому он удовольствовался тем, что звучно хлопнул дверью и направился к мисс Савано, чтобы задать ей пару вопросов.

«Как удачно, что я не убил ее раньше, — размышлял он. — Теперь она сможет помочь мне отыскать Райли, прежде чем умрет».

Мир Шеви бешено вертелся, как калейдоскоп с тусклыми красками. Бетонно-серый и грязно-коричневый. «Мальчик мертв», — снова и снова думала она,

но теперь уже с трудом понимала, то ли к ней привязались слова из какой-то песенки, то ли это ее собственная мысль, имеющая серьезный смысл.

Она с трудом осознала, что с ее телом что-то происходит. Не с головой. С плечом, что ли? Верно, с плечом. Зачем кто-то трясет ее за плечо, почему ей не дают поспать?

— Мисс, просыпайтесь, — настойчиво произнес чей-то голос. — Он идет сюда.

Проснуться? Нет уж, спасибо. У нее сегодня выходной. Может, попозже она встанет, чтобы немного позаниматься серфингом на закате в Малибу.

— Мисс, поднимайтесь скорее, или Гаррик убьет нас обоих.

Гаррик.

В сознании Шеви снова вспыхнул образ окровавленного тела, возникающего из непонятного кокона.

Один ее глаз, затрепетав, с трудом открылся, а второй, опухший и налившийся кровью, так и остался закрытым. Мальчик наклонился над ней, пытаясь приподнять ее за отвороты куртки.

— Райли?

— Он самый, мисс Савано. Мы должны немедленно бежать из этого места.

Бежать? Но она думала, что мальчик уже мертв. Сейчас она закроет глаза, всего на секундочку...

Райли подхватил обмякающего агента под мышки и рывком поднял, придав ей вертикальное положение.

— Я помогу вам идти, — пропыхтел он. — Опля, шажок, еще шажок...

Шеви снова открыла действующий глаз.

— Я не ребенок.

В этот самый миг Гаррик возник в коридоре — с алебастрово-белым лицом, испачканным кровавыми полосами.

«Он очень зол», — понял Райли, и холодное выражение лица наставника едва не заставило его оцепенеть от ужаса.

Но инстинкт выживания оказался сильнее страха. Он схватил пистолет Шеви, вложил его девушке в руку и, сжимая ее пальцы обеими своими ладонями, направил дуло Гаррику в грудь.

— Стреляйте, мисс, — сказал он. — Скорее!

С помощью мальчика Шеви удалось нажать на курок не один, а два раза. Обе пули прошли слишком высоко, но вторая — достаточно близко, чтобы заставить Гаррика притормозить. Фокусник рыкнул, как трущобная дворняга, и перешел на другой способ движения. Он словно перетекал с места на место самым непредсказуемым образом, с множеством обманных движений, никогда не оказываясь там, где, согласно ожиданиям, должен был оказаться. Там, где по всем признакам он должен был шагнуть в сторону, его тело делало неожиданный косой выпад вперед.

Звук выстрелов вернул Шеви к реальности, и ей стало ясно, что этот самый Гаррик передвигается совершенно невиданным ею доселе способом. Она заморгала здоровым глазом.

— Что за черт? Этот парень движется, как кошка.

— Обманная походка, известная уловка фокусников, — объяснил Райли, с пыhtением втаскивая Шеви вверх по ступенькам. Он сможет рассказать ей по-

больше об уникальном стиле Гаррика и потом, когда они спасутся из этой обители смерти. Если спасение возможно.

Шеви спиной вперед медленно поднималась по лестнице, стараясь по возможности не сводить прицела с Гаррика. Фокусник злобно зашипел, как вампир, и надвинул котелок до самых бровей, как будто опасался, что тот слетит с его головы.

«Готовится сделать бросок», — подумала Шеви.

— Ага, мужик, правильно, — обратилась она к нему. — Подойди-ка еще поближе. Покажи, как твоя модная лунная походочка сработает на узкой лестнице. Рискни, и я продырявлю тебе башку точно сквозь глаз.

Угроза, похоже, возымела действие. Вероятно, потому что содержала изрядную долю истины. Если Гаррик ступит на лестничный пролет, то окажется зажат между стеной и перилами, не оставив себе пространства для маневра. Но если Шеви полагала, что ей удастся запугать выходца из девятнадцатого века своим современным оружием, то она ошибалась.

— Тебе не сбежать от меня, Шеврон Савано, — сказал он, склонив голову набок. — Я отберу у тебя моего мальчика и все секреты пульта, который ты хранишь.

Шеви похолодела. Для выходца из эпохи королевы Виктории этот тип знал чересчур много.

— Сделай еще шаг, — сказала она, стараясь держать оружие как можно тверже, — и мы посмотрим, кто сможет сбежать, а кто нет.

Райли все это время волок ее спиной вперед вверх по лестнице до уровня первого этажа, непрерывно бубня ей на ухо.

— Вверх и назад, — говорил он, стараясь не встречаться глазами с Гарриком, чтобы ледяной взгляд наставника не заставил его оцепенеть и не пошатнул его решимости. — Вверх и назад.

Они уже достигли верхней ступеньки, а Гаррик все еще торчал у подножия лестницы, в бессильной злобе сжимая и разжимая кулаки и сожалея, что у него нет при себе метательного ножа. Шеви посетила мысль.

«Я пришила этого парня. Оперативная группа доберется сюда за две минуты».

— Все в порядке, — сказала она Райли. — Мы его прижали. Деваться ему некуда. У меня на поясе висит телефон — передай его мне.

Гаррика тоже посетила идея. Фокусник внезапно развернулся и бросился по подземному коридору к компьютерному залу.

«Порядок. Все отлично. Все, что он может сделать с компьютерами — это тупо колотить по клавишам. Ни пароля, ни доступа, — думала Шеви. — А затем: неужели? Но дверь камеры с кодовым замком не надолго его задержала, забыла?»

— Телефон, Райли. Дай мне телефон.

— Агент, если этот ваш телефон не оружие, то забудьте про него. Прицельтесь из вашего пистолета и стреляйте снова.

— Нет, не волнуйся. Он надежно застрял там, внизу.

Райли стало ясно, что мисс Савано и впрямь верит, будто одержала победу, и его глаза налились слезами отчаяния.

— Вы не понимаете, мисс. Гаррик — это сам дьявол. Он не какой-нибудь обычный жулик или грабитель. Разве вы не видели собственными глазами, как он только что выбрался из западни?

Шеви и в самом деле видела это собственными глазами, но все еще отказывалась признать, что правила ее мира на этого человека не действуют.

— Наверное, если бы он забрался в оружейный сейф, то и смог бы что-нибудь нам сделать, но сейф запирается кодовым замком.

Снизу донесся сдвоенный электронный писк и громкий щелчок. Шеви сразу узнала сигнал отключения сигнализации кодовой панели сейфа и звук открывшейся дверцы.

Райли без всяких слов догадался, что это были за звуки.

— Это ваша оружейная, мисс, не правда ли? Значит, Гаррик снова взломал ваш код?

«Снова», — подумала Шеви.

— Считай это сигналом к отступлению, — признала она, с трудом одолев собственными силами верхнюю ступеньку и ковыляя в сторону холла. — Что ты там говорил насчет «бежать»? Ты был прав.

— Хвала Всевышнему, что вразумил вас, — отозвался Райли, подныривая под руку Шеви, чтобы было легче ее тащить.

Внизу появился Гаррик, держа наперевес автомат Калашникова, который, наверное, сошел с кон-

вейера еще тогда, когда Шеви только-только пошла в школу.

«Возраст оружия на скорость полета пуль не влияет, — подумала Шеви и вынудила Гаррика пригнуться, сделав три выстрела вниз, в лестничный пролет. — Это даст нам хотя бы пять секунд».

Получила она от силы две. Прежде чем затихло эхо от ее выстрелов, голова Гаррика показалась из-за угла у подножия второго лестничного пролета. Теперь приклад Калашникова уже профессионально зажат между щекой и плечом убийцы.

Райли уже понял, что Гаррик вышел из стальной транспортировочной машины с такими знаниями и способностями, которыми он никогда не обладал прежде. Мальчик как будто увидел усовершенствованную версию знакомого ему убийцы.

— Ну же, малышка, — окликнул Гаррик Шеви. — Давай-ка поглядим, правильно ли я понимаю, для чего нужна эта штука.

Он нажал на спусковой крючок, выпустив очередь в потолок над головой Шеви. Отдача отбросила его назад, но через мгновение он полностью оправился. В замкнутом помещении грохот автомата звучал просто оглушающе, как наложившиеся друг на друга раскаты грома. Райли и Шеви разом присели, приникнув к полу, не понимая даже, подстрелили их или нет, кричали они или нет.

Райли не обладал таким боевым опытом, как Шеви, но вся его жизнь была полна угроз и опасностей. Он привык стремиться к выживанию даже тогда, когда смерть, казалось бы, уже стоит за спиной. Мальчик

вскочил, ухватил агента Савано за шиворот и поволок ее за собой, как мешок с углем.

— Давайте же, — кричал он, — мы должны выбраться на улицу.

То и дело оступаясь, они тяжело поковыляли дальше. Мысль о Гаррике подгоняла их, как ветер в спину, и через несколько мучительных мгновений они оказались перед дверью наружу, которая запиралась тремя мощными засовами, входящими в стальную раму.

«Вставить электронный пропуск — и мы на улице», — подумала Шеви.

Шеви попыталась нащупать рукой карабинчик с прикрепленной к нему карточкой пропуска, который обычно висел у нее на поясе.

«Карточки нет. Наверно, пропала во время взрыва. Или же...»

Шеви глянула на Райли:

— Отдай мне карточку, вор.

Райли уже протягивал ее агенту.

— Вы наклонились ко мне, когда застегивали наручники. А их я отомкнул с помощью отмычки, которую всегда ношу в носке. Она появилась вместе со мной из той машины. Простите, агент. Вопрос жизни или смерти.

Впрочем, об этом можно было поговорить позднее. Шеви едва успела вставить карточку в считыватель, как ударила новая автоматная очередь: пули градом рикошетили от стен холла, разнеся вдребезги зеркало и хрустальную люстру. Люстра грохнулась на пол, окатив Райли градом осколков и перегородив лестницу.

— Райли! — позвал Гаррик. — Убей ее, мальчик. Я знаю, что ты можешь. Сделай это, и я прощу тебе все остальное, даю слово.

Все это он говорил, поднимаясь по лестнице и перезаряжая обойму.

Дверь выхода со щелчком открылась, и Шеви отправила последнюю оставшуюся пулю в кодовую панель перед тем, как вместе с Райли выбраться наружу.

На панели сигнализации вспыхнул красный огонек, и голос с оттенком раздражения произнес: «Кодовая панель повреждена. Изоляция помещения через пять секунд. Четыре секунды...»

Гаррик проворно перескочил через искореженные остатки люстры, невероятным образом умудрившись задрать колени до уровня ушей и подняв автомат над головой.

— Прикончи ее, Райли.

На случай, если Райли снова не выполнит приказа, Гаррик выпустил еще одну очередь в агента Савано, но было поздно. Дверь захлопнулась, и все три засова автоматически вошли в пазы. Одновременно заблокировалась дверь запасного выхода, на окна упали стальные решетки. Система безопасности в доме на Бэдфорд-сквер была лучшей из тех, которые можно купить за доллары, и через три секунды дом был заперт надежнее, чем иной швейцарский банк.

Шеви привалилась спиной к наружной стороне двери, чувствуя, как кровь болезненно пульсирует в опухшем глазу.

— Ладно, теперь можно перевести дух. Может, этому монстру и удалось выбить из Смарта коды до-

ступа в оружейную, но покинуть здание без разрешения ФБР он точно не сможет.

Райли потянул Шеви прочь от двери.

— Мы должны уходить отсюда, мисс. Никакие запоры не удержат Альберта Гаррика надолго, — сказал он.

Шеви позволила протащить себя через заграждение из желтой ленты, натянутой поперек перил. Она уже и сама начинала думать, что этот самый Гаррик и впрямь так опасен, как считает Райли.

Укромное место

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. Сейчас

Райли и Шеви выбрались под оранжевый свет вечерних уличных фонарей — в небольшой сквер, окаймленный рядами четырехэтажных георгианских домов и чем-то напоминающий декорации к «Питеру Пену».

— Это хотя бы выглядит знакомо, — отдышавшись, сказал Райли, глядя на зеленый скверик и старательно игнорируя мелькающие чуть в стороне огни и доносящиеся с улиц звуки. — Я ужасно боялся, что всякие чудеса из будущего окажутся непосильным испытанием для моей несчастной головы.

«Погоди, пока не увидишь площадь Пиккадилли в час пик», — подумала Шеви.

Райли сделал глубокий судорожный вдох.

— Гаррик всегда велел мне дышать. Это успокаивает тело, если оно нуждается в успокаивании.

Тут Райли умолк: его нос как раз оценил воздух, который он только что вдохнул.

— Как любопытно, — успел сказать он, и его тут же вырвало на тротуар.

— Прекрасно, — хмыкнула Шеви. — Теперь ни одно такси нас не возьмет.

Однако ей все же удалось поймать такси возле маленького симпатичного отеля на Бэйли-стрит, и вскоре они уже затерялись в круговороте уличного движения, направляясь в сторону Лестер-сквер.

Райли сидел скрючившись, уткнув лицо в колени и старательно делая глубокие вдохи, пока наконец не перестал дрожать.

— Это все запах, мисс. Здесь пахнет, как в аптеке. Я не чувствую запаха города.

Шеви участливо похлопала его по спине:

— Полагаю, сейчас он стал немного чище. Теперь уже не принято опорожнять ночные горшки прямо в окна.

— И людей я не чувствую. Может быть, они уже не совсем люди?

Шеви бросила взгляд на проносящиеся за стеклом переполненные народом улицы.

— Да нет, пожалуй.

Райли плотно сжал колени и поднял измученные глаза.

— И я совсем не чую лошадей, — хрипло сказал он.

— Точно, лошадей совсем нет. Разве что иногда около Букингемского дворца.

Райли распрямился и прижался носом к стеклу.

— А у нас обычно были лошади. Но автомобили мне тоже доводилось видеть, так что это не так уж страшно.

Тут мимо них промчался двухэтажный автобус.

Райли испуганно отшатнулся. Если с автомобилем размером с обычную карету он еще мог смириться, то это красное чудище оказалось огромным, как грузовая баржа.

Его взгляд метался с одного современного чуда на другое. Неоновая реклама. Компьютерные магазины. Небоскребы. И вдруг он увидел нечто, показавшееся ему знакомым.

— Глядите, это же старый добрый английский паб, — ахнул Райли. — Агент, может, мы туда зайдем? Проглотить капельку бренди, чтобы успокоить нервы?

— Ты не будешь пить, Райли, — фыркнула Шеви.

— А почему нет? Это что, теперь запрещено?

— Верно, запрещено. Полностью противозаконно. Попробуй выпить хоть глоток, и мне придется пристрелить тебя на месте.

Райли вздохнул, оставив на стекле запотевшее пятнышко, затем поднял глаза к небу и тут же панически часто задышал, затуманив все стекло.

— А-а-гент Савано?

Шеви как раз набирала телефонный номер.

— Секундочку, малыш.

Райли коснулся ее руки одним пальцем, и она почувствовала, как этот палец выбивает частую перепуганную дробь.

— Это что, мисс, марсиане, что ли? Как в новом романе мистера Уэллса «Война миров»?

Шеви проследила за остекленевшим взглядом мальчика и увидела над городом силуэт большого пассажирского лайнера.

— Бояться нечего, малыш. Это всего лишь самолет, а не корабль пришельцев, хотя предположение вполне разумное. Мне кажется, лучше поскорее убрать тебя с улицы, пока у тебя голова не лопнула.

— О Боже всемогущий. А что, теперь у людей лопаются головы? Из-за тепловых лучей, да? Мне срочно нужно капельку бренди, мисс, честное слово.

Шеви набрала последние три цифры.

— Не нужно тебе никакого бренди, Райли, тебе нужно укромное место.

— Вот это вы верно сказали, мисс, — согласился мальчик. — Кажется, последний раз я туда ходил лет сто назад.

Шеви чуть улыбнулась, поднося телефон к уху.

— Нет, малыш, я имела в виду не это укромное место.

У ФБР было несколько конспиративных квартир и номеров в отелях, разбросанных по всему Лондону. Их держали на тот случай, если кто-нибудь из агентов попадет в сложную ситуацию во время проведения операции и ему понадобится надежное убежище, чтобы залечь на дно в ожидании спасательной кавалерии, которая примчится из посольства США.

Официально эти убежища назывались «охраняемыми помещениями», но агенты быстро переименовали их в «норы».

Сейчас для Шеви ближайшей такой «норой» был двухкомнатный номер в «Гарден-Отеле», непримечательном, маленьком, но со вкусом отделанном отеле на Монмут-стрит, где кинозвезды и модели имели

обыкновение наслаждаться знаменитым завтраком чуть ли не каждое утро. В Бюро поговаривали, что начальник отдела выбрал «Гарден» в основном из-за его близости к «Кафе Монмутской кофейной компании», где безусловно подавали лучший эспрессо за пределами Сан-Пауло.

Шеви позвонила в отель и спросила Уальдо.

— Слушаю, это Уальдо, — отозвался низкий голос. — Чем могу помочь?

Шеви заговорила медленно и внятно, стараясь не отступать от принятого кода. Уальдо славился как ярый приверженец строгого следования протоколу и мог попросту бросить трубку, если бы она отклонилась от условленных формулировок.

— Я хотела бы поговорить со своим дядей Сэмом, Уальдо, — сказала она. — Он проживает в номере один-семь-семь-шесть.

Молчание Уальдо затянулось так надолго, что Шеви показалось, будто их разъединили.

— Прошу прощения. В каком номере, вы сказали, проживает ваш дядя Сэм?

Шеви едва не вскипела от злости, поклявшись про себя, что непременно найдет способ как следует пнуть Уальдо в мягкое место, но чуть позже.

— Извините, Уальдо. Мой дядя Сэм проживает в номере шестнадцать семьдесят шесть.

Последовала еще одна пауза, но на этот раз Шеви слышала, как попискивают нажимаемые кнопки.

— Как вы сказали, ваше имя, мисс?

— Меня зовут Шеврон, но мой дядя Сэм обычно называет меня... — Шеви скрестила пальцы, надеясь,

что не ошиблась с кодовым именем на сегодня, — ...
Спайдервик.

— Спайдервик. Да, вы действительно внесены в список посетителей.

— Хорошо. Прекрасно.

— Вашего дяди Сэма сейчас нет на месте. Возможно, вы пожелаете дождаться его в номере?

— Непременно пожелая. Мы оба пожелаем.

Снова попискивание кнопок.

— Вот как... оба. В нашем отеле великолепное обслуживание, не хотите ли воспользоваться нашими услугами, пока ожидаете?

Шеви искоса взглянула на Райли.

— Да, думаю, нам определенно понадобится гардероб и аптечка первой помощи.

— Прекрасно, Спайдервик. Как скоро вас ждать?

Шеви взглядом оценила уличное движение.

— Расчетное время две минуты, Уальдо.

Уальдо повесил трубку, не сказав больше ни слова. У него было всего две минуты, а значит, времени на болтовню не оставалось совсем.

Такси притормозило возле «Гарден-Отеля» через три с лишним минуты и высадило колоритную парочку на тротуар фешенебельной Монмут-стрит.

«Семнадцатилетний агент ФБР в спортивном костюме и ученик наемного убийцы из девятнадцатого века, — подумала Шеви. — Наверное, мы посмотримся что надо. Хорошо хоть у меня теперь оба глаза открываются».

Несмотря на близость к Ковент-Гардену, сама по себе Монмут-стрит была тихой и спокойной улицей,

куда забредали разве что немногочисленные туристы, срезающие путь к Севен-Дайалс или Лестер-сквер, да слабо долетали отголоски карнавальной музыки. Большая часть улицы была перегорожена из-за дорожных работ, так что таксисту пришлось выбирать задним ходом тем же путем, каким он приехал.

«Гарден-Отель» принадлежал к числу тех заведений, которые гордятся тщательным выбором клиентов и полным невмешательством в их дела. Над входом не было вывески, и швейцар в цилиндре не дежурил возле дверей; только скромный, но со вкусом сделанный парусиновый навес указывал водителям такси, где остановить машину. Шеви уже приходилось жить здесь, когда Оранж временно реквизирует ее квартиру на время планового техобслуживания модуля. Тогда она с удовольствием прошла в отеле курс массажа, который помог унять мышечные боли, вызванные чересчур усердными тренировками.

Шеви засунула кобуру с «глоком» под мышку и торопливо втокнула Райли в вестибюль, пока его не стошнило еще раз. Специальный агент Уальдо Ганн ожидал их за стойкой администратора.

— Две минуты? — спросил он раздраженно. — Вообще-то вышло все четыре.

Уальдо едва ли отвечал общепринятым представлениям о том, как должен выглядеть агент ФБР. Возможно, именно поэтому ему и удалось продержаться так долго в качестве полуподпольного связного в «Гардене». Росту в нем было пять футов четыре дюйма, и то на каблуках, и он носил кустистую седую бороду, которая придавала ему вид тысячеклеточ-

го старца. В Бюро этот причудливый облик заслужил ему прозвище Бэггинс, но если Уальдо и знал о нем, то оно раздражало его недостаточно, чтобы заставить взяться за бритву.

— Привет, Уальдо, — бросила Шеви. — Что новенького?

Уальдо насупился:

— Что новенького, агент Савано? Только то, что вам следовало попросить провести вас через служебный вход. Мы тут пытаемся не привлекать внимания, чтобы не вызвать каких-либо ненужных подозрений, и тут являетесь вы в изодранных трениках да еще с этим мелким трубочистом на буксире. Именно это я и называю «привлекать внимание», агент. Вот что новенького.

«По крайней мере, он называет меня агентом», — подумала Шеви.

Уальдо круто развернулся на каблуках и стремительно зашагал прочь из вестибюля, который был в меру просторен и обставлен в поздневикторианском стиле. Это оказалось как нельзя кстати для бедняги Райли, голова которого и так гудела от избытка новых впечатлений.

— Мы должны идти за этим гномом? — робко спросил он у Шеви.

— Непременно, — ухмыльнулась она, — не то он еще больше разозлится.

Раздражение Уальдо выразилось в стремительном топоте, так что Шеви и Райли пришлось постараться, чтобы угнаться за ним. Он провел их мимо стойки портье к тесному стальному лифту, который вызвал

с помощью пульта дистанционного управления, болтавшегося в виде брелока в его жилетном кармане.

Райли решил выказать свою осведомленность:

— Такую подъемную комнату я знаю, подумаешь, большое дело. Видал в Савойе пару лет назад, куда Гаррик заслал меня поразнюхать насчет одного хлыща.

Уальдо вздернул бровь и глянул на Шеви. Та сразу поняла, в чем заключался его невысказанный вопрос.

— Ага, он все время так разговаривает. Типа «лопни мои глаза» или «зырь, какая фишка», вроде того.

Уальдо достал смартфон и напечатал какую-то заметку. Шеви готова была поспорить, что в этой заметке непременно было слово «бредовый».

Они поднялись на лифте на четвертый этаж, причем Райли всю дорогу отчаянно цеплялся за поручень.

— Осторожность не помешает, — сообщил он Шеви. — Я слышал, что одна такая штуковина соскочила с канатов в Нью-Йорке. Сорвалась быстрее, чем лодырь по сигналу конца работы. Всех пассажиров в фарш размолотило.

— У меня голова трещит от этой болтовни на кокни, — сказал Уальдо. — Надеюсь, хоть до рифмованного сленга не дойдет.

Когда двери разъехались, Райли буквально выпрыгнул из кабины. Они прошли через пожарный выход и поднялись еще на два лестничных пролета.

— Прошу вас, — сказал Уальдо торжественно, указывая на неприметную серую дверь таким жестом, словно перед ними были врата в замок чудес. — Номер шестнадцать семьдесят шесть.

Он нажал другую кнопку на своем брелоке, и дверь плавно открылась.

— Проходите, агент. Можете пересидеть здесь, пока не прибудет выездная группа. Думаю, это не займет много времени, хотя головной офис уведомил меня, что сегодня все группы сорвали с мест и отправили в Девон, где якобы обнаружилось какое-то гнездо террористов. Ложная тревога, как оказалось. Так что, по моим расчетам, они смогут вернуться сюда где-то через час. Полно времени, чтобы вам переодеться, а этому Артфулу Доджеру¹ принять ванну.

— Будь зд'ров, нач'льник, клевацки раззулива'шь, — отозвался Райли с самым невинным видом, и Шеви догадалась, что он прекрасно осведомлен, кто такой Артфул Доджер.

Уальдо с подозрением нахмурился, но продолжил свою речь:

— В гардеробе у нас большой выбор одежды, так что вы найдете себе что-нибудь подходящее. В холодильнике — холодные закуски. Не открывайте дверь никому, кроме меня, и если кто-то, кроме меня, попытается войти в эту дверь сам, смело стреляйте. Хотя мы не в посольстве и формально не находимся на американской территории, этот номер приписан к посольству, так что закон будет на вашей стороне. С юридической точки зрения ситуация с этими помещениями не совсем ясна, но мы в любом случае сможем отправить вас обратно в Штаты, если что-то пойдет не так.

¹ Персонаж романа Чарльза Диккенса «Оливер Твист», уличный воришка.

Уальдо выдвинул ящик письменного стола и продолжил:

— В случае если вы вдруг остались без боеприпасов, у нас есть некоторый выбор, вот здесь, за канцелярскими принадлежностями.

— О-о-о, — отозвалась Шеви. — Канцелярские принадлежности. Вот это круто.

— Я полагал, агент Савано, — вскипел Уальдо, — что после того, как вы налажали в Лос-Анджелесе, вы станете относиться к работе немного серьезнее.

— Да я серьезно, — пожала плечами Шеви. — Одна из моих приемных мамаш собирает открытки.

— Я подам подробный отчет, — продолжал Уальдо, — и все, что касается вашего отношения к делу, будет выделено курсивом. И подчеркнуто.

Шеви выбрала обойму для своего «глока».

— Простите, Уальдо. Я начинаю дерзить, когда на меня давят. Нас кое-кто преследует. И этот кое-кто... немного необычный.

На Уальдо это не произвело особого впечатления.

— Что ж, этот ваш кое-кто не сможет проникнуть сюда, если только не захватит с собой штурмовую группу. Но даже в этом случае ему понадобится пульт управления, который спарен с моими биометрическими параметрами.

Райли высунул нос из вазы с фруктами.

— Спасибо за харч и все прочее, приятель, но ни один из вас, янки, не знает, о чем говорит. Гаррик все равно придет за мной.

Шеви уже открыла рот, чтобы возразить, но ограничилась только легким вздохом. Гаррик прошел че-

рез червоточину, чтобы найти Райли. И он победил команду ниндзя Смарта. Не похоже, чтобы пожилой хоббит и запертая дверь могли остановить его.

Она глянула на часы:

— Итак, Бэ... Уальдо. Осталось пятьдесят девять минут, верно?

Уальдо потемнел лицом и как будто собрался зарычать, но тут же взял себя в руки, сладко улыбнулся и вытянул вперед левую руку ладонью вверх.

— Только не говори мне, что ждешь чаевых, — сказала Шеви, не веря своим глазам.

Уальдо стер с лица улыбку и сжал пальцы в кулак с такой силой, словно стискивал горло злейшего врага.

— Сила привычки, — буркнул он и исчез за дверью, закрыв ее за собой.

Следующие полчаса Шеви и Райли попытались кое-как отдохнуть, но ни одному из них не удавалось избавиться от ледящего чувства опасности. Это было не то смутное чувство, будто может случиться что-то плохое, — это была твердая уверенность в том, что Гаррик может в любую секунду прорваться через бронированную дверь и прикончить их обоих выстрелом в голову.

Шеви задумалась, не стоит ли ей позвонить кому-нибудь, и если да, то что ей сказать?

«У ФБР есть секретная сеть машин времени, с помощью которых мы укрываем ценных свидетелей в прошлом».

Или: «Фокусник-убийца явился из девятнадцатого века, чтобы прикончить уличного мальчишку».

Или: «Величайший в мире ученый превратился в мертвую обезьяну при проходе через червоточину в пространстве-времени».

Любой вариант выглядел совершенно безумным, как его ни поверни. Уж лучше дожидаться, пока явится подкрепление, и надеяться, что командующий им агент имеет некоторое представление о происходящем. В противном случае Шеви будет нелегко оправдаться.

Райли появился из спальни, вырядившись во что-то вроде школьной формы, которую он отыскал среди одежных запасов Уальдо. Бегло глянув на себя в зеркало, он вдруг замер, удивленный собственным обликом.

— До чего замечательное зеркало, агент. Никогда еще не видел себя так ясно. Глядите-ка, у меня волосы с каштановыми и темными прядями. Чудеса, да и только!

Мальчик некоторое время поизучал свое отражение, то оттягивая кожу бледной щеки, то откидывая со лба длинные темные волосы. Затем уловил в зеркале отражение закрепленного на стене телевизора с плоским экраном.

— А что это за устройство на стене? Какое-то произведение искусства, да? Туманная ночь или что-то вроде того? Благородные господа готовы покупать любой старый хлам, если думают, что его намалевал известный художник.

— Вообще-то, Райли, это телевизор. Показывает на экране движущиеся картинки.

Развернувшись, Райли во все глаза уставился на диковину:

— Движущиеся картинки...

Тут его посетила какая-то мысль.

— Когда я проснулся сегодня утром, на дворе был год 1898 от Рождества Господа нашего. И как далеко меня забросило?

— Больше чем на сто лет, — мягко ответила Шеви.

Райли бессильно опустился на диван, глядя в пол и обхватив себя руками.

— Сто лет? Далеко. Все, кого я знаю, уже умерли, и все, что я знаю, потеряло смысл.

Шеви не знала, что сказать. Она попыталась представить себя на месте парнишки, но у нее ничего не вышло. Должно быть, он испытывает жуткий шок.

— Чувствую себя как потерпевший кораблекрушение, — признался Райли. И затем, помолчав, добавил: — А вот Гаррик нет. Он стал совсем другим. Что-то изменило его. Он все знает про ваше оружие и ваши коды. И кто сказал, что у него нет кода от этой хаты тоже?

Шеви присела на низкий стеклянный кофейный столик лицом к мальчику.

— Если Гаррик решит сунуться сюда, значит, он совсем сошел с ума. Перед ним весь Лондон, в котором можно затеряться без следа. Чего ради он станет тратить время, преследуя какого-то мальчишку?

— Трудно понять, что им движет, — сказал Райли, нахмурившись. — Он называет меня своим сыном, чтобы распоряжаться моей жизнью и смертью по своей прихоти. Но я ему не сын, и я его ненавижу. Мне случалось сбегать и раньше, и он каждый раз разыскивал меня по всему городу.

Райли указал на свой правый глаз.

— В прошлом году я сбежал от него в Сент-Жиль. Уговорился с местным уличным сбродом, но у Гаррика повсюду стукачи, и они рассказали ему про меня. Этот дьявол нашел меня и задал жуткую трепку. Глаз теперь выглядит не как обычно, но видит вполне хорошо. А теперь Гаррик погнался за мной даже сюда, как путешественник во времени мистера Уэллса.

— Ну, здесь у Гаррика стукачей нет, — сказала Шеви. — И еще — просто чтобы ты знал — разные люди пытаются отыскать наши секретные убежища годами. Заметь себе, люди из этого века, и раз им не удастся, значит, не справится и он. Ты даже не представляешь, как все изменилось с твоих времен.

Тут Шеви кое-что вспомнила.

— Но я помогу тебе составить общее представление. Садись-ка сюда.

Шеви указала на низкий мягкий диванчик перед телевизором, затем загрузила Интернет и нашла сайт *moderntimes.com*, где были выложены серии документальных видеофильмов об основных событиях в сфере политики, науки и культуры. Она выбрала один фильм и запустила его.

— Смотри внимательно и попытайся чему-нибудь научиться, — велела она мальчику.

Райли пережил за сегодняшний день уже столько потрясений, что не стал комментировать высокое качество изображения, однако музыкальное оформление сайта едва не заставило его прослезиться.

— Сидишь как будто перед целым оркестром, — тихонько сказал он. — Музыкальная машина с картинками.

Шеви направилась в ванную.

— Музыкальная машина с картинками. Такое определение мне нравится. Ладно, сиди впитывай, а я пока немного приведу себя в порядок. Только не прикасайся к экрану.

Райли испуганно отвел взгляд от экрана.

— А почему? Меня затянет в мир этой волшебной машины?

Шеви испытала большое искушение ответить утвердительно, но мальчишка сегодня и так уже натерпелся.

— Нет, это тебе не «Трон». Но если ты залапаешь экран, гном просто взбесится.

Райли снова уставился на экран. «Взбесившийся гном» и впрямь звучало ужасно. Ясно, он будет только смотреть и ни к чему не прикоснется.

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. Сейчас

Поначалу Альберт Гаррик даже слегка разозлился, оказавшись в ловушке на Бэдфорд-сквер, однако его новообретенные способности были таковы, что сразу дюжина возможных решений проблемы успокоила его раздраженный дух, как целительный бальзам. Фокусник отправился в офис на первом этаже и уселся перед своим ноутбуком.

«Нет, не моим. Ноутбуком Феликса Смарта».

Впрочем, это было почти одно и то же. Разум Феликса Смарта был заключен в его собственном мозгу, сочась информацией, как треснувшая тыква.

«Но это еще не все. Взрыв в червоточине изменил меня. Я теперь больше, чем обычное человеческое существо. Я первый в мире квантовый человек, и законы обычного мира ко мне больше не применимы. Даже мой облик текуч и изменчив, а мой разум переполнен полезнейшими сведениями».

Гаррику понадобилось всего несколько секунд, чтобы снять блокировку охранной системы здания, и он с удовлетворением услышал, как решетки на окнах снова поднялись.

Фокусник негромко усмехнулся.

«Компьютеры! До чего чудесные машины».

Теперь он мог отправиться куда угодно и обратить этот новый век в хаос. Никто не сможет остановить его или хотя бы даже понять, кого именно они пытаются остановить.

«Так почему бы мне не оставить погоню за Райли и не раствориться в многолюдной толпе?»

Теперь Гаррику стало ясно, почему для него так важно выследить мальчишку. Отец Гаррика оставил его самым драматическим образом, когда ему было всего десять лет, и с тех пор Гаррик испытывал глубочайший страх быть покинутым.

«С тобой все будет в порядке, сынок, — сказал ему отец как-то утром. — А я не могу жить трезвым после того, что пришлось мне сделать, чтобы обеспечить твое будущее. Я перерезал глотку своему лучшему другу и еще кое-кому, лишь бы ты вырос подальше от Олд-Найчола».

Десятилетний Гаррик заметил увязанные в наволочку пожитки отца, лежащие возле единственной в комнате кровати.

«Ты уходишь от меня, па?»

Слезы ручьем текли по грубым морщинам на щеках отца, когда он ответил: «Ухожу, сынок. Ты ведь знаешь, я всю жизнь боролся с пристрастием к спиртному. А теперь, когда в голове у меня только пролитая кровь и твои бедные братишки и сестренки, я больше не могу терпеть. Поэтому я возвращаюсь в Олд-Найчол и буду пить, пока не сойду в могилу. Вряд ли это займет больше месяца. Не пытайся искать меня, я буду пьян и буен. А я передам привет твоей матушке, когда вдоволь натешусь с красотками, и буду приглядывать за тобой из-за плеча дьявола».

И он ушел, споткнувшись о порог, полуослепший от слез. Альберт больше никогда не видел своего отца, но до него дошли слухи, что тот умер от перелома основания черепа после того, как какой-то сутенер врезал ему по башке на тротуаре возле «Иерусалимской Таверны».

«Меня однажды уже бросили, поэтому теперь я боюсь снова быть покинутым, — пришло к заключению существо, некогда бывшее Альбертом Гарриком. — Я знаю это, но по-прежнему испытываю страх».

Однако у настойчивой погони за мальчиком была и другая причина, помимо боязни одиночества. Где бы ни находился сейчас Райли, рядом с ним была и Шеврон Савано. И Гаррик испытывал страстное желание пообщаться с этой юной леди, поскольку именно у нее хранился последний уцелевший пульт, а с этим пультом он мог бы вернуться в свое время и сделаться его властелином.

Гаррик понимал, что в этом мире он оказался кем-то вроде вундеркинда: конечно, он мог достичь очень многого, но он бы вечно чувствовал на себе следящий взгляд бесчисленных спутников, прицепившихся, как электронные пауки, к земной орбите. Имея мощное оружие, разнообразную технику и новейшие методы ведения следствия, его враги сумеют отыскать и убить его, потому что многие обитатели этой эпохи обладают такими же знаниями, как и он. Зато если Альберт Гаррик вернется назад, в свою собственную эпоху, он будет подобен всемогущему божееству. В Лондоне времен королевы Виктории человек с подобными познаниями и предвидением будущего станет истинным пророком в своем отечестве.

«Я мог бы возглавить революцию и свергнуть правительство. Я мог бы открыть антибиотики и изобрести солнечные батареи. Я мог бы построить первый в мире самолет и сбросить на своих врагов водородную бомбу. Нет ничего, что было бы мне не по силам.

Но сначала я должен открыть червоточину. Именно на этом мне нужно сосредоточить сейчас все усилия».

Гаррик не сомневался, что, будь у него десять лет времени, неограниченные средства и всесторонняя поддержка со стороны правительства, он и сам мог бы создать такой пульт, управляющий перемещениями во времени. Но к чему такие сложности, если этот пульт уже существует и болтается на шее специального агента Шеврон Савано?

«Странная и глупая девчонка, — размышлял Гаррик. — Она будет слепо следовать законной процеду-

ре, и я поймаю ее в ловушку собственного бюрократизма Бюро. А как только пульт будет у меня, мне понадобится всего лишь пять секунд внутри модуля ПАУКСа».

Гаррик быстро вошел во внутреннюю сеть Бюро и разместил в разделе «Будь бдителен» предостерегающее сообщение о Шеврон Савано. Затем с удовольствием испытал свои новообретенные компьютерные умения, поместив ее имя в список разыскиваемых особо опасных нарушителей. Аварийная команда из отдела по борьбе с опасными веществами, заброшенная в червоточину, сгинула, так почему бы не обвинить в ее уничтожении мисс Савано?

«Опасные вещества, — проговорил про себя Гаррик, смакуя каждый звук. — До чего же дивные слова».

Гаррик снял с головы котелок и сдернул с вешалки возле стола шляпу Смарта, пробежался тонкими паучьими пальцами по мягким полям и нахлобучил ее на голову.

«В Бюро всего шесть человек, которые встречались с Феликсом Смартом с тех пор, как он прибыл в Лондон. Четверо из них мертвы, один в бегах, и еще один командирован в Ирак».

— Привет, Уальдо, — сказал он вслух, подражая голосу Смарта. — Я столько о вас слышал.

Он прочистил горло и попробовал снова:

— Агент Ганн. Наконец-то мы встретились с вами лично. Полагаю, у вас в пентхаусе есть для меня парочка беглецов?

Пока у него получалось не очень-то похоже на шотландца. Что ж, значит, ему надо поработать еще, чтобы

усилить сходство. В конце концов, разве он не мастер иллюзии и не первый в мире квантовый человек?

Гаррик изучил свое отражение в зеркале возле вешалки. Лицо у него всегда было невзрачное и невыразительное, как тапиока, что для его рода деятельности было только благом, потому что люди не обращали на него внимания или не могли потом припомнить его черт. Когда он работал в театре, ему приходилось каждый день буквально рисовать себе лицо, чтобы соответствовать созданной иллюзии.

Гаррик пристально уставился в зеркало и смотрел, пока его кожа не начала пузыриться.

Во время пребывания в червоточине Альберт Гаррик получил нечто большее, чем просто знания: он обрел полный контроль над своими органами вплоть до самой мельчайшей клеточки. Если большинство людей использовали лишь небольшую часть собственного мозга, Гаррик владел им полностью. Может, это и не наградило его даром телекинеза, но по крайней мере он мог управлять своей нервной системой с куда большей эффективностью. Он мог менять по желанию узоры отпечатков своих пальцев или контролировать деятельность щитовидной железы, вызывая ускоренное поседение волос. Путем незначительных усилий он мог воздействовать на свой костный мозг или на слой подкожной жировой клетчатки, меняя собственный облик. Конечно, он не мог превратиться в кого угодно и не мог сильно отклониться от исходной массы собственного тела, однако ему не составляло труда сделать явными те физические признаки, которые теперь уже и так не были чужды его телу.

Гарден-Отель. Монмут-стрит. Сейчас

Шеви быстренько приняла душ, наложила на глаза гелевую маску, чтобы снять отек, и принялась рыться в гардеробе в поисках какой-нибудь одежды вместо облегающего спортивного костюма, который, судя по всему, сильно смущал Райли. Выбирать было из чего: в шкафу висело множество упакованных в пластиковые чехлы комплектов одежды, в том числе несколько рабочих комбинезонов, узкое платье леопардовой расцветки и даже пухлый костюм Микки-Мауса.

«Похоже, некоторым ребятам приходится работать в глубоком, очень глубоком подполье, — подумала она, выбирая неброский костюм от Армани и пару черных туфель от Балли, которые наверняка стоили примерно половину ее годовой зарплаты.

Наконец-то. Вот они, рабочие льготы.

Костюм сидел неплохо, и, повертевшись некоторое время перед большим зеркалом, Шеви включила компьютер в спальне и села за составление отчета, стараясь описать важнейшие эпизоды прошедшего дня так, чтобы они больше походили на реальные события, а не на фантастический телесериал.

«Так получилось, что я занималась охраной машины времени на случай, если из нее появится изобретатель, скрывшийся в девятнадцатом веке».

Нет, никак не удастся превратить это в серьезный доклад, даже если добавить туда особых фэбээровских словечек вроде «спецбригада», «актив» или «ППА¹».

¹ Полицейский, производящий арест.

К тому времени, как Шеви удалось набрать с пять сотен слов, у нее уже зверски болела голова, как раз за правым глазом, так что она была очень рада услышать дверной звонок.

«Наконец-то. Кавалерия спешит на выручку».

Райли все так и сидел перед телевизором, уплетая за обе щеки содержимое большого блюда с мясными закусками.

— Надеюсь, бренди ты не пил, — сказала она, проходя мимо.

— Нет, ни капельки, — отозвался Райли, помахивая коричневой бутылкой. — Только пиво, агент. Я все делаю как вы сказали, ей-богу делаю.

Шеви резко изменила курс и выхватила у него бутылку.

— Никакого спиртного, Райли! Ты еще до него не дорос.

Затем кивнула на экран:

— Ну, что тебе больше всего понравилось в двадцать первом веке?

Райли звучно рыгнул.

— «Take That» мне показались самыми мелодичными. И благослови Боже Гарри Поттера, вот что я скажу. Если бы не он, темные силы уже давно поглотили бы весь Лондон.

— Ладно, продолжай жевать, — сказала Шеви, размышляя о том, что в следующий раз, пожалуй, ей стоит посмотреть видео вместе с ним. — И можешь перестать трястись. Помощь уже здесь.

— Вот уж помощь-то нам понадобится, агент, вся, какая только можно. И вам тоже лучше бы подкре-

питься, чтобы мы могли встретить предстоящие испытания с полными животами и без долгоносиков на майках, а?

Шеви не была уверена, что поняла, при чем тут долгоносики, но она определенно не желала, чтобы они оказались у нее на майке.

— Никаких долгоносиков, — сказала она, — тут я с тобой полностью согласна.

Она оставила Райли перед телевизором и направилась к входной двери, прижимаясь к стене, как ее учили, и направив ствол «глока» на замочную скважину. Рядом с дверью в стену был вмонтирован интерком с видеоизображением, и Шеви с облегчением увидела на экранчике лицо Уальдо — пожалуй, даже более сердитое, чем прежде, что само по себе обнадеживало. Судя по сигналу с камеры слежения, похожий на хоббита связной офицер был в коридоре один.

Шеви нажала кнопку переговорного устройства.

— Команда из Бюро прибыла? — спросила она.

— Они в пути, — отозвался Уальдо. — А меня отправили к тебе получить первичный отчет. Хотя, должен заметить, это и не входит в мои служебные обязанности. За кого они меня принимают, за секретаря, что ли?

— Ладно тебе, не горячись, — сказала Шеви и, сунув пистолет в кобуру, открыла дверь. — Это очень серьезное дело. Мы должны работать вместе.

Уальдо остановился в прихожей, держа руки за спиной, и отнюдь не выглядел склонным к сотрудничеству.

— Работать вместе, говоришь? Типа того как ты поработала с аварийной бригадой?

Шеви ощутила холодок внутри и попыталась выхватить пистолет. Она даже успела вынуть его из кобуры, но Уальдо, как выяснилось, прятал за спиной электрошокер и успел выстрелить Шеви в грудь двумя игольчатыми дротиками, пронизав ее тело 50 тысячами вольт. Удар был такой силы, словно тысяча кувалд обрушились одновременно на каждый дюйм ее кожи, заставив ее сначала упасть на колени, а потом опрокинуться на спину.

— Я получил оперативку от агента Оранжа, — услышала она голос Уальдо, низкий и замедленный, доносящийся словно издалека. — Ты убила этих людей, а один из них был должен мне большие деньги.

«Нет, — хотела сказать Шеви. — Это уловка. Тебя провели».

Но язык лежал у нее во рту бесполезным куском мяса, а руки и ноги превратились в полужидкий кисель. Силуэт Уальдо навис над ней, и это напомнило ей эпизод из фильма про Годзиллу, где чудовище перешагивает через мост.

— У меня остался еще один заряд, — сказал такой безобидный с виду хоббит тем же далеким, как из-под воды звучащим голосом.

«Беги, Райли, беги!» — хотела крикнуть Шеви, но сухой воздух вырвался из ее горла только сиплым шипением.

Райли слышал короткий разговор в прихожей, а потом тяжелый, безошибочно узнаваемый звук падения тела.

«Гаррик!» — сразу подумал он, вскочив на диване на ноги. Он хотел броситься на помощь, но понимал,

что тем самым только подпишет себе приговор, как уже случилось с Шеви.

«Я должен спрятаться, — решил он. Но времени на поиски убежища уже не оставалось: Уальдо стремительно ворвался в гостиную, потрясая какой-то металлической трубкой.

— Я без колебаний воспользуюсь этим, — сказал он, — если ты попытаешься бежать, попытаешься напасть на меня или будешь упорствовать со своим дурацким акцентом.

Райли украдкой оценил, насколько пружинят диванные подушки у него под ногами.

«Если я постараюсь, то смогу перепрыгнуть через голову этого коротышки, как Джек-Попрыгун, — подумал он. — И эта короткая железная палка ему не поможет, если он не сможет до меня дотянуться».

Райли дважды спружинил и взвился в воздух, намереваясь перелететь через голову Уальдо... и не оставив агенту ФБР иного выбора, кроме как выстрелить ему в живот вторым оставшимся в электрошокере зарядом.

Голова Райли врезалась в пол с глухим стуком, и в его угасающем сознании этот звук напомнил стук костяшек Гаррика по лбу ученика во время занятий.

«Будь внимателен, сынок, — говорил он. — Это один из основных принципов искусства иллюзиониста, с которым нам придется сталкиваться каждый день».

В то время они выступали в театре «Ориент», где Райли заодно проходил обучение. На этих подмостках он осваивал фехтование, стрельбу, удушение и отрав-

ление, а также и более экзотические науки, такие как умение открывать любые замки и искусство маскировки.

«Итак, повторяю вопрос: где сейчас гиней?»

Райли уставился на выстроившиеся перед ним три перевернутых стакана и неуверенно ткнул пальцем в средний, заранее зная, что монеты ему не видать.

«Нет, Райли, — говорил Гаррик, качая головой, — хотя на этот раз ты продвинулся на шаг дальше. — Он поднял левый стакан, под которым блестела монета. — Я на секунду отвлек твой взгляд от последнего перемещения, стукнув ногтем по среднему стакану. Обманное движение, помнишь? Я отправил тебя в ложном направлении».

«Я понимаю, — думал Райли, всей душой желая как-нибудь применить похожий трюк, чтобы сбежать от Гаррика. — Однажды я тоже направлю тебя туда, где меня нет и никогда не было. И тогда наконец-то скроюсь от тебя навсегда».

Когда Шеви очнулась, то обнаружила, что ее щиколотки и запястья стянуты пластиковыми наручниками, надежно привязавшими ее к унитазу. Голова пульсировала тупой болью, а с кончика носа капала кровь, скапливаясь в лужицу на полу между ее ступней.

Она уже собиралась разразиться потоком проклятий, как вдруг заметила Райли: мальчишка сидел в ванне, пристегнутый такими же наручниками к поручню.

— Ты ранен? — спросила она. Звук собственного голоса отозвался в ее мозгу острой болью.

«Уальдо! Ну держись! За это я как-нибудь обрею тебя во сне».

— Нет, мисс, — ответил Райли. — Хотя эта штука, которая пуляется молниями, едва не вышибла из меня дух. И эти наручники сбивают меня с толку. Они вроде гибкие и мягкие, как шнурки, а растянуть их никак не удастся.

Райли вроде бы еще что-то говорил насчет наручников и их удивительной крепости, но Шеви уже не слушала. Ей нужно было минутку-другую покоя, чтобы ее рассудок смог прийти в себя после того, как Уальдо со своим тазером¹ застал ее врасплох.

«Я этого не ожидала. Как такое возможно, чтобы Феликс Смарт разослал на меня по сети оперативку, если он так и не вернулся из прошлого?»

Или же он вернулся и решил свалить на меня ответственность за неудачную операцию?»

Такой вариант выглядел одинаково маловероятным и неправдоподобным.

«Оранж был вместе со своей аварийной бригадой. Он знает, что я никого не убивала».

Райли опять что-то говорил. Голос звучал настойчиво, даже требовательно.

Шеви поморгала, прогоняя искры из глаз.

— Что, малыш? В чем дело?

— У вас кровь течет из носа, мисс. Сильно втяните носом и харкните как следует, самый верный способ.

«Втянуть и харкнуть».

¹ Полицейский дистанционный электрошокер, используемый для обезвреживания преступников.

Шеви сделала, как ей было сказано, сплюнув кровавый сгусток в раковину, и с удивлением обнаружила, что кровотечение тут же прекратилось, хотя вся операция отдалась очередным приступом головной боли.

— Уальдо в тебя тоже пальнул?

— Ага, — кивнул Райли. — Этот его электрический пистолет заставил меня выплясывать такую джигу, что любо-дорого. Я очухался как раз перед вами.

— Нам надо убраться отсюда, малыш. Помнится, ты ловко управился с наручниками на Бэдфорд-сквер. Сейчас у тебя в носке никаких фокусов не осталось?

Райли усталился на собственные стянутые запястья так, будто рассчитывал освободиться от пут одной только силой мысли.

— Нет, мисс. Да и как можно вскрыть наручники, у которых нет замка?

Ответом было «никак».

Шеви попыталась собраться и рассуждать логически, невзирая на накатывающие приступы боли.

— Ладно. Мы связаны, но живы и в безопасности. Уальдо, похоже, не разобрался в ситуации, однако кавалерия уже в пути, и когда они прибудут, то во всем разберутся. Не важно, как много времени это займет. Пока мы здесь, нашей жизни ничто не угрожает.

Райли нахмурился:

— Значит, то, что нас скрутили, как кур на базаре, это хорошо?

— В каком-то смысле да.

— Не обижайтесь, мисс, но вы как женщина, наверное, кое-чего не понимаете. Если мы проторчим

здесь еще немного, Гаррик перережет нам глотки и с удовольствием посмотрит, как мы корчимся. И, клянусь всем святым, ему даже не придется смывать за мной кровь, потому что я и так уже в ванне.

Шеви глянула на мальчика, удивляясь, что тот способен в подобной ситуации на шутки, хоть и мрачноватые, но затем ясно увидела в его глазах страх.

«Бедный парень живет в страхе изо дня в день», — поняла она.

Из комнаты донесся характерный шум, обычно сопровождающий появление вооруженных людей. Шеви услышала приглушенные ковром шаги и вкрадчивое щелканье пистолетов, снимаемых с предохранителей. Шеви представила себе, как агенты, повинувшись молчаливым командам, занимают ключевые позиции у входа и у других возможных путей прорыва.

— Эй, — позвала она. — Эй, ребята. Мы здесь.

Через секунду дверь ванной распахнулась, и на пороге показался агент в костюме, который в ФБР считается штатским. Иначе говоря, безнадежно ушедший из моды еще лет тридцать назад. Желто-коричневые брюки, синяя ветровка, застегнутая под воротник рубашка и ботинки на резиновой подошве. Этот парень с таким же успехом мог носить на спине надпись «ФБР» большими желтыми буквами. Увидев привязанную к унитазу Шеви, агент не смог сдержать улыбки. Он вынул из кармана складной нож и со щелчком выпустил лезвие, как будто собирался немедленно перерезать наручники, но затем вдруг передумал, сложил нож и вернул его в карман.

— Вольно, Савано. Можешь не вставать.

Шеви метнула на него свирепый взгляд. Этого агента она знала еще тогда, когда жила дома. Звали его Дафф, и он был в приятельских отношениях с Кордом Валликозе, ее любимым инструктором в Куантико. Валликозе увидел тогда в юной курсантке скрытые таланты и взял ее под свое крыло.

— Со смеху умереть, Дафф. Посмотрим, будешь ли ты так смеяться, когда я выберусь отсюда и поправлю тебе причесочку.

Дафф тоже надулся. Судя по всему, дурацкая прическа с челочкой была предметом его гордости.

— Придержи язык, Савано. Ты и твой таинственный пацаненок попали в серьезный переплет. Как я слышал, наша спецбригада из отдела по борьбе с опасными веществами пропала без вести. Замдир сейчас возвращается с заседания в Шотландии, так что пока его здесь нет, лучше держи пасть закрытой.

Шеви кое-как подавила раздражение. Ничего, у нее еще будет время перекинуться словечком с этим парнем, когда все закончится.

— Ладно, агент. Понимаю, вы делаете свою работу, и на вашем месте я, вероятно, поступила бы так же, разве что добавила бы чуть больше сочувствия и урезала бы жаргон. Однако у нас здесь до смерти перепуганный мальчишка, и у него есть на то все основания. За нами гонится один очень впечатляющий тип, который, возможно, положил всю аварийную бригаду с помощью одного только мушкета.

Дафф утомленно вздохнул, как будто ему больно было слышать всю эту ахинею.

— Ага, в оперативке указано, что у тебя бредовое состояние. Понятное дело, Лондон и не такое творит с человеком. Даже приличной пиццы не найти, кошмар, а не город.

Вдруг он щелкнул пальцами.

— Хо-хо, кажется, я знаю, кому надо об этом рассказать!

Шеви оцепенела.

— Даже не вздумай!

Дафф вынул из кармана телефон и с показной тщательностью сфокусировал камеру.

— Нет, ну в самом деле. Корду обязательно надо знать об этом. Помнится, он не раз говорил, что ты его лучшая ученица. Это разобьет ему сердце.

Дафф сделал пару снимков Шеви, прикованной к унитазу, и тут же переслал их за океан Корду Валикозе.

— Дафф, дело серьезное, — сказала Шеви, изо всех сил стараясь не сорваться на крик. Характер этого парня был ей хорошо известен: стоит ей повысить на него голос, как он просто развернется и уйдет, хлопнув дверью. — Люди гибнут, и ничего еще не закончилось. Сними ради бога оружие с предохранителя и скажи своим ребятам, чтобы были настороже.

Дафф как будто даже всерьез задумался над ее словами, как вдруг его телефон звякнул, приняв сообщение. Он глянул на дисплей и просиял:

— Это от Корда. Тебе стоит услышать это — он совершенно раздавлен.

И, мерзко хихикнув, Дафф вышел из ванной и закрыл за собой дверь.

Альберт Гаррик оказался возле «Гарден-Отеля» всего на несколько секунд позже, чем команда из Лондонского отделения Бюро, так что ему оставалось только разочарованно смотреть, как агенты скрываются за входной дверью. Шесть агентов в синих ветровках, столь же не привлекающих внимания в изысканном маленьком отеле, как полдюжины пингвинов.

От души выругавшись, он решил выпить кофейку в ближайшем кафе и продумать дальнейший план действий. Составленная им оперативка отлично сработала, тут же вызвав ответный звонок от агента Уальдо Ганна, так что Гаррик надеялся, что ему удастся добраться до секретной квартиры до того, как туда нагрянет неизбежная в таком случае вооруженная до зубов команда федералов. Впрочем, даже при таком раскладе силы были неравны. Будь тут хоть целое войско агентов — все равно они не смогут помешать ему добраться до Райли и до пульта.

Если бы Гаррик успел оказаться на конспиративной квартире раньше явившейся команды, он попросту взял бы то, что ему нужно, и избавился от Уальдо Ганна. Однако теперь, когда его противниками оказались шесть вооруженных и готовых к неожиданностям крепких мужчин, полагаться только на грубую силу было неразумно. Перевес по-прежнему был на стороне Гаррика, однако Райли тоже знал толк в боевых искусствах, которым его обучал истинный мастер своего дела, и Гаррику совсем не хотелось, чтобы над ним по какой-нибудь случайности одержал верх ребенок.

Между делом он позволил себе ненадолго отвлечься, с интересом наблюдая, как изменилась Монмут-

стрит с тех пор, которые он уже начал называть «своими временами». Хотя, благодаря воспоминаниям Смарта, он был отчасти подготовлен к ярким, сверкающим чудесам настоящего, совсем другое дело увидеть их своими глазами.

В его времена Монмут-стрит была улицей грошовых доходных домов, обитатели которых по вечерам высыпали на тротуары, с удовольствием зубоскаля над шуточками малолетних попрошайек, пытающихся выманить мелочь у толпы театралов. Сейчас здесь никаких попрошайек не было, да и вообще англичан было почти не видно. Хотя, если воспоминания Смарта его не обманывают, нынче называть себя британцем может кто угодно.

«Придется мне как-то с этим разобраться, — подумал Гаррик. — Когда я стану королем».

Разумеется, он шутил. Зачем становиться королем, если вся реальная власть сосредоточена в руках премьер-министра?

Гаррик допил действительно великолепный кофе, поблагодарил официанта и зашагал через улицу к «Гарден-Отелю».

Уальдо Ганн в своей конспиративной квартире был страшно недоволен. «Нору» спалили, это ясно как день. Целых десять лет он заботился об этом чудесном месте, в котором в разное время нашли себе убежище более двухсот подвергавшихся риску агентов. А теперь сюда подкатила целая толпа федералов на своих черных джипах и вломила в его тайное убежище. Никакое уже, конечно, не тайное.

И хотя Уальдо был безусловно расстроен, что его такое теплое местечко оказалось под угрозой, в основном его снедали заботы профессионального характера.

«Я даже не знаю наверняка, кто в этой истории прав, кто виноват, размышлял он. Обвинения агента Оранжа против агента Савано очень серьезны, однако в ее личном деле нет никаких предпосылок для подобной внезапной жестокости. Конечно, в ее послужном списке есть та сомнительная история в Лос-Анджелесе, но, по моему личному мнению, она повела себя героически и спасла человеческие жизни».

С чего же она вдруг сделалась убийцей? Ерунда какая-то. Все сегодня идет не так. Вместо того, чтобы охранять беглецов, ему пришлось задерживать подозреваемых. Но особенно невыносимо было видеть, как эти неотесанные громылы топчут его бесценные итальянские ковры, а теперь еще и вздумали примерять пиджаки из гардероба.

«Если хоть один из них протянет лапу к костюму от Дзенья, я прикончу его собственными руками, — поклялся себе Уальдо.

— О, ради всего святого, — обратился он к одному долговязому агенту, развалившемуся на диване. — Уберите обувь с мебели. Это же настоящий Карл Хансен!

В кармане у него зажужжал телефон. Это был особый сигнал, означающий, что сообщение поступило по закодированной линии, а значит, является сугубо официальным. Он глянул на дисплей и прочел послание от агента Оранжа. Коротко и мило: «На подходе».

«Чудесно, — мрачно подумал Уальдо, скручивая свою седую бороду в жгут. — Еще одна муха на нашу и без того забитую липучку».

В прихожей номера прозвучал дверной звонок, и полдюжины агентов моментально взяли оружие наизготовку, чтобы направить его на любую подозрительно мелькнувшую тень.

— Вольно, вояки, — сухо бросил им Уальдо, пересекая небольшую прихожую и подходя к переговорному устройству. — Этот тоже из наших.

Уальдо Ганн понимал, что теперь, когда его должность при этой «норе» со всей очевидностью накрылась, ему, скорее всего, придется уйти в отставку. После двадцати лет обитания в изысканной обстановке «Гардена» он точно не сможет сидеть в одной конторе с этими помешанными на оружии макаками.

На дисплее интеркома отобразилась одинокая фигура по ту сторону двери.

Уальдо нажал кнопку переговорного устройства.

— Удостоверьте вашу личность, пожалуйста.

Мужчина за дверью раздраженно зыркнул в камеру, как будто слазить в карман за удостоверением означало потерять уйму драгоценного времени, затем вздохнул, достал бейдж и поднес его к глазку.

Действительно, агент Оранж собственной персоной. Не бог весть какая удачная фотография, но лицо определенно то самое.

«Допустим, — осторожно подумал Уальдо. — Но на внутреннем уровне ФБР давно уже отказалось от

удостоверения личности по фотографиям. К чему они, если есть биометрия?»

— Приложите большой палец к сканеру, пожалуйста, — коротко потребовал он.

— Да неужели? — сказал мужчина с удостоверением агента ФБР Оранжа. — Я, знаете ли, тороплюсь. И не хочу торчать на холоде лишь потому, что какая-то коробка с болтами затрудняется считать мои отпечатки.

— Прошу вас, приложите большой палец к сканеру, — настойчиво повторил Уальдо, не желая тратить время на пререкания. Если Оранж так сильно спешит, ему нужно всего лишь приложить палец к стеклу, и вопрос будет снят.

— Что ж, сейчас вы главный, — буркнул Оранж, прижимая подушечку большого пальца правой руки к считывающему устройству. Сканеру понадобилось секунд на пять больше обычного, чтобы соотнести полученный отпечаток с базой данных и подтвердить личность агента.

— Вот видите, — сказал Уальдо, — это совсем не трудно. Такова обязательная процедура.

Уальдо открыл дверь и почувствовал, как ему по ногам потянуло холодом.

«Должно быть, где-то окно открыто, — подумал он. — Странно, я готов поклясться, что запер их все».

— Легендарный агент Уальдо Ганн, — провозгласил агент Оранж, протягивая руку. — Покровитель заблудших овец.

— Легендарный в узких кругах, — отозвался Уальдо, пожимая протянутую ладонь и невольно ловя себя на мысли: «Я не доверяю человеку с такими руками».

Не удержавшись, он глянул вниз и заметил, что пальцы у Оранжа тонкие, как у девушки, и с такими же длинными ногтями.

«Почему он мне так не нравится?» — задумался Уальдо, и тут же вспомнил одно из разнообразных и многословных изречений своей матушки, на которые она была так щедра: «Никогда не доверяй мужчине с длинными ногтями, если только он не гитарист. Длинные ногти означают, что он никогда в жизни не занимался повседневной работой, да и вообще вряд ли живет честным трудом».

Оранж выпустил ладонь Уальдо и уставился через его плечо вглубь комнат.

— Неплохая обстановка у вас тут, Уальдо, — сказал он, и из-за сильного шотландского акцента фраза прозвучала секунд на пять длиннее, чем положено.

«Спятить можно от этого выговора, — подумал Уальдо. — Этак простой разговор может целый день занять».

— Чем могу вам помочь, агент Оранж?

Тонкие губы агента растянулись в широкой улыбке:

— Разве это не очевидно? Вы должны передать мне подозреваемых.

Уальдо оторопел. Сама идея была настолько нелепа, что поначалу он решил, будто Оранж шутит.

— Передать их вам? Но это противоречит всем правилам. Эти люди — подозреваемые, находящиеся под следствием. А вы никак не следователь.

Оранжа это заявление, похоже, огорчило.

— Возможно, однако я старше вас по званию, Уальдо.

Уальдо внезапно почувствовал сильное раздражение от того, что этот человек обращается к нему по имени.

— Будьте любезны называть меня специальный агент Ганн. И, к вашему сведению, в пределах этого помещения старше меня по званию нет никого. Как ответственное лицо, я имею право выставить отсюда даже президента, если сочту необходимым. В любом случае заместитель директора уже направляется сюда, и он лично отдал приказ, чтобы до его прибытия с находящимися здесь лицами никто не общался.

— Но они убили всю мою команду из отдела по борьбе с опасными веществами! — возразил Оранж. — Без пощады и милосердия, хотя они молили о них. Мне самому повезло, что я остался в живых.

«Без пощады и милосердия», — подумал Уальдо. Необычный выбор слов.

— Должен сказать, вы выглядите примечательно живым. И вполне невредимым. Где же трупы?

Оранж кашлянул в кулак.

— Это деликатная информация крайне ограниченного доступа. Она имеет отношение к нашей операции, которая превосходит вашу категорию допуска уровней на пятнадцать. Конечно, я мог бы вам сказать, но после этого...

— Вам пришлось бы меня убить, — закончил Уальдо повисшую фразу.

— И вашу семью тоже, — добавил Оранж с непроницаемым лицом.

Инстинктивная неприязнь Уальдо к шотландцу вспыхнула еще ярче.

— Грубить не обязательно. У нас есть установленные правила, и все тут. Можете подождать в вестибюле отеля, если угодно, но вступать в контакт в подозреваемыми вы не имеете права. В конце концов, на данный момент мы располагаем только вашим утверждением, что эти двое задержанных в чем-то виновны.

Улыбка Оранжа не дрогнула.

— Что ж, превосходно. К сожалению, я сейчас не в настроении сидеть и ждать. Кроме того, как вы сами указали, вы старше меня по положению только в пределах номера, а я нахожусь снаружи. Так что я предпочту выпить еще чашечку отличного кофе в каком-нибудь заведении по соседству и вернуться позже, когда к общему веселью присоединится ваша большая полицейская шишка.

Внезапно Оранж умолк, и его глаза радостно вспыхнули.

— Может ли такое быть? — воскликнул он без куда-то вдруг подевавшегося шотландского акцента. — Готов поклясться, что так и есть!

Уальдо невольно заинтересовался:

— Что такое? О чем вы?

Оранж пристально вглядывался вглубь номера через плечо его зрителя.

— Разрази меня гром, если я не бывал здесь раньше.

— Думаю, вы ошибаетесь, — заявил Уальдо самым снисходительным тоном, на какой был способен. — Я веду регистрацию всех до единого людей, когда-либо переступавших порог этого номера за последние двадцать лет, и вас в списке нет.

Оранж так радовался, что буквально был готов хлопать в ладоши.

— Это было много лет назад, Уальдо. Очень много. Если память мне не изменяет, в те дни у одного здешнего жильца случились серьезные неприятности.

— Захватывающая история, в самом деле. Однако если вы не собираетесь входить, вам лучше удалиться. Соображения безопасности и все прочее.

Оранж снял шляпу, обнажив шевелюру, которая в зависимости от наклона головы казалась то черной, то седой.

— И все прочее, ясно, Уальдо. Значит, хлебну кофе и вернусь. Караульте меня, ладно?

Попытки к прощальному рукопожатию никто не сделал. Когда дверь закрылась, Уальдо прошел к охранному пульту и проследил за сигналами с разных камер слежения, наблюдая, как Оранж удаляется вдоль Монмут-стрит.

— Я буду караулить тебя, агент Оранж, — процедил он сквозь зубы. — Хлебай себе свой кофе, а я буду следить за тобой, как ястреб.

Уальдо положил руку на свое округлое брюшко — результат злоупотребления жареными камберлендскими колбасками и полночным горячим шоколадом с кремом шантильи.

«Что это со мной?» — думал он, стараясь связать свои эмоции с бурлением кислоты в желудке.

И впервые за двадцать лет Уальдо Ганн осознал, что не чувствует себя в безопасности в своей собственной крепости.

«Не валяй дурака, — велел он сам себе. — Оранж просто неприятный и неудобный тип, вот и все. Он не опасен».

Однако подсознание Уальдо Ганна упорно пыталось сообщить ему что-то важное, и упитанному коротышке-агенту стоило бы его послушать.

Гаррик проигнорировал кофейню и незаметно проскочил по задней подъездной аллее «Гарден-Отеля», благословляя свою счастливую судьбу за то, что прежде ему уже доводилось пробираться в это здание.

Он обнаружил, что может прокручивать свои воспоминания, как запись на киноленте, и рассматривать каждый кадр так же четко, как в реальности, включая цвета и запахи.

Он хорошо помнил этот дом. В его времена на первом этаже помещалась процветающая лавка сапожного мастера с латунной доской в витрине, утверждавшей, что их постоянным покупателем был сам Чарльз Диккенс. Правда это или нет, сказать было сложно, потому как великий писатель к тому времени уже лет десять как сошел в могилу.

Этажом выше сапожника проживал некий скользкий тип со странным именем Биллтонг... или нет, Биллтоу, вот как. Этот самый Джордж Биллтоу расплатился кое с кем пачкой поддельных фунтовых банкнот на конской ярмарке в Барнете, чем вызвал негодование местной преступной шайки, которой не понравилось, что кто-то пасется на ее поле, не спрашивая разрешения и не платя за лицензию. Гнев шайки вылился в форму контракта с Альбертом Гарриком.

«Мсть явилась с небес, — размышлял Гаррик. — Подобно тому, как я явился через каминную трубу».

До Джорджа Биллтоу дошли слухи, что по его следу направили наемного убийцу, и он стал вести себя предельно осторожно, забаррикадировавшись в квартире на самом верху и осуществляя все общение с внешним миром с помощью нанятого уличного мальчишки. Гаррику пришлось применить все свое акробатическое умение, чтобы протиснуться в его убежище по каминной трубе.

Гаррик улыбнулся своим воспоминаниям. Той ночью он поднял Биллтоу с постели, прежде чем перерезать ему глотку — просто для того, чтобы жертва осознала, что все ее ухищрения ни к чему не привели.

«Счастливые деньки. Они с Райли тогда здорово посмеялись над непредусмотрительностью жадного фальшивомонетчика».

Гаррик с наслаждением прокрутил в памяти все дело, вплоть до финальной потрясенной мольбы Биллтоу о пощаде непосредственно перед тем, как он полоснул его бритвой прямо поперек кадыка.

Фокусник все еще продолжал улыбаться, взбираясь по пожарной лестнице отеля до четвертого этажа, неслышно, как тень, ступая по гулким чугунным ступенькам. Верхняя из них располагалась на восемь футов ниже края плоской, крытой медью крыши, достаточно широкого, чтобы человек с задатками Гаррика мог свободно за него ухватиться. Положившись на силу собственных пальцев, он оттолкнулся от перил, рванулся вверх, ухватился за холодный медный бортик и тут же подтянулся всем телом. Выбравшись

на ровную поверхность крыши, он побежал по тусклому медному покрытию, пригнувшись, чтобы не привлекать любопытных взглядов возможных любителей подглядывать из-за занавесок. Держа туловище почти горизонтально, он торопливо двигался вперед, и острый нос Смарта рассекал ночной воздух, как клюв орла.

«Вот она, жизнь чемпионов, — думал Альберт Гаррик. — Свежий ветерок с Темзы, сверхъестественная квантовая мощь и комната, битком набитая боевиками-янки, чтобы испытать мои новые способности. Магия воистину реальна, и заключена она во мне самом».

Каминная труба оказалась именно там, где он помнил. Столб из скрепленных крошащимся известковым раствором красных и желтых кирпичей, возможно, немного обветшавший от старости и непогоды, но в целом мало изменившийся. Даже в те времена, когда здесь обитал Биллтоу, эта труба уже не использовалась по назначению. Ее заделали снизу рядом треснувших глиняных горшков, сквозь которые дым не просачивался уже лет десять. Гаррик тогда смел эти горшки одним размашистым ударом и вышиб замковый камень печного свода.

«Даже заштукатурить не потрудились, — подумал он почти с разочарованием. — И эти федералы считают себя лучшими из лучших».

Жерло дымохода уходило вниз, заполняясь непроницаемой тьмой. Вместо приятного запаха сажи, который напомнил бы Гаррику о доме, из этой тьмы веяло только кисловатой сыростью да ощущением бесконеч-

ной глубины. Фокусник легко перебросил ноги в просвет трубы и уселся на край дымохода, вглядываясь вниз.

«Он и впрямь такой узкий, каким я его помню».

Ширина плеч Гаррика едва ли позволила бы ему протиснуться в просвет трубы, даже по диагонали.

«Когда я последний раз спускался в эту трубу, это заняло некоторое время и потребовало изрядных усилий, — подумал Гаррик. — Но сейчас все будет иначе».

Воспользовавшись новыми квантовыми способностями, Гаррик приказал связкам плечевого сустава расслабиться, так чтобы головка плечевой кости вышла из суставной впадины.

«Никакой боли, — скомандовал он нейронам. — Мне нужна ясная голова, а в прошлый раз, когда я лез через эту трубу, я скрежетал зубами от муки».

Гаррик от рождения был немного близорук, зато обладал превосходным ночным зрением. Этот свой дар он объяснял припарками из вареных овощей, которые прикладывал на ночь к векам дважды в неделю, а потом съедал поутру вместе с завтраком.

«Но даже в этом случае, — рассуждал он, спускаясь на здоровой руке в проем дымохода, — не будет вреда, если я приоткрою свои зрачки чуть шире, чтобы улавливать рассеянный свет».

Гаррик ухмыльнулся, и его зубы блеснули во мраке, как лимонные леденцы.

«Рассеянный свет? Смарт, дружище, уж не знаю, как и благодарить тебя за то, что ты так заботливо передаешь мне свои разносторонние знания».

Зрачки Гаррика начали расширяться, пока не проглотили всю радужку. Теперь он мог видеть даже черных пауков, прячущихся в щелях закопченного дымохода темной ночью.

«Вот в чем заключается настоящая магия, — подумал он. — Открытость сознания».

Гаррик уперся коленями в стены дымохода, перенося на них вес тела, и начал спускаться во тьму, как демон, сходящий в ад.

Сидя в ванной комнате конспиративной квартиры ФБР, Райли задавался вопросом: не одолевают ли его галлюцинации из-за падения и удара головой. А может, он страдает какой-то тяжелой душевной болезнью, которая могла развиться у него из-за жизни, полной нескончаемых истязаний.

«Я ничего не чувствую. Даже мой страх потускнел и угас. Может статься, я уже нахожусь в какой-нибудь лечебнице для умалишенных и мои руки скручены смирительной рубашкой».

Однако футуристические фантазии, которые предположительно являлись порождением его больного мозга, были исполнены на редкость реалистичных подробностей. Скажем, мисс Савано он видел куда отчетливее, чем любого из тех, за кем ему приходилось шпионить. Он замечал капельки пота у нее над бровями, когда она билась над путами, стянувшими ее запястья. Он слышал, как она скрипит зубами от отчаяния, и видел, как напрягаются мышцы на ее длинной шее.

— Высматриваешь что-то особенное? — спросила вдруг Шеви.

Райли уже начал что-то бормотать, отпираясь, но Шеви его перебила.

— Хочешь услышать кое-что ироничное, малыш?

— Да, мисс. Само собой.

Она снова подергала наручники, которые держали ее руки привязанными к трубе унитаза.

— Так вот, я нахожу массу иронии в том, что сейчас я охотно посетила бы туалет.

Райли постарался сдержать улыбку.

— И вы называете это иронией потому, что привязаны к сосуду в уборной и при этом не можете им воспользоваться?

— Совершенно верно.

— Спасибо, Шеви. Я часто встречал слово «ирония» в книгах, но никогда толком не понимал, что же оно означает.

— Служить и защищать — мой девиз, — отозвалась Шеви. — Правда, кажется, с защитой у меня не очень получилось.

— Вам просто не повезло, что вы столкнулись с Альбертом Гарриком. Из всех негодяев, которых вы могли выкопать в прошлом, он самый худший, точно вам говорю.

— Знаешь, Райли, он тем не менее всего лишь человек. Что бы ты о нем ни думал.

Райли сполз пониже, съеживаясь.

— Нет. Бывают люди, которые в чем-то превосходят обычное человеческое существо. Гаррик и раньше был из таких, а теперь и подавно. Путешествие из прошлого в будущее наделило его особыми дарованиями, клянусь.

«Дарования, — подумала Шеви. — Или мутации».

— Такого, как Гаррик, вы точно никогда раньше не встречали, — продолжал Райли. — Да и я тоже.

— Тебя послушать, так он прямо Джек Потрошитель какой-то.

От этого небрежного замечания кровь отхлынула от лица Райли, словно воспоминания ударили по нему тяжким молотом. Он оцепенело умолк, а Шеви тем временем перенесла внимание на то, что происходило в соседней комнате. Последние пятнадцать минут из нее доносились исключительно звуки, типичные для ситуации «агенты на скучном дежурстве»: едкие замечания, грубый хохот, урчание кофеварки и почти непрекращающееся журчание слива во второй уборной.

— Эй! — позвала она. — Уальдо! Дафф! Не хотите открыть нам дверь? А то мы тут немного страдаем от недостатка внимания.

Вместо ответа кто-то включил телевизор погромче, и дверь ванной задрожала от оглушительных басов какой-то попсы.

— Ненавижу этих типов, — проворчала Шеви. — Ну ничего. Я буду работать изо всех сил, дослужусь до большого начальника и уволю их всех до единого.

Тут она заметила потрясенное выражение на лице Райли.

— Эй, малыш, ты в порядке? Райли?

Взгляд Райли постепенно сделался более осмысленным.

— Гаррик однажды рассказал мне историю о старине Кожаном Фартуке, Джеке Потрошителе. И даже разыграл всю сцену в нашем жилище.

— Только не говори мне, что Гаррик и есть Джек Потрошитель.

Райли резко отшатнулся, как будто его наставник мог услышать брошенное обвинение.

— Нет, мисс, что вы. Конечно, нет. Гаррик ненавидел Джека Потрошителя.

Продолжая прислушиваться одним ухом к звукам, доносящимся извне, вторым Шеви приготовилась внимать рассказу Райли.

— Он ненавидел Потрошителя? А разве эти ребята не два сапога пара?

Райли сел прямее, насколько ему позволяли наручники.

— Нет. Вовсе нет. Гаррик никогда бы не пошел на то, что вытворял старина Джек. Он заигрывал с полицейскими, и с газетчиками тоже. Посылал им всякие записки и прочее. Дал сам себе прозвище. Гаррик всегда гордился тем, что делает свое дело незаметно, как призрак, а тот убивал напоказ, разбрасывая сердца и почки по всему Уайтчепелу.

Вперив перед собой остекленевший взгляд, Райли погрузился в воспоминания.

— Потрошитель заявил о себе еще до того, как Гаррик взял меня в ученики, но это дело на много лет превратилось для него в навязчивую идею. Я старался держаться от него подальше, когда в газетах появлялась очередная история о Джеке. Пока однажды Гаррик не вернулся домой на рассвете, когда солнце едва показалось между городскими шпилями. Он мягко потряс меня за плечо, как будто мы и впрямь были семьей... прикосновение было такое нежное, что мне

сквозь сон почудилось, будто это пришел мой собственный папа, и я сказал: «Отец?»

Райли прервался, чтобы сплунуть в отверстие слива.

— Мне тогда было едва восемь лет от роду, и я мало что понимал, но это слово действовало на Гаррика прямо как волшебное. Он разулыбался, прямо как Чеширский кот.

«Полагаю, так и есть, — сказал он. — Я за тебя отвечаю».

— Тут уж я полностью проснулся и перепугался не на шутку. Гаррик был с ног до головы залит кровью, как будто провел всю ночь на бойне. Даже зубы у него были красные. Должно быть, он увидел, как я испугался, потому что сказал: «Не тревожься, сынок. Это не моя кровь. Но Джек больше никого и никогда потрошить не будет».

— Не сразу, но я все понял. «Вы убили Кожаного Фартука? Самого Джека Потрошителя? Но он же исчадие ада», — сказал я тогда.

— От этих моих слов Гаррик расхохотался. «Теперь он и впрямь в аду, — сказал он. — Его душа уж точно. А его тело покоится среди гниющих трупов обычного сброда, которыми забито илистое дно Темзы».

— Я знал, что Гаррик не любит, когда его расспрашивают о его делах, но один вопрос вырвался у меня прежде, чем я успел спохватиться: «Как же вы отыскали этого демона, сэр?» Но он не рассердился — наоборот, и сам был не прочь рассказать.

— Ага, — сказал он с довольным видом, постучав себя пальцем по лбу. С помощью самого могуществен-

ного оружия, доступного человеку — разума. Джек — человек привычки, и в этом и была его гибель. Первых пятерых девушек он убил в припадке безумия, но потом немного успокоился и стал использовать луну в качестве часов. Вот уже три года каждое полнолуние я патрулировал Уайтчепел и Спиталфилдс, пока наконец он не объявился возле паба «Тен Беллз». — Тут Гаррик усмехнулся. — Трудно поверить, но этот так называемый гений решил снять еще одну девку из «Беллз». Я сразу же его заметил, этакий франт в костюме джентльмена, и весь на взводе от возбуждения.

— Тут Гаррик наклонился надо мной. Я помню, как мне на лоб упала капля крови, и я подумал тогда: это кровь Кожаного Фартука.

История так захватила Шеви, что она не двинулась бы с места, даже если бы наручники по волшебству испарились с ее запястий.

— Я позволил ему снять девку, просто чтобы удостовериться, — рассказывал Гаррик. — И проследил за ним, перебегая по крышам, до самого Бакс Роу. Мне было слышно, как они болтают и шутят насчет Полли Николс, с которой расправились на этом самом месте. У старины Джека был очень женский, визгливый смех. Небось этим он перед газетчиками не хвастался. И все это время я нависал над ним с моей любимой чинкуэдой, надежно зачерненной, чтобы клинок не блестел, и готовой испить крови. Тут он показал мне свой кинжал. Тот еще не был отмыт, и кровь запеклась на нем толстой коркой.

Если бы Шеви не была так поглощена рассказом, она бы обратила внимание, что, хотя из комнаты по-

прежнему доносился шум, шуточки агентов смолкли, зато прибавился гулкий стук, который никак не подходил на ритмичный долбеж популярной музыки из телевизора.

— Как только он вытащил свой собственный нож, обычный хирургический скальпель, я метнулся сверху и распорол его от шеи до паха. Чистый получился разрез, прямо как в анатомическом театре. И он повалился на землю, как самый обычный тюфяк — никакой особой силы, никаких примечательных последних слов. Девка, конечно, преисполнилась благодарности и упала на колени, величая меня «ваша милость». Знаю, мой мальчик, мне следовало убить и ее тоже. Но на улице было темно, а лицо у меня было вымазано сажей, так что я просто сказал ей: «Передай своим подружкам, что Лондон наконец избавился от Кровавого Джека», и позволил убежать домой. Тут я, конечно, дал слабинку, но в тот момент я был настроен к миру весьма дружелюбно. И вдруг — что такое? Слабый стон с мостовой. Малыш Джеки все еще дышал. Ну, да это ненадолго, сказал я себе и принялся за работу. Прежде чем испустить дух, Джек успел сознаться в девятнадцати убийствах, и даже с некоторым блеском в глазах. «Девятнадцать?» — переспросил я. — Только в этом году их было уже два». И после этого его сердце встало.

Райли судорожно вздохнул.

— Тогда-то я и понял, что Альберт Гаррик — сущий дьявол.

Дверь ванной внезапно содрогнулась, как будто об нее с силой шмякнулось чье-то тело. Грохот заставил

Райли очнуться. От следующего удара дверь сорвало с петель, и она рухнула внутрь ванной, придавленная бесчувственной тушей агента Даффа.

В проеме показалась темная фигура, тут же легко проскользнувшая в ванную.

— Оранж? — окликнула Шеви и тут же поняла, что, хотя появившийся человек имел отдаленное сходство с агентом ФБР, это был не он.

Райли глянул в жестокие, мертвые глаза пришельца.

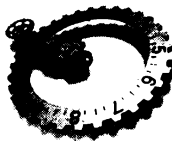
— Нет. Это мой наставник. Теперь вы понимаете?

Альберт Гаррик, рисуясь, встал перед Шеви и отвесил ей глубокий поклон.

— Альберт Гаррик, иллюзионист из Вест-Энда и наемный убийца по совместительству, к вашим услугам, юная леди. Спустился по каминной трубе, чтобы лично вам представиться.

Когда он кланялся, капля чьей-то чужой крови сорвалась с его носа, попав Шеви на лоб, и ее до самого сердца пронзил ужас, который она едва сумела сдержать.

— Теперь я понимаю, — сказала она.

Викториана

Лондон. 1898

Альберт Гаррик ходил в учениках у Великого Ломбарди более десяти лет, и за это время маленький итальянец сделался для осиротевшего мальчика кем-то вроде второго отца. Но юный Альберт никогда не забывал своего истинного родителя, который пошел ради него на убийство, и прошло много лет, прежде чем его отпустили ночные кошмары об эпидемии холеры в Олд-Найчоле, так что он перестал со страхом высматривать пятна сухой кожи у себя на локтях или вглядываться в зеркало, пытаясь понять, не запали ли у него глаза.

Ломбарди заставлял его много работать, но не свирепствовал сверх меры и ни разу не ударил его, разве только парень и в самом деле заслуживал наказания. Они изъездили вдоль и поперек всю Англию, выступая в разных театрах, а однажды даже переправились на пароме из Дувра в Булонь и далее отправились в Париж с летними гастрольями «Итальянского театра», где интермедии Ломбарди были вплетены

в уличные сценки из оперы Верди. Ломбарди каждый вечер рыдал от восторга за кулисами до последнего акта и частенько повторял юному Альберту, что считает работу с Верди коронным завершением своей сценической карьеры.

«Всю свою жизнь я провел в поисках истинной магии, — сказал он несколько лет спустя, умирая от чахотки в их каморке в Ньюкасле-апон-Тайн. — И я нашел ее в музыке Верди, этого величайшего из итальянцев. Dio lo benedica¹».

Той же ночью Ломбарди скончался, вынудив своего ученика выйти вечером на подмостки вместо него. Тот вечер не принес ему всемирного успеха, однако большинство голубей выжило, что в итоге поощрило юного Альберта взять себе сценическое имя Ломбарди и продолжить дело своего наставника.

Гаррик унаследовал не только ангажемент учителя, но и его ассистентку. Сабина была самым экзотическим и прекрасным существом, которое Альберту довелось видеть, и он был влюблен в нее с того самого дня, когда впервые увидел, раскрыв рот, как она выходит живой и невредимой из стилизованного под египетский саркофаг ящика, распиленного Ломбарди надвое.

«Гарден-Отель». Монмут-стрит. Лондон. Сейчас

И теперь, в «Гарден-Отеле», едва взглянув на Шеврон Савано, Гаррик вдруг ощутил отголосок своей страстной юношеской любви.

¹ Благослови его Бог (итал.).

«Как она похожа на Сабину», — думал Гаррик, не сводя глаз с девушки.

Взяв Шеви рукой за подбородок, он слегка откинул ее голову назад. «Просто поразительное сходство».

Но другая часть его мозга вмешалась: «Это лишь преходящее впечатление, ничего больше». И все же Гаррик был потрясен. Его решимость перерезать девчонке горло тут же испарилась, как утренний туман.

«Что со мной творится?»

Гаррик еще раз поклонился Шеви.

— Прошу прощения, мисс Савано. Мне нужно немного собраться с мыслями.

Гаррик выскочил из ванной и направился прямоком в мини-кухню, где стоял широкий и приземистый холодильник в американском стиле. Он решительно распахнул дверцу, и внутри, вместо полок с холодными закусками и напитками, обнаружил агента Уальдо Ганна, сидевшего скрючившись за пуленепробиваемым стеклом.

Из опыта Оранжа Гаррик знал, что этот фальшивый холодильник в действительности представлял собой индивидуальную спасательную камеру, защищенную не хуже, чем президентский бункер в подвале Белого дома.

Уальдо за стеклом трясся так, будто и в самом деле оказался в холодильнике, и дрожащими пальцами набирал номера на своем телефоне.

— Эта камера не числится в системе, верно, Уальдо? — сказал Гаррик. — Я вижу, вы хорошо позаботились о своей безопасности.

Он хлопнул дверцей с такой силой, что она отскочила и снова распахнулась. Тот факт, что Уальдо удалось спасти свою шкуру, вынуждало Гаррика уносить отсюда ноги быстрее, чем он рассчитывал. Теперь ФБР знает о его существовании и скоро начнет — как это у них называется? — погоню по горячим следам. Пожалуй, этот век стал для него небезопасным местом. Пора отправляться домой. «И никаких больше глупых чувств! — сказал он себе. — С ними покончено. Убей ее. Она слаба и беспомощна. Одного удара ножом в трахею будет более чем достаточно. Звук, конечно, при этом получается отвратительный, но ничего не поделаешь — слишком поздно, чтобы позволить угрызениям совести встать у меня на пути».

Гаррик на мгновение застыл на месте.

«Угрызения совести? Но у меня не бывает никаких угрызений».

И тут, в озарении самоанализа, ему все стало ясно.

«Это во мне говорит совесть Смарта. Он был равнодушен к Савано, и его чувства воздействуют на мои нейроны, усиливая ощущение ложного сходства этой девчонки с Сабиной. Она такая же реинкарнация Сабины, как и Ее Величества королевы Виктории. Я убью ее и избавлюсь от врага».

Гаррик запасся оружием из арсенала ФБР, включая выкидной нож Даффа, который вышиб из его руки во время короткой схватки.

«Какая прелесть, — подумал Гаррик. — Качество оружия заметно возросло. Убивать в этом веке стало намного проще».

Чрезвычайно довольный этим обстоятельством, он направился в ванную с намерением немедленно заняться своей жуткой работой.

Шеви поддела ступней подбородок валяющегося без сознания агента Даффа и пыталась подтянуть его к себе, когда в дверном проеме возникла фигура Гаррика.

— Очень находчиво, агент. Вдруг у этого человека есть при себе что-нибудь острое? Никогда не знаешь, а? Шеви воинственно уставилась на убийцу:

— Это вы убили их всех? Смарта, и его команду, и всех этих федералов снаружи?

Гаррик крутанул в руке нож.

— Не всех, — ответил он, кивнув на Даффа. — Пока еще.

Шеви убрала ногу, надеясь, что гибель минует хотя бы Даффа.

— Райли был прав насчет вас.

— О? — заинтересовался Гаррик, решив выслушать эту девицу, прежде чем заставить ее замолкнуть навеки. — И что же наговорил про меня мой сбившийся с пути ученик?

— Он сказал, что вас ничто не может остановить. Что вы пройдете через ад и рай, чтобы найти его.

Гаррик игриво взъерошил ладонью волосы Райли, и мальчик с трудом удержался, чтобы не отдернуть голову от этого прикосновения.

— Время и пространство, если быть точным, — сказал Гаррик. — И из этого путешествия прихватил кое-какие полезные знания и умения.

Произнося эти слова, Гаррик встал на колени и упер острие выкидного ножа в грудь Даффа.

— Но еще задолго до этой замечательной прогулки я усвоил важнейшее правило: никогда не оставлять свидетелей. Если только, конечно, я вдруг не решу посвятить себя добрым делам.

— Позвольте мне сделать это, наставник, — выпалил вдруг Райли. — Чтобы загладить свою вину за все свои ошибки и хлопоты, которые я вам доставил.

Гаррик был тронут, хотя по-прежнему насторожен.

— Ты что, решил наконец взяться за ум? Прямо сейчас?

— Ваш путь — единственный, — сказал Райли. — Сейчас я это понял. Для меня пришло время выбрать свою судьбу. И заставить фортуна быть на моей стороне.

Гаррик задумчиво постучал себя лезвием по подбородку, а затем наклонился, чтобы перерезать наручники Райли.

— Но учти, Райли, я сейчас не в настроении терпеть всякие глупости или колебания. Прикончи его побыстрее, и я буду считать тебя молодцом. В противном случае я поступлю с тобой как с врагом.

Райли принял протянутый нож.

— Я благодарен вам за этот шанс, наставник. Вы можете положиться на меня.

Шеви могла только надеяться, что раскаяние Райли притворно. Потому что если он и в самом деле готов пойти на что угодно, лишь бы сохранить себе жизнь, ему придется убить их обоих — и Даффа, и ее. В любом случае разумно было изобразить возмущение.

— Не делай этого, малыш, — предупредила она. — Если ты убьешь федерала, тебя из-под земли достанут. Тебе нигде не скрыться.

Гаррик лукаво ухмыльнулся,

— Неужели? А по-моему, есть одно надежное место, агент. Или, правильное сказать, время?

Райли сжал рукоять ножа в кулаке и сделал такой молниеносный выпад, что даже Гаррик изумленно приподнял брови. Крутанув нож в ладони, он с безошибочной точностью нанес удар ровно между третьим и четвертым ребром Даффа, прямо напротив сердца. На месте удара на рубашке агента алым маком расцвело кровавое пятно, которое стало быстро расплываться.

— Вот, — сказал Райли чуть дрогнувшим голосом, — готово. И ничего в этом нет трудного. Вторую мне тоже прикончить? Прах к праху, как вы всегда говорите, наставник.

— Убийца! — закричала Шеви, пытаясь пнуть Райли ногой, но Гаррик ловко блокировал ее удар ладонью.

— Молодец, мальчик, отличился. Очень чистый укол. Клинок прошел прямо как горячая кочерга сквозь снег.

— Теперь девушку, наставник?

— Нет, — сказал Гаррик, отбирая у мальчика нож. — Хотя этот удар повязал тебя со мной кровью, с этим делом я должен управиться сам.

Жесткими, как стальные щипцы, пальцами Гаррик ухватил Шеви за подбородок, запрокинул ей голову, аккуратно снял с шеи пульт и приставил лезвие к горлу девушки.

Шеви вздрогнула, и в это мгновение вся ее жизнь пронеслась у нее перед глазами — именно так, как обычно говорят в фильмах.

Она увидела лицо школьного учителя, доброе и встревоженное, когда он вытаскивал ее из зарослей колючек во время похода в каньон Топанга. Она увидела, как ее отец поддает газу на мотоцикле на крутом повороте Тихоокеанского шоссе — теперь-то она знала, что он уже никогда не вернется из этой поездки, потому что его топливный бак взорвался, когда он проносился через Венис-Бич. И еще она увидела свою подругу Никки, оседлавшую огромную волну на Кросс-Крик-Бич, увидела, как она тянется руками к небу, словно хочет ухватиться за облако.

Яркие картины прошлого поблекли, а Шеви с удивлением обнаружила, что все еще жива. Гаррик нависал над ней, сгорбив спину, и мышцы в углах его рта подрагивали, искажая лицо мучительной гримасой. Лицо человека, сражающегося со своими демонами.

«Ты должен одержать верх, Альберт Гаррик, — думал он. — Ты и только ты хозяин своему разуму».

Шеви замерла, боясь сделать вдох. Малейшее движение — и ее нежное горло натолкнулось бы на острое, как бритва, лезвие.

«Сделай же это, — велел себе Гаррик. — Всего один разрез. Прах к праху».

Райли увидел возможность сыграть на нерешительности Гаррика.

— Наставник, оставьте вы эту девчонку. Вы ведь явились сюда за мной. Отпустите ее, и пойдемте отсюда.

Гаррик обернулся к мальчику, нацелив острие ножа в его глаз.

— Это ты верно сказал, парень. Я явился за тобой, и ты доказал, что стоишь этого. А теперь сделай кое-что полезное и проверь, не бьется ли сердце у кого-нибудь из тех джентльменов.

Райли нерешительно покосился на дверь.

— Нам еще нужно как-то выпутаться из этой истории, наставник. Может, нам бы пригодился заложник?

Гаррик ухватился за эту идею, как дающую ему законное основание не убивать девушку прямо сейчас.

— Возможно, заложник нам действительно пригодится. Однако я опасаюсь, как бы она не начала ерепениться, когда увидит подходящую возможность.

— Я ручаюсь за нее, — сказал Райли.

— Ты понимаешь, что говоришь? — холодно спросил Гаррик. — Ты готов расплачиваться за ее преступления? Принять на себя ее наказание? А ведь ты и сам все еще топчешься на самом краешке бездны после своей попытки сбежать от меня, даже после сегодняшнего весьма успешного убийства. Я не намерен больше допускать даже и намека на неповиновение.

— Я понял, наставник. Но, может быть, она сможет помочь нам.

Гаррик прищурил один глаз, уставившись вторым в лицо мальчику.

— Нам, ты сказал? Значит, теперь ты говоришь о нас?

Райли ожидал решения наставника, затаив дыхание. Он знал, что Гаррик мог бы без колебаний убить Шеви просто для того, чтобы придать большую до-

ходчивость своим доводам, но что-то удерживало его от этого шага.

«Я был прав, Гаррик изменился, — думал Райли. — Его осанка, его мускулатура. Даже голос у него стал какой-то другой».

— Что ж, прекрасно, — произнес Гаррик после мучительной паузы. — Прихватим девчонку с собой. Но если она попытается предать меня... вы оба за это заплатите.

Райли постарался скрыть вздох облегчения. Как хорошо, что Шеви останется в живых! Даже если сама она убьет его при первой возможности.

Гаррик глянул на нее сверху.

— Девочка, твои мысли прозрачны для меня, как витрины в «Фортнум-энд-Мэйсон»¹. Ты сейчас думаешь, что пока ты жива, всегда остается надежда на побег. — Гаррик наклонился к ней и медленно очертил линию ее брови острием ножа. — Оставь всякую надежду, — прошептал он. — Потому что надежда оставила тебя.

Шеви сразу ему поверила. И мальчик тоже.

Заполучив Райли обратно, Гаррик неимоверно оживился. Теперь у него снова была аудитория, причем даже увеличившаяся в два раза.

— Число зрительских мест выросло на сто процентов, — прокомментировал он, обращаясь к Райли, когда они катили в такси в сторону Бэдфорд-сквер. — Должно получиться отличное шоу.

¹ Знаменитая бакалея на улице Пиккадилли в Лондоне.

Шеви и Райли сидели напротив него на откидных сиденьях. Шеви подавленно молчала, вспоминая, как ей пришлось перешагивать через полдюжины трупов в гостиничном номере.

«Пусть Дафф был ничтожеством, — думала она. — Но он все-таки был человеком».

Шеви никогда еще не приходилось видеть столько смертей, и она была шокирована ими сильнее, чем ожидала от себя в боевой обстановке. Единственным ее утешением был Уальдо, целый и невредимый в своем убежище.

«По крайней мере, хоть Уальдо знает, что я не убийца».

Но этот ободряющий факт не мог исцелить от удара, потрясшего ее душу.

Райли, со своей стороны, прожил всю жизнь в Лондоне времен королевы Виктории, когда убийства случались реже, но жизнь ценилась куда дешевле. Многие дети из бедных семей умирали при рождении; если же им удавалось пережить младенчество, холера, оспа, скарлатина и коклюш оставляли им не так уж много шансов дотянуть хотя бы до пяти лет. Райли случалось сталкиваться с работой Мрачного Жнеца столько раз, что он бы сбился со счета.

«Жизнь и смерть — два конца одного и того же пути, — сказал ему как-то Гаррик. — Нечему радоваться, не о чем скорбеть».

И Райли велел себе сохранять бдительность и осторожность, иначе ему и мисс Савано придется слишком рано добрать до конца своего собственного пути.

«Однажды я позволю себе оплакать все души, которые загубил Альберт Гаррик, — подумал он. — Но не сегодня. Сегодняшний день будет отдан борьбе».

Было раннее утро, и пустынные улицы оживляли только самые стойкие из припозднившихся ночных кутил и уборщики из городских служб, сновавшие по Тоттенхем-Корт-Роуд под присмотром расхаживающих парами дежурных полицейских. Уборочные машины шелестели по мостовым круговыми щетками, окатывая прохожих брызгами грязной воды, в витринах магазинов электроники служащие включали тысячи телевизоров и компьютерных мониторов.

— Какая чудесная теплая погода, — заметил Гаррик, убирая сложенный нож в нагрудный карман, чтобы Шеви не забывала, что он всегда наготове и способен на многое. — Какое сейчас время года?

— Лето, — угрюмо буркнула Шеви.

Гаррик вздохнул, и его черты начали расплываться, как тающее масло, пока его лицо снова не стало его собственным.

«Лицо бухгалтера, — подумала Шеви. — Или учителя географии. Никак не безжалостного убийцы».

Гаррик игриво ущипнул Райли за плечо.

— Ах... лето в Лондоне без терзающего ноздри запаха помоев, и мы наконец-то полноценные партнеры. Что может быть лучше? Даже немного жаль, что нам приходится отправляться домой, верно, мальчик?

— А почему вы хотите вернуться? — спросила Шеви.

Гаррик потеревбил пульт на своей шее.

— Несмотря на мои новообретенные исключительные способности, этот мир нов для меня. Здесь я в невыгодном положении, и к тому же меня преследуют. Когда же я вернусь в свое собственное время, весь Лондон будет у моих ног. Только представьте себе, чего я смогу достичь с моими знаниями о будущем? Если взять только сферу оружия, мне и то по силам полностью изменить мир.

— Психопат, мечтающий поработить всю планету. Как оригинально.

Райли коротко выдохнул, ожидая мгновенного наказания за столь непочтительное замечание, но, к его удивлению, наставник как будто даже наслаждался перепалкой.

Гаррик хлопнул себя по бедру.

— Честное слово, Шеврон, с вами не соскучишься. Ставки против вас выше, чем Лондонский Тауэр, а вам все еще хватает смелости дерзить. Неудивительно, что Феликс был к вам равнодушен.

Шеви поперхнулась.

— Феликс? Равнодушен ко мне? Ерунда. Вас дезинформировали.

— Феликс и я, знаете ли... очень сблизились перед тем, как он умер, — туманно выразился Гаррик. — Феликс положительно был влюблен в вас, хотя сам толком этого не понимал.

— Ага, значит, он не понимал, а вы понимаете?

Гаррик прикрыл самодовольную улыбку ладонью.

— В какой-то мере так и есть.

Однако улыбка фокусника испарилась, как только они завернули за угол на Бэдфорд-сквер, откуда

стал виден дом на Бэйли-стрит. Ограда у дома была перетянута крест-накрест желтой полицейской лентой, а перед входом толпились агенты ФБР в синих куртках бок о бок с сотрудниками городской полиции, держащими наперевес автоматы. Судя по всему, Уальдо направил часть оперативных сил ФБР на Бэдфорд-сквер и к тому же поднял на ноги местную полицию.

— Лучше бы мы шли пешком, — сказала Шеви. — Тогда оказались бы на месте быстрее.

Гаррик прикусил костяшки пальцев.

— Помолчи, девчонка. Не вынуждай меня совершать убийство ради минуты тишины.

Гаррик вперил взгляд в толпу вооруженных до зубов служителей закона.

«Даже человек моих талантов и опыта едва ли может одолеть всю полицию сразу, — заключил он, — особенно если она вооружена автоматами. Хотя, согласно соображениям Смарта, полицейские слишком уж связаны требованиями конституции. Кажется, теперь они даже не имеют права сбрасывать в Темзу уличных бродяг. Но даже в этом случае они без колебаний пристрелят убийцу, предпринявшего попытку проникнуть в охраняемое здание».

Пока Гаррик размышлял, Райли рискнул бросить взгляд на Шеви. Губы у нее были сжаты, а мышцы напряжены, хотя внешне она старалась казаться расслабленной. Райли стало ясно, что она собирается использовать шанс на спасение, попытавшись напасть на Гаррика в тесном пространстве автомобиля.

«Она уверена, что я на его стороне, — подумал он. — А я не могу разубедить ее, не вызвав подозрений у Гаррика».

Гаррик, судя по всему, тоже раскусил намерения Шеви и ткнул пальцем в Райли:

— Райли, скажи нашей новой приятельнице, чтобы она пересмотрела свои ближайшие планы. Если она предпримет хоть какие-то агрессивные действия, я выпотрошу ее прежде, чем она успеет отстегнуть ремень безопасности, и назло ей прикончу еще и таксиста.

К счастью, таксиста отделял от салона лист стеклопластика, так что он не догадывался, что его жизнь стала предметом торга.

— Прибыли, приятель, — сказал тот, обернувшись через плечо. — Вот она, Бэйли-стрит. Тут можно встретить полно всяких знаменитостей. Вон тот особняк на углу ушел в прошлом месяце за сорок миллионов фунтов. Никакой кризис эти особняки не берет, все дорожают и дорожают. Это я вам от чистого сердца говорю, за бесплатно.

Гаррик округлил глаза.

— Как я вижу, болтливость лондонских извозчиков с годами не меняется. — Водитель, — окликнул он таксиста, постучав в прозрачный пластик, — у меня для вас новое задание. Отвезите-ка нас в «Уолсли». Один друг говорил мне об этом кафе, и мне кажется, что для нашей проголодавшейся компании это как раз то, что нужно. Вниз по Пиккадилли, будьте любезны, мне бы не хотелось, чтобы вы возили нас как туристов.

— Не беспокойтесь, сэр, — откликнулся таксист, — я знаю этот город лучше, чем моя жена знает содержимое моего бумажника. Хоть режьте меня, если я попытаюсь вас надуть.

Гаррик отклонился от стекла, скрывая лицо, когда они покатали мимо вооруженных полицейских.

— Именно это я и сделаю, — негромко сказал он.

К тому времени, когда такси подъехало к «Уолсли», ресторан уже был открыт для посетителей, желающих позавтракать. Гаррик выбрал кабинку у окна и долго изучал меню, издавая довольные восклицания, которые привлекли к нему внимание других гостей.

— Ну, что скажешь, сынок? Кеджери или копченая рыба? А почему бы не то и другое сразу, а? В конце концов, у нас есть повод.

Шеви притулилась возле окна, оказавшись зажатой между стеклом, подмастерьем фокусника и столом.

«Я должна что-то предпринять, — думала она. — Последнее задание, которое дал мне Оранж, было сбросить пульт. Я не могу провалить еще одну миссию. Я должна вернуть пульт во что бы то ни стало. И на помощь Райли рассчитывать не приходится».

Всякое сходство Гаррика со Смартсом окончательно исчезло. Человек, сидевший перед ней, был самым что ни на есть настоящим фокусником из прошлого, и в доказательство этого он очаровал официантку, достав солонку из-за ее уха, и платиновую карту «Мастеркард» Феликса Смарта из-за своего собственного.

— Полагаю, в нынешние времена эта штука используется вместо денег, — сказал он, и его выговор

чем-то напомнил старые черно-белые фильмы о Шерлоке Холмсе. — Не забудьте прибавить себе десять процентов чаевых, милочка. Вы такая славная.

Официантку такими чаевыми было не удивить.

— Думаю, я достаточно славная для двадцати процентов, — заявила она, не потрудившись даже улыбнуться.

Гаррик величественно взмахнул рукой.

— А почему не тридцать? — сказал он. — Мы, Смарты, люди щедрые.

Девушка вынула из кармашка передника ручку и приняла заказ Гаррика. Для начала фокусник пожелал отведать яйца в трех видах: всмятку, глазунью и омлет. Затем кеджери и копченую лососину. Тосты, кексы и американские оладьи с кленовым сиропом. Сосиски, бекон и картофельную запеканку. Овсянку и мюсли. Апельсиновый сок, грейпфрутовый сок и большой кофейник черного кофе. Райли выбрал для себя чашку горячего шоколада и полный английский завтрак. Шеви заказала стакан воды.

«Судя по всему, убийства вызывают аппетит», — подумала она.

— Не голодны, агент? — спросил ее Гаррик.

Шеви натянуто улыбнулась:

— Мне что-то не по себе. Должно быть, от обилия трупов.

Гаррик подмигнул Райли.

— К этому вы постепенно привыкнете. Взгляните хоть на моего бывшего ученика, а теперь партнера. Он ни за что не откажется от бекона, хоть бы у дверей его дожидался палач.

— Возможно, так и есть, — сказала Шеви. — Так обычно и бывает с теми, кто убивает всех встречных.

— Вас я еще не убил, мисс Савано. Быть может, после завтрака, а?

Райли сидел молча, не встречая в перепалку. Ему хотелось только спать и, быть может, увидеть во сне пляж и рыжеволосого мальчишку.

Следи за волной — а не то она может сбить тебя с ног.

В самом ли деле мальчишка произнес эти слова, или все эти воспоминания из прошлого — лишь порождения его собственного разума? Райли встряхнул головой, разгоняя привычный туман, который окутывал его мозг всякий раз, когда он оказывался рядом с Гарриком. Обычно он отпускал свое сознание грезить о чем-то отвлеченном, но сегодня он не мог себе этого позволить. На карту была поставлена жизнь Шеви. Впрочем, как и его собственная.

Меньше всего на свете Райли сейчас хотелось жирного жареного мяса, но его тело испытывало голод, а как частенько говаривал Гаррик, «Наедайся, мальчик. Может статься, твоя следующая трапеза будет последней».

— Тебе нужно поесть, Шеви.

Рука Гаррика стрелой метнулась над столом и вцепилась Райли в ухо.

— Шеви? Ты кем себя вообразил, сынок? Принцем Уэльским? Разве так следует обращаться к леди? Для тебя она агент Савано или мисс.

На Шеви это не произвело особого впечатления:

— Ух ты, какие манеры. Круто. Я думала, вы обычный убийца-психопат, но ваша вежливость сразила меня наповал.

Гаррик вздохнул, словно строптивость девушки ему уже прискучила.

— Эта затянувшаяся мелодрама начинает слегка утомлять. Как бы мне убедить вас вести себя более цивилизованно, хотя бы пока мы за столом?

Правило психологии 101: добейся, чтобы объект заговорил о себе. Любая усвоенная информация может в дальнейшем оказаться полезной. Если, конечно, оно будет, это дальнейшее.

— Вы могли бы сказать мне, кто вы такой на самом деле.

Гаррик отнесся к вопросу серьезно. Конечно, было бы очень приятно поделиться всеми подробностями своего чудесного преобразования, но, опять же, слишком много знаний — слишком много силы, поэтому лучше ограничиться самыми общими словами.

— Мне известно, что Феликс изложил вам основы. Червоточины в пространстве-времени и все такое прочее. Когда я и Феликс перемещались по временному тоннелю, мы слились в одно целое. Я по-прежнему контролирую свою личность, но Феликс определенно стал частью меня.

— Вы убили его?

— Скажем так — я убил большую его часть. Но прошу заметить, что это была самооборона: он успел активировать бомбу.

— Значит, вы можете делать всякие штуки с помощью того, что осталось от Феликса?

— Трюки? Ах да, разумеется. Трюки. Дамы обожают волшебные фокусы. Задумайте карту.

Шеви вытаращила глаза:

— О, ради бога.

— Нет-нет, мадмуазель, я совершенно серьезно. Представьте себе карту. Или, как вы, американцы, любите говорить, визуализируйте ее.

Шеви ничего не могла с собой поделаться. Перед ее мысленным взором тут же возникла королева червей. Так назывался любимый бар ее отца на Тихоокеанском шоссе.

Гаррик щелкнул пальцами.

— Знаю. Вы представили себе пиковый туз. Карту, которая означает неотвратимую и мучительную смерть.

— Ничего подобного, — возразила Шеви.

Гаррик крутанул в пальцах нож для масла.

— А теперь да, — только и сказал он.

Прямо сказать, фокус был довольно дешевый, Гаррик и сам понимал это, но он вырос на подмостках, и театральность была у него в крови.

Принесли еду, и Гаррик принялся за нее с нескрываемым удовольствием, даже посмеиваясь иногда, отщипывая куски то с одной, то с другой тарелки: то макал сосиски в кленовый сироп, то мазал запеканку горячим шоколадом, одним словом, вел себя как расшалившийся ребенок.

— Превосходно, — заявил он. — Все свежее, никакого песка на зубах. Каждое блюдо чудесно пахнет, и все, что должно быть горячим, действительно горячее.

Шеви в упор смотрела на фокусника, стараясь приметить каждую деталь его облика и манеры поведения, чтобы как следует их запомнить.

«Среднего возраста. Может, сорок с небольшим, трудно сказать точнее. Лицо бледное. Зубы кажутся чуть длинноватыми, пожелтевшие. Глаза темные. Может, синие, глубоко посаженные, с выступающими бровями. Волосы черные, начинают седеть. Длинные, прямые. Худощавого сложения, но жилистый. Ничего, что выглядело бы явно угрожающим. Если бы снимали фильм о злодее викторианских времен, главная роль ему бы точно не досталась».

«Я непременно получу свой шанс», — думала Шеви, но каждый раз, когда она собиралась броситься на фокусника, тот сразу догадывался о ее намерениях. Как будто мог читать ее мысли.

— Сейчас вы размышляете, способен ли я читать ваши мысли, — сказал вдруг Гаррик, махнув в ее сторону куском сосиски. — Признаюсь откровенно — нет, не способен, но я обладаю некоторым опытом в науке расшифровывать намерения человека по тому, как он двигается, или по выражению его лица. Кажется, вы это называете языком тела. И ваши агрессивные намерения так же очевидны, как набранный крупным шрифтом заголовок «Таймс».

Шеви метнула на него злобный взгляд:

— Правда? И что же мое выражение лица говорит вам сейчас?

— В ФБР часто используют выражение допустимый побочный ущерб, — спокойно продолжал Гаррик. — Если нам придется вступить в схватку здесь,

я могу гарантировать, что по меньшей мере полдюжины человек из местной публики будет убито. Если же вы причините мне серьезное беспокойство, их число может вырасти до десяти. Феликс заверил меня, что вы обладаете некоторыми боевыми навыками, но сейчас вы безоружны, а у меня при себе три пистолета и нож. Как вы думаете, в Бюро похвалят вас за то, что вы спровоцировали меня в людном ресторане?

Гаррик был прав, и Шеви это прекрасно понимала. Она не может позволить себе агрессию в общественном месте.

Гаррик снова обо всем догадался по ее лицу.

— Поздравляю, агент, вы приняли правильное решение. В конце концов, вокруг нас живые люди. У них есть семьи, есть любимые.

Гаррик вдруг вздрогнул, словно пораженный какой-то мыслью. Его собственные слова натолкнулись на воспоминания Смарта.

— Любимые, — повторил он, вытянув из-под рубашки пульт. — Феликс знал, что после того, как его мать умерла, у его отца появилась подруга, где-то здесь, в Лондоне. Чарльз Смарт никогда не называл ее имени, и Феликс полагал, что раз его отец исчез в прошлом, вся эта история закончилась. Но мне доводилось шпионить за многими любвеобильными типами, и я знаю, что страсть может завести мужчину куда угодно. — Гаррик сделал паузу, вертя пульт в длинных проворных пальцах. — Его отец построил в Лондоне еще один аппарат, но Феликс так и не смог его отыскать. И сдается мне, как знатоку челове-

ских слабостей и недостатков, что нет более веской причины построить запасной аппарат и шмыгать то и дело назад в этот век, чем наличие сердечной привязанности.

Гаррик активировал дисплей пульта и пощелкал кнопкой меню, пока не отыскал список перемещений.

— Итак, мы имеем несколько прыжков с Бэдфордсквер, чего и следовало ожидать, причем последний приходится на начало 1980-х. С этим все ясно, но здесь есть еще кое-какие координаты. Более дюжины перемещений в обоих направлениях, все связаны с одним и тем же местом. Ах, Смарт, ах ты, похотливый кобель. Кто бы ни была эта женщина, мы должны непременно навестить ее.

Гаррик снова заправил пульт под рубашку.

— Райли, сынок. Мы наконец отыскали наш путь домой.

Райли промолчал, но его глаза ясно говорили: «Я тебе не сын».

Странно, но Гаррик не прочел этого по его лицу.

Они покинули «Уолсли» бок о бок, как дружная семья, и зашагали мимо «Ритца» и дальше к Пиккадилли. Гаррик наслаждался, подставляя лицо утреннему солнцу, тогда как Шеви двигалась скованно от напряжения, а Райли еле волок ноги, будто находился в полном изнеможении. На самом деле он немного преувеличивал свою усталость, чтобы Гаррик не приставал к нему с разговорами и дал ему возможность спокойно поразмышлять.

«Хорошо бы как-нибудь подать сигнал агенту Савано, — думал он. — Мы сможем сбежать, только если будем действовать сообща».

Он сделал попытку перехватить взгляд Шеви, но та полностью погрузилась в собственные мысли.

«К этому времени Гаррика уже наверняка объявили в розыск, — думала она. Возможно, кто-нибудь его опознает».

Однако последнее было сомнительно, потому что Гаррик уже совсем не походил на агента Оранжа. Единственные люди, которые знали, как Гаррик выглядит на самом деле, шагали рядом с ним, и похоже, что Райли уже выбрал, на чьей стороне ему быть. И при имеющихся обстоятельствах она не стала бы осуждать парня за этот выбор, если бы только он не убил ее сослуживца.

Ко времени открытия магазинов центральная часть города стала заполняться людьми, и на улицах, несмотря на плату за въезд на перегруженную территорию, было не протолкнуться от машин, еле ползущих бампер к бамперу. День обещал быть погожим: серебристо-серое утреннее небо постепенно голубело, а свежий ветерок вселил бы бодрость даже в самого пресыщенного путешественника во времени. Пока их невероятная троица шествовала через Мэйфэйр¹, Шеви вопреки всему надеялась, что кто-нибудь из Бюро уже выследил их и где-нибудь на крыше засел снайпер, целясь Гаррику в макушку.

«Напрасные мечты. И даже если кто-нибудь выстрелит в это существо по имени Гаррик, возможно,

¹ Фешенебельный район Лондона.

пуля не причинит ему вреда. Только разозлит его. И кто знает, на что способен этот человек в гневе?»

Шеви встряхнулась, приказав себе не сдаваться. Одно из главных правил Корда Валликозе гласило: что бы ни происходило, всегда есть шанс, который только ждет, чтобы его заметили; агент должен быть полностью готов действовать, когда этот шанс представится.

«Только бы держаться подальше от прошлого, — подумала она. — Я не собираюсь отправляться в прошлое».

Однако, хотя разум Шеви не допускал даже мысли о путешествии во времени, подсознательно девушка понимала, что, если прыжок в прошлое позволит ей сбежать от этого чокнутого фокусника, она сама бросится очертя голову в первую же подвернувшуюся червоточину.

Они прибыли в место, соответствующее координатам на пульте, так и не столкнувшись со снайперским выстрелом или какими другими происшествиями. Гаррик крепко держал своих заложников за шеи, впившись длинными ногтями в воротники.

— Известно ли вам, агент Савано, — заговорил он в тоне дружеской беседы, — что сейчас я могу убить вас любым из своих пальцев?

Демонстрируя, какими именно пальцами, он еще глубже впился ногтями в тело Шеви.

— У меня есть свой фирменный секрет: последние десять лет я регулярно покрываю свои ногти мебельным лаком, поэтому они тверды, как сталь, и остры,

как бритва брадобрея. Ногтем большого пальца я могу вскрыть любой сверток и незаметно за спиной исследовать его содержимое, как я делал в моем знаменитом фокусе с ясновидением. Я никогда не рассказывал об этом ни единой живой душе, но что-то в вас есть особенное, что побуждает меня делиться самым сокровенным.

Шеви не слишком обрадовалась, что ей приходится выслушивать тайны фокусника: это невольно навело на мысль, что он не собирается оставлять ее в живых.

Райли глянул вперед вдоль улицы:

— Мы уже пришли, наставник? Отсюда мы отправимся домой?

Они прибыли на улицу Полумесяца, которая выглядела в точности так, как обычно показывают улицы Мэйфэйра в разгар лета в кино: ряд старинных пятиэтажных особняков, в которых помещались небольшие уютные магазинчики, кафе и пабы. В это утреннее время улица была пустынна, только на тротуарах еще громоздились груды картонных коробок и прочий хлам, ожидающий прибытия мусоровозов. Какая-то пожилая дама в высоких резиновых сапогах смывала из шланга грязь с крыльца антикварной лавки.

— Интересно, где сейчас лучше всего покупать антиквариат? — задал вопрос Гаррик.

«В прошлом», — подумала Шеви, внезапно испугавшись за судьбу пожилой дамы.

Она почувствовала, как хватка Гаррика на ее загривке немного ослабевает по мере того, как его паль-

цы становятся чуть короче. Подняв взгляд, она увидела, что Гаррик сгорбился, сотрясаясь всем телом, как будто в приступе беззвучного кашля. С каждым новым спазмом его физический облик чуть-чуть менялся, пока он снова не стал похож на Феликса Смарт.

«Это и был мой шанс, — сообразила Шеви, — а я просто стояла и пялилась, как дурочка».

Пальцы Гаррика снова впились в ее плечо.

— Сейчас и надо было действовать, агент, — сказал он, смахивая с бровей капли пота. — Эти метаморфозы отнимают кучу сил, ей-богу.

— Прошу прощения, мадам, — сказал он, обращаясь к пожилой леди. — Быть может, вы сможете помочь мне?

Дама не сочла нужным отвлечься от своего занятия.

— Я смогу помочь вам начиная с девяти. Магазин открывается ровно в девять. Большинство вещей в лавке и так довольно старые, так что лишние тридцать минут мало что изменят.

Гаррик ткнул пальцем в витрину:

— Я вижу, вы специализируетесь на Викторианской эпохе.

Дама отпустила рычаг поливального шланга и воззрилась на Гаррика.

— Верно. И я буду точно так же специализироваться на ней ровно в девять.

Возможно, ее запасы сарказма на этом еще не иссякли, но тут Гаррик повернулся к ней лицом, и ее тон вдруг изменился:

— Погодите-ка минутку. Я не...

Ее глаза расширились, словно она пыталась ухватить какое-то мимолетное воспоминание.

— Ваше лицо. Оно кажется мне знакомым...

Гаррик улыбнулся самым искренним образом:

— Люди часто говорят, что я похож на своего отца.

Дама выронила шланг.

— О... О боже. Феликс? Вы Феликс, верно?

— Да, я Феликс, — произнес Гаррик с такой торжественностью, будто объявлял себя новым мессией.

— О господи. О боже. Феликс.

Лицо женщины полностью преобразилось: вместо циничной продавщицы перед ними стояла просто взволнованная и растерянная женщина с широко раскрытыми глазами.

— Ваш отец говорил, что однажды вы можете прийти ко мне.

— И я пришел, — сказал Гаррик, кладя руку ей на плечо.

— Да, вы пришли. Ясно как день.

Она судорожно вздохнула, тут же приняв озабоченный вид.

— О, вы, наверное, голодны? Или хотите пить? А ваши юные друзья? Наверное, они тоже проголодались и не откажутся выпить чаю.

Гаррик слегка пожал плечами, как бы говоря: «Конечно, мы умираем от голода и жажды, но я слишком воспитан, чтобы признаться в этом».

— Вы непременно должны войти. Пожалуйста, проходите же скорее.

Женщина вынула из-под рабочего халата ключ на цепочке и дрожащей рукой отперла входную дверь лавки.

— Но, мадам, — улыбнулся Гаррик, — ведь еще нет девяти.

Дама прекрасно поняла, что над ней подтрунивают.

— О, у вас, Смартов, вечно все разговоры только о времени, — она протянула руку в перчатке. — Я Виктория. Ваш отец и я... дружим.

На мгновение на лице Феликса Смарта блеснули глаза Гаррика.

— Что ж, полагаю, мы прибыли именно туда, куда нужно, — сказал он, наклоняясь и целуя Викторию в щеку.

Не только саму хозяйку звали Викторией: весь ее магазин назывался «Викториана». Когда она провела их через парадную дверь внутрь лавки, Райли не смог удержаться от восклицания: он словно шагнул назад в свое собственное время, но только без привычного запаха животных, зловония нечистот и ощущения вездесущей смерти, к которым он вовсе не испытывал такой уж сильной привязанности, даже несмотря на текущие обстоятельства.

«Я всю жизнь прожил в тени смерти», — подумал он, чувствуя, что его сердце запрыгало, как поршень парового двигателя, при виде латунных подставок для дров — почти точь-в-точь таких же, какие стояли в их с Гарриком собственном камине в Холборне.

«И где-то здесь находятся врата, ведущие обратно в тот мир».

В отличие от своего наставника, Райли не рвался к родному очагу в девятнадцатый век. За истекшую ночь он не только насмотрелся на разные чудеса, но и успел почувствовать, хоть и весьма мимолетно, ощущение свободы, которое пришлось ему по вкусу.

«Я мог бы жить в этом будущем, полном удивительных вещей... если бы только Гаррик отпустил меня».

Но Райли знал, что хозяин может освободить его только одним-единственным способом.

Дама провела их через основное помещение лавки, где солнце янтарными бликами играло на теплом дереве. Маленький салон был обставлен в стиле викторианской гостиной, с той только разницей, что каждую вещь здесь можно было не только потрогать, но и купить. На всех предметах обстановки висели неприметные ярлычки, но никаких цен. Если вы спрашиваете о цене, значит, вы на полпути к покупке.

Познания Шеви об антиквариате легко уместились бы на оборотной стороне почтовой открытки. Самая старая вещь, которой ей доводилось обладать, была изготовленная в 1970-х доска для серфинга, некогда принадлежавшая чемпиону мира Питеру Тоуненду, однако даже она сразу могла бы сказать, что выставленные в лавке вещи не из дешевых. От них так и веяло историей, и, глядя на какое-нибудь старинное бюро, невозможно было не задаваться вопросом, кто же некогда писал письма на его откидной крышке.

— Какой чудесный у вас магазин, — сказал Гаррик, весь лучась обаянием и вежливостью. — И все вещи в превосходном состоянии. — Он потрогал

кожаную подушку на угловатом кресле с откидной спинкой, которое по сравнению с остальными предметами мебели выглядело более строгим и не таким декоративным. — Скажите, Виктория, это Уильям Моррис?

Виктория приблизилась к креслу, сняла с него подушку и с нежностью прижала ее к груди, как ребенка.

— Да. Одна из самых первых его работ. Последняя вещь, которую ваш отец прислал мне.

— Выглядит старой, — заметил Гаррик, тронув зернистую кожу пальцем. — Разве она не должна быть почти новой?

Виктория положила подушку на место.

— Ах, знаете, в этом-то и заключается гений вашего отца. Дополнительные расходы энергии на транспортировку этого кресла из девятнадцатого века были бы просто непомерными, поэтому Чарльз просто выкупил один луг в Гринвиче, который, как ему было известно, так и останется незастроенным, и припрятывал вещи в подземном тайнике. А при каждой встрече приносил небольшой ярлычок с инструкциями. Это была его версия подарков, вместо дежурных роз и шампанского.

Она нежно погладила ярлык на кресле кончиком пальца.

— Как видите, я до сих пор использую эти ярлыки. Помогает мне держаться в ожидании его следующего появления.

— У вас очень особенные отношения, — сказал Гаррик, и даже для тренированного уха Шеви голос убийцы звучал искренне, даже растроганно.

Виктория ласково коснулась его щеки, прошуршав пальцами по отрастающей щетине.

— Правда, так и есть. И в следующий раз, когда он придет, я отправлюсь вместе с ним. Навсегда. Я уже полгода принимаю бисфосфонаты для укрепления костей. Мы собираемся пожениться.

Глаза Виктории блеснули радостным возбуждением, но, в силу своего воспитания, она сразу поняла, что сыну ее избранника, возможно, неприятно услышать эту новость.

— Я понимаю, Феликс, что вам, наверное, нелегко узнать об этом. Но ваш отец был так одинок — и он так скучал по вам. Он старался присматривать за вами издали, но вступать в контакт с вами считал слишком опасным. Чарльз говорил, что, если вы когда-нибудь отыщете меня, значит, вы готовы понять, почему он скрылся. По крайней мере он надеялся на это.

Через заднюю дверь магазина Виктория провела их в расположенную в глубине дома квартиру свободной планировки, с ультрасовременной кухней в минималистском стиле и небольшой гостиной. Виктория наполнила чайник и усадила их вокруг овального стола, усеянного пятнами солнечного света, просеянного сквозь жалюзи. Стены были густо увешаны фотографиями, на которых она была рядом с Чарльзом Смартом. Похоже, за последние несколько лет они часто встречались в разных местах Лондона, и лица у них были веселые и счастливые.

Виктория уселась во главе стола и немного успокоилась. На взгляд Шеви, ей было около семидесяти — миниатюрная, очень привлекательная ле-

ди с тонкими чертами фарфорового лица и такими большими зелеными глазами, что в них чудилось что-то кошачье. Волосы были почти черными, с отдельными светлыми прядями. На ней был старомодный наряд конца девятнадцатого века, который вполне органично смотрелся бы в какой-нибудь костюмированной драме Би-би-си.

— Итак, — сказала она, — все присутствующие в курсе? Насчет времени?

Гаррик выглядел встревоженно. Глаза его нервно метались по всей комнате. Райли ничего не понимал: ведь никакой опасности рядом не было. Гаррик мог бы дать отпор целой своре вооруженных громил, не уронив даже капли пота с кончика носа. Но сейчас он почему-то разволновался в компании одной-единственной пожилой леди. Что же с ним не так?

Гаррик ответил за всех:

— Да, да. Нам всем известно, в чем заключаются эксперименты и открытия Чарльза Смарта... в смысле, моего отца. У нас есть основания полагать, что ему угрожает серьезная опасность. Мы должны отправиться в прошлое, чтобы ему помочь. Поэтому, если здесь имеется аппарат ПАУКСа, нам необходимо им воспользоваться.

Виктория поджала губы:

— Хм. Чарльз надеялся, что вы отыщете меня, чтобы мы могли узнать друг друга получше, но он также опасался, что вы можете явиться ради секретов аппарата. Он говорил, что ФБР — это коварная и подлая шайка и что мне нужно быть очень осторожной.

— Понимаю, — отозвался Гаррик, скрипнув зубами. — Но ведь Чарльз мой... отец. А я его сын, значит, меня-то вам не нужно опасаться?

Виктория направила на него указательные пальцы, как стволы револьверов:

— Может, вы и его сын, но Чарльз говорил, что вы, возможно, худший из этой шайки. Вас всегда больше интересовали правительственные контракты, нежели наука. Вы пытались проталкивать разные вещи, когда они еще не были полностью готовы. Ваш отец рассказывал мне о мутациях при прохождении червоточин. Он говорил, что путешествия во времени могут вызвать рак, если не принимать бисфосфонаты.

В сознании Шеви промелькнули обезьянья лапа и желтая кровь Чарльза Смарта. Мутации.

— Но отец сейчас в беде. Мы должны спасти его.

Виктория сощурила глаза. Невозможно иметь процветающий бизнес в центре Лондона, если не отличаешься сообразительностью.

— А как вы узнали, что Чарльз в беде? Он говорил, что вы не способны его найти. Ни один из имеющихся аппаратов не отправит вас к нему, а новый без участия Чарльза вы построить не сможете.

Гаррик нахмурился и содрогнулся, словно его сотрясал какой-то внутренний вирус.

— А как насчет этого? — сказал он, выкладывая на стол тяжелый пистолет. — Почему бы вам сейчас же не сказать мне, где находится аппарат?

Виктория грохнула по столу своими изящными руками. За спиной у нее засвистел закипающий чайник.

— Что же вы за сын? — воскликнула она. — Сначала разбили сердце своего отца, а теперь угрожаете женщине, которую он любит. Вы просто негодяй.

Гаррик прикрыл глаза, как будто ему мешал яркий свет.

— Верно, я негодяй, согласен. А теперь, где аппарат? Виктория вскочила на ноги:

— Никогда, Иуда! Ты ничего от меня не добьешься!

— Тогда я убью вас, — сказал Гаррик. — Как уже убил вашего ненаглядного Чарльза.

Виктория резко побледнела, затем отступила на шаг.

— Вы не Феликс Сمارт! — заявила она.

— Нет, мадам, — снова согласился Гаррик. — Я не он. Феликс Сمارт отправился тем же путем, что и его отец.

Виктория коротко взвыла, как раненый зверь, и с неожиданной прытью бросилась на Гаррика.

— Глупая женщина! — рявкнул Гаррик, с силой ударив ее в висок. От удара они оба пошатнулись, но, едва Виктория рухнула на пол, Гаррик вдруг сложился пополам и его вырвало прямо на стол.

Шеви наконец увидела свой шанс. Вскочив со стула, она выдернула его из-под себя за спинку и обрушила на голову Гаррика со всей силой и яростью, возвращенными во время бесконечных тренировок в спортзалах Куантико.

Гаррик успел прикрыться рукой, но мощный удар свалил его на землю. Убийца скорчился на полу, заливая его кровью из раны на лбу.

Шеви не дала себе ни секунды передышки. Может, Гаррик и повержен, но он жив, и к тому же еще при-

ходилось опасаться его помощника, юного убийцы Райли.

— Эй, держись подальше! — крикнула она, когда Райли метнулся в ее сторону.

— Нет, нет, Шеви, — заговорил Райли, — вы не разобрались.

Времени разбираться не было совершенно. Сейчас главное было нейтрализовать Гаррика, а разбираться можно будет потом.

Гаррик и сам подкрепил ее решимость, перевернувшись на спину, и вдруг поднял на нее залитые кровью глаза и прохрипел голосом Смарта:

— Шеви. Пульт.

— Феликс? Это вы?

Он вытянул пульт из-под рубашки.

— Возьмите его.

Шеви наклонилась, ухватила шнурок и нацепила его себе на шею, но, прежде чем она успела отскочить, Смарт снова превратился в Гаррика.

— Нет. Это мое, — зарычал он, схватившись за пульт и потянув его к себе. Для столь тощего человека он обладал незаурядной силой. Шеви потеряла равновесие, не в силах препятствовать собственному падению.

Ее спас Райли, обрушив на своего наставника весь стол целиком. Мальчик тоже оказался неожиданно сильным для своей комплекции. Край столешницы ударил Гаррика прямо по голени, размозжив кости.

— Что такое? — запыхавшись, спросила Шеви. — Теперь ты вдруг на моей стороне?

Райли поднял левую руку, показав Шеви запекшуюся на большом пальце кровь.

— И всегда был, — сказал он, и Шеви наконец поняла. Мальчишка ведь был учеником фокусника. Он разрезал собственную плоть, а не Даффа, и сохранил агенту жизнь, рискуя навлечь на себя гнев Гаррика.

— Надо уходить, агент, — сказал он торопливо.

— Ага, — отозвалась Шеви, потирая горло и кашляя. — Точно. Уходить — отличная идея.

Она спрятала пульт поглубже под блузку и подтолкнула Райли к двери.

Выстрелы пробили стол, ударив в потолок. Несмотря на нестерпимую боль, которую, должно быть, причиняли ему переломы, Гаррик все еще сражался.

— Надо было убить его, — сказал Райли. — Уничтожить дьявола — это не грех.

Услышав подобное высказывание чуть раньше, Шеви высмеяла бы его за суеверность и двойную мораль, но сейчас она готова была согласиться с этой идеей.

— Позже, — сказала она, — позже.

Они уже почти добрались до лестницы, когда полдюжины пуль вдребезги разнесли перила, осыпав их щепками. Шеви схватила Райли за шиворот и швырнула за диван.

Лежа на полу, в просвет между ножками дивана Райли увидел, как пожилая леди пришла в себя и приподнялась на локтях.

— Виктория жива.

— Хорошо. Сомневаюсь, что Гаррик станет тратить на нее пулю, раз это мы переломали ему кости мебелью.

Раздробленные кости причиняли Гаррику гораздо меньше страданий, чем любому другому человеку. Квантовый фокусник приказал своим нервным окончаниям не посылать болевые сигналы в мозг, что несколько притупило нестерпимую боль в голени. Впрочем, он прекрасно сознавал, какой ущерб нанесен его конечности. Собственные органы представляли его внутреннему взору куда яснее и четче, чем на известных снимках братьев Фрост, изображающих мышей с внутренностями, контрастированными вольфрамом кальция. Итак, у него сложный перелом со смещением костей голени, и нанес ему эту травму его собственный мальчик. Он попытался исцелить себя, но процесс заживления шел раздражающе медленно и требовал большого количества энергии.

Обида на несправедливость накатила на него, как тошнота.

— Райли! — позвал он. — Райли!

Райли пригнулся за диваном, как будто слова могли ранить, как пули.

— Нужно бежать, — шепнул он Шеви. — Вы же вроде специалист по этим делам, даже какой-то там агент. Давайте, ведите нас.

Шеви совсем не чувствовала себя специалистом.

«Мне всего семнадцать лет, — хотела сказать она. — Меня вообще не должно здесь быть. Я даже не настоящий агент ФБР, потому что мою программу отменили».

Но она не стала облекать эти мысли в слова. Несмотря на возраст, агент Савано считала себя профессионалом и чувствовала ответственность за Райли.

Она тоже кое-как втиснулась рядом с ним за диван, стараясь не высовывать голову.

— Мы должны помочь Виктории.

— Если мы отвлечем Гаррика на себя, то тем самым спасем ее жизнь. Он за нее и ломаного гроша не даст. Ему нужны мы и пульт, а Гаррик никогда не отступает от своей цели.

Райли был прав.

— Ладно. Выходим через черный ход.

Наверняка в доме есть задний двор или запасной выход на улицу. И, если ей удастся добраться до телефона, Гаррику не жить, сколько бы у него ни было личин.

«А потом я отправлюсь домой в Калифорнию, где светит солнце и где нет никаких убийц-фокусников, явившихся из прошлого».

Гаррик сделал еще несколько выстрелов, но наугад, вслепую, только чтобы попытаться загнать их в кухню.

Шеви подобралась, сев на корточки так, чтобы ее лицо оказалось вплотную к лицу Райли.

— План такой. Вскакиваем, бежим к черной лестнице и смотрим, куда она выведет.

— И это план? — удивился Райли. — По мне, так больше похоже просто на бегство наобум. У настоящего плана должны быть этапы и стадии. Всякие уловки, обманные ходы и все такое прочее.

— Заткнись. Ты готов к такому плану?

Райли кивнул.

— Хорошо. На счет три. Беги так, словно за тобой гонится сам дьявол.

Отчасти так оно и было.

Шеви досчитала до трех и швырнула в стену оказавшуюся под рукой вазу, рассчитывая, что та разобьется и отвлечет Гаррика.

Расчет не удался.

Гаррик разнес вазу выстрелом влет, как только Шеви выпустила ее из рук. Еще со времен службы в армии Ее Величества он был отменным стрелком.

«Наверное, это не очень блестящий план», — подумала Шеви, но что-то менять было уже поздно: Райли рванул к лестнице. К счастью, он двигался пригнувшись, так что не попадал под выстрелы Гаррика.

«Пока у него зона обстрела ограничена, — подумала Шеви, — но это ненадолго. Как только он освободит ногу, мы все равно что покойники».

Шеви устремилась вслед за Райли, почувствовав, как пуля ударила в стену над ее головой за долю секунды до того, как раздался грохот выстрела. Они очертя голову скатились вниз по лестнице, едва удержавшись на ногах. Лестница была узкой и темной, однако вдоль плинтуса тянулись знакомые с виду толстые силовые кабели.

«Нет, — подумала Шеви. — Нет, нет, нет».

Ступеньки привели в тесный подвал, куда Шеви и Райли ввалились, тут же бросившись искать хоть какой-нибудь выход наружу. Выхода не было. Единственным источником дневного света оказалось маленькое зарешеченное окошко на уровне тротуара. Ноги невидимых отсюда прохожих отбрасывали подвижные тени на противоположную стену.

Шеви оцепенела:

— Здесь нет выхода! Поверить не могу.

Райли безнадежно ощупывал ладонями стену, видимо, надеясь на какой-нибудь тайный ход.

Шеви обвела взглядом тесную комнату, ища что-нибудь — хоть что-нибудь! — что могло бы им помочь.

Райли указал на какую-то громоздкую угловатую штуку в углу, накрытую прорезиненным брезентом.

— Держу пари, что, если мы снимем этот водозащитный чехол...

— Я знаю, что это! — закричала Шеви. — Я знаю. Но...

Райли встревоженно оглянулся в сторону лестницы. Сверху неслась, отдаваясь эхом, сочная викторианская брань попеременно с невнятными стонами и ворчанием.

— Мой наставник очень недоволен.

— Я уже догадалась.

— Он идет сюда.

Шеви чуть встряхнулась.

— Да, знаю. Смерть-фокусник идет за нами по пятам.

— Мне заткнуться?

— Ага... Нет. — Шеви в отчаянии стиснула кулаки. — Слушай, малыш, я ведь даже не настоящий агент. Все, что мне полагалось делать, это прислушиваться к разговорам в школьной столовой. Никто ничего не говорил мне о путешествиях во времени.

Шеви схватилась за голову:

— Это безумие. Я не могу этого сделать.

Очередной выстрел ударил в лестничные перила, следом раздался гортанный рык — никаких слов, одни эмоции.

Райли отодрал разбитую пулей перекладину перил и потряс ею, как дубинкой.

— Шеви. Я прослежу за лестницей и, если подвернется возможность, вырублю его. Вы должны активировать эту машину.

Шеви знала, что мальчик говорит верно. Она стащила край брезентового покрытия, обнаружив под ним аппарат ПАУКСа.

Сверху донеслось:

— Райли! Ты сломал мне ногу.

— Он и впрямь очень зол, — заметил Райли, крепче стиснув свое импровизированное оружие. Свободной рукой он ухватился за другой край чехла, и вскоре аппарат полностью обнажился. — Принимайтесь за работу, Шеви.

Желая ускорить дело, Райли сам начал лупить по клавишам компьютеров, подсоединенных к аппарату.

— Нет, нет, — сказала Шеви, отпихивая его локтем от техники. — Для начала нужна вот эта штука.

Она сняла пульт с шеи и воткнула его в гнездо на панели пульта управления — заметно меньшего, чем тот, который имелся на Бэдфорд-сквер.

«Может быть, это слишком сложный процесс, — подумала она почти с надеждой. Может быть, мне не удастся запустить аппарат».

Но ей не повезло: как только пульт со щелчком встал на место, модуль вздрогнул и пробудился к жизни. Из разных отверстий вырвались облачка пара,

провода загудели под напряжением. Амортизаторы на полу завибрировали.

«А этот аппарат заметно меньше, — осознала Шеви. — Версия 2.0, модернизированная».

Пульт оживил небольшой экранчик, на котором заплясали какие-то желтые линии, вздрагивая каждые несколько секунд. Монитор потрескивал.

«Звук такой, будто где-то перегорели провода. Нет. Не думай об этом. Просто идет прогрев установки».

Словно в подтверждение этой ее мысли, на экране возникла маленькая мультяшная птичка — голая, без перьев, и дрожащая от озноба. Возле ее клюва надулся пузырь со словами: «Я ПРОСТО ГРЕЮСЬ».

Шеви показала Райли поднятые большие пальцы.
— Система включена. Нет проблем.

Птичка медленно обрастала перьями. Похоже, Чарльз Сمارт был не лишен чувства юмора.

Сверху лестницы донесся шмякающий звук, как будто кто-то полз по полу ко входу.

— Райли, — каркнул хриплый голос, исполненный и физической, и душевной боли. — Ты мне больше не сын. Ты мне больше не партнер.

Четыре выстрела ударили по кирпичам подвальной стены, засыпав пол каменной крошкой. Снова шорох, удары, проклятия. Если Гаррик начал сползать по ступенькам, значит, скоро он сможет взять их обоих на мушку.

— Давай, волокни свою старую разбитую тушу сюда, вниз, — крикнул Райли с напускной бравадой. — У меня есть отличный острый подарочек для твоих потрохов.

Гаррик в ответ выстрелил еще раз, и осколки кирпича оцарапали Шеви щеку.

«Совсем как в «Звездных войнах», — подумала Шеви. — Мы — база повстанцев, а Гаррик — Звезда Смерти».

Птица продолжала постепенно оперяться.

— Шеврон? Давайте скорее, агент, — настойчиво сказал Райли.

— Уже почти, — отозвалась Шеви, сдерживаясь, чтобы не врезать по неторопливой альтернативной технологии кулаком. — Забирайся в аппарат.

— Внутрь?

— Да. Полежай давай.

Райли не нравилась идея загнать себя в еще более тесный угол, но, чтобы выбраться отсюда, другого пути не было.

Шорох волочащегося по доскам тела послышался совсем рядом. Снова тяжелый стук по лестнице. Шеви чуть скосила глаза, и ей померещилась скребущая по полу рука.

— Райли! Тебе от меня не уйти.

Райли забрался в аппарат и уселся на скамейку, обхватив колени руками.

Птичка наконец полностью оперилась, и в пузыре появилась надпись: «Я СОВСЕМ СОГРЕЛАСЬ».

На этом птичка исчезла, и на экране замелькали строки загружающегося меню.

— Да, да, какие у меня опции? — нетерпеливо крикнула Шеви, как будто древний компьютер мог работать быстрее.

Опций было всего две: «ПРОВЕРКА СИСТЕМЫ» или «АКТИВАЦИЯ ЧЕРВОТОЧИНЫ».

Она выбрала «Активацию червоточины», и после нескольких жутких секунд, когда ничего не происходило, внутри аппарата вспыхнуло знакомое оранжевое свечение.

— Нет! — рявкнул голос с лестницы. — Я запрещаю!

Два выстрела взорвали бетонный пол фонтаном острых осколков.

«Я почти на мушке», — подумала Шеви, только сейчас осознав, что ей придется пробежать под пулями, чтобы самой добраться до аппарата. Еще пара секунд — и Гаррик уже не промахнется.

Шеви торопливо выдернула из гнезда пульт, и на экране снова появилась знакомая птичка, которая повела обратный отсчет. Тридцать секунд. У Шеви оставалось полминуты, чтобы попасть в прошлое.

«Тридцать секунд. Некогда раздумывать».

— Беги! — крикнул ей Райли изнутри оранжевого облака. — Беги же!

И Шеви рванулась к аппарату, преодолев последние метры стремительным броском и влетев в открытый люк почти плашмя. Она сразу же заметила, до чего внутри холодно. Как в морозильнике. Дыхание вырывалось у нее изо рта облачками пара, тут же застывая ледяными кристалликами. Волосы и брови Райли покрывал иней.

— Когда мы отправимся? — спросил он. — Почему мы еще здесь?

Шеви не ответила, обернувшись к отверстию люка. Сквозь оранжевый свет был виден Гаррик, который целеустремленно сползал по ступенькам, как зомби, отказывающийся смириться со смертью.

— Что за адова машина! — воскликнул Райли, хлопнув рукой по скамейке. — Уноси же нас отсюда!

Гаррик все полз, приподняв голову и не сводя остановившегося взгляда с аппарата. Глубоко запавшие глаза на высохшем, как у скелета, бледном лице излучали лютую злобу.

Шеви вскочила на ноги и завопила во всю силу своих легких:

— Виктория, вставайте! Вставайте и бегите!

Гаррик поднял пистолет, но тут же передумал стрелять, опасаясь повредить аппарат. И снова неотвратно пополз вперед.

Аппарат низко загудел, затем издал серию ухающих и свистящих звуков, вслед за которыми на корпусе загорелись огоньки.

Шеви вдруг вспомнилось кое-что из лекции Оранжа о путешествиях по времени. «Испытания прошли вполне успешно, — сказал он. — Изредка возникали кое-какие аберрации, обычно во время обратной переброски, но они составляли менее одного процента, то есть в плане статистики были вполне приемлемы».

«О боже, — подумала она. — А ведь мы не принимали никаких бисфосфонатов. Сказать по правде, я даже не знаю, что это такое. Мы запросто можем прибыть в пункт назначения с обезьяньими конечностями или головами динозавров».

Но Райли она ничего не сказала, потому что ее голос растворился в оранжевом свечении. И она не коснулась ободряющим жестом его плеча, потому что ее рука тоже исчезла, рассыпавшись в пыль, словно была сделана из песка.

«Я лишь пыль на ветру», — подумала она.

«Я тоже», — отозвался в ее сознании голос Райли.

Последним исчезло зрение, так что под конец собственной дематериализации они успели увидеть Гаррика, который добрался наконец до порожка люка и рывком подтянул свое тело внутрь аппарата.

«Он своего добился, — подумала Шеви. Мы так и не избавились от Альберта Гаррика».

Ей хотелось закрыть глаза и склонить голову, вот только ни головы, ни глаз у нее уже не было.

Тараны

Улица Полумесяца. Лондон. 1898

Райли почувствовал, что его куда-то уносит, и поначалу решил, что ощущения будут примерно те же, что и во время его предыдущего путешествия по временному тоннелю. Но все оказалось не так. Наоборот, это путешествие оказалось противоположно иным, почти во всех смыслах. Если говорить в общих чертах, то сейчас он двигался назад, а не вперед. Подобно тому, как при обычном физическом перемещении ощущения меняются в зависимости от направления движения, при квантовом перемещении происходило то же самое. В прошлый раз его как будто выталкивало, а сейчас — втягивало в его прошлую жизнь.

Райли доводилось слышать о глубинных воспоминаниях, которые всплывали у людей под гипнозом. Гаррик тоже неоднократно погружал его в гипнотический транс, но Райли так ничего особенного и не вспомнил, возможно, потому, что Гаррик пытался поспособствовать своим талантам гипнотизера, смачивая губы мальчика губкой, пропитанной эфиром.

Однако сейчас перед ним ясно возникали картины его собственной жизни, отраженные от мерцающей поверхности червоточины.

«Рыжий мальчик по имени Том. Мама называла его Рыжик Том. Теперь я вспомнил. Мы с ним сводные братья».

Подросток Том поглядывает сверху вниз на малыша Райли, держа его за руку. «Пошли, братишка. У меня есть пенни на лимонад. Разделим с тобой бутылочку».

Райли видел, как Том бежит вдоль пляжа, и чувствовал, как он сам трусит вслед за ним, стараясь наступать в оставленные на песке следы. Братья бежали в сторону пристани, и Райли слышал издали скрипучие звуки шарманки.

«Брайтон. Я живу здесь».

Том обернулся через плечо и окликнул его. «Ма любит такие круглые леденцы. Захватим ей кулек?»

Картинка мигнула, и теперь Райли увидел себя младенцем на руках молодой женщины с милым, нежным лицом. Его мать носила простую кофточку и заплетала волосы в косы.

«Том носит фамилию своего безвременно ушедшего папочки и будет таким же сердцеедом, когда вырастет, — говорила она, ласково щекоча сыну подбородок. Но ты, мой сладкий батончик, будешь носить фамилию Райли, как твой отец. А твоим именем станет имя моей семьи, самого гордого клана в графстве Уэксфорд».

Если бы Райли мог, он бы закричал.

«Она была ирландка. Теперь я вспомнил, — подумал он. И тут же подумал еще: — Но имя? Как же меня зовут?»

Но тут картинка снова сменилась, и Райли увидел своего отца — большого, теплого человека, склоняющегося над его колыбелькой. Любой сразу заметил бы, как похожи их лица.

«Это секрет, — говорил отец. — Я показываю тебе это только потому, что ты еще не умеешь говорить и никогда об этом не вспомнишь. — Он раскрыл ладонь, показывая лежащий на ней золотой щит с выпуклыми буквами. Буквами Ф, Б и Р. — Эти буквы означают, что я защищаю людей. В особенности одного человека. Забавный маленький мистер Картер. Вон он, ожидает меня на улице».

Малыш Райли проследил за указующим пальцем отца и посмотрел на человека, прохаживающегося перед парадной дверью. Он зашагал прочь, и все, что Райли успел заметить, были начищенные до блеска черные башмаки и перстень-печатка в форме подковы.

Отец Райли покачал головой:

— Этот парень — настоящая головная боль. Все время пытается улизнуть от дачи показаний. Но какой бы он ни был прохиндей, я все равно ему благодарен, ведь если бы не Картер, у меня никогда бы не было тебя, или твоей матери, или твоего сводного брата Тома, вот как. Без Картера и без этой штуковины.

Штуковиной, о которой говорил отец Райли, был пульт, висящий у него на шее на толстом прочном шнурке.

«Благодаря ей я смогу забрать тебя, чтобы показать тебе свой дом. Однажды мы все туда отправимся. Это целый новый мир, сынок».

Сценка опять переменялась. Теперь Том лежал рядом с ним на кровати, где они обычно спали бок о бок, и шептал в темноте:

— Я отлучусь на встречу для взрослых джентльменов на пристани, — сказал он. — Но это между нами, договорились, Райли, малыш? Маме и папе совсем не обязательно об этом знать. А когда я вернусь, то принесу тебе леденцов, а может, и рассказ про поцелуи красотки Энни Бирч.

Райли смотрел, как его сводный брат выскользнул в открытое окно, услышал негромкое оханье и удар подошв о камни, когда Том приземлился на мостовую.

Мгновение спустя малыш почувствовал, что в комнате кто-то есть — в открытое окно чуть повеяло запахом несвежей рыбы. Среди теней возникла фигура человека, сжимающая в руке нож. Ребенку показалось, будто человек вдруг появился на фоне сереющего пятна прямо из ниоткуда.

— Волшебник, — пролепетал он. — Волшебный человек.

Человек двигался так быстро, что его собственная тень в свете слабого ночника, казалось, не поспевает за ним.

Это был Гаррик, и он пришел по делу. Он уже наклонился над ребенком, воздев руку с ножом, чтобы обеспечить его молчание, как вдруг мальчик заговорил снова.

— Волшебный человек.

Что-то странное случилось с лицом Гаррика: мгновенная борьба, а затем на нем проступила улыбка. Не улыбка радости, нет; скорее краткое расслабление напряженных черт.

— Волшебный человек, — повторил он за ребенком. — Когда-то давным-давно...

Услышав эти слова, маленький Райли радостно просиял, ожидая, что за ними непременно последует сказка. И его невинное воркование спасло ему жизнь: обнаружив, что малыш и в самом деле принимает его за волшебного сказочника, убийца решил не приканчивать его, по крайней мере до тех пор, пока не управится с основной работой.

Когда Гаррик вернулся от силы минутой позже с ножом, испачканным в крови, малыш Райли все еще радостно ждал чудесной истории на ночь и встретил его широкой улыбкой во все свои молочные зубки.

— Сказку, волшебный человек, — потребовал трехлетний кроха. — Расскажи сказку.

Гаррик вздохнул, покачал головой и сморгнул при неожиданном появлении странной мысли, которая вдруг пришла ему в голову. После краткого колебания он подхватил мальчика, сунул его под свой плащ и исчез за тем же самым окном, через которое явился.

И теперь внутри червоточкины Райли закричал бы в голос, если бы мог.

«Гаррик убил моих родителей и похитил меня, — осознал он, уже зная, что это правда. — А ведь все эти годы он клялся мне, что спас меня от шайки уличных

людоедов в трущобах Бетнал-Грин. Но это он, он сам сделал меня сиротой».

Райли несколько раз повторил эти слова про себя, чтобы они как следует отпечатались в его сознании — на случай, если он вдруг забудет, когда придет в себя.

«Гаррик убил моих родителей. Гаррик убил моих родителей».

Райли не хотел забывать. Он знал, что память поможет ему сохранять решимость.

«Настанет день, когда я разберусь с Гарриком по справедливости. Или погибну сам».

Путешествие по червоточине постепенно подходило к концу, и пространство-время рассеялось вокруг них, как туманные обрывки глубокого, яркого сна. Райли и Шеврон Савано пришли в себя в подвале в викторианском Лондоне и теперь улыбались во весь рот, охваченные небывалым состоянием, которое Чарльз Сمارт называл «нирваной».

— Гаррик расправился со всей моей семьей, кроме брата Тома, — сказал Райли. — Я и правда круглый сирота.

Шеви обхватила мальчика за плечи:

— Эй, я тоже. Двое сирот вместе против всего мира.

— А мой отец был полицейским, совсем как вы.

— Как я?

— Он был агентом ФБР. Он показывал мне свой блестящий значок и свой пульт.

— Знаешь, каким-то образом я тоже это видела, — сказала Шеви. — Твой папа был федералом. Как такое может быть?

«Это очень важная деталь, — решила она. — Надо будет непременно вернуться к ней, когда в голове немного прояснится».

— Он охранял какого-то человека, который носил кольцо с подковой, — продолжал Райли.

— Кольцо с подковой, — повторила Шеви полусонным голосом, как пациент, приходящий в себя после наркоза. «И ни один из нас не стал обезьяной», — довольно подумала она.

Подвал оказался таким же, каким он будет и через сто лет, разве что стенам не хватало штукатурки, и пол стал земляным; несколько кирпичных столбов поддерживали жилые помещения наверху.

Шеви топнула ногой, и пол отозвался вибрирующим гулом.

— Металлическая плита. Нужна, чтобы приземлиться единым целым. Эта плита специально устроена как ориентир для червоточки, вроде громоотвода.

— Предлагаю убрать ее, — объявил Райли, поднимая руку, словно на голосовании в Палате Общин. — Тогда, если Гаррик сунется за нами, может оказаться, что у него руки растут прямо из задницы.

Шеви с трудом пыталась привести свои мысли в порядок, и шуточки Райли не слишком помогали делу.

— Прекрати нести чушь, — сказала она, глупо хихикая. — Для начала надо убедиться, что у нас у самих все на месте. И давай поразмыслим трезво.

— А я и есть трезвый. Вы же совсем не позволяете мне пить, даже пива.

Шеви сошла с плиты.

— Нужно убираться отсюда. Сделать так, чтобы расстояние между нами и Гарриком оказалось как можно больше. И мне нужно раздобыть оружие. Ты никого не знаешь? Ну, начет ружья какого-нибудь... пиф-паф?

— Паф, — заторможенно повторил Райли. — Пиф-паф.

Шеви потянула Райли с закопанной в землю плиты и заметила висящий в воздухе сияющий диск, похожий на вращающийся серебряный доллар.

— Серебряный доллар, — сказала она тоном светской беседы, указывая на тающую червоточину.

Райли кивнул.

— Люди с мешками, — сказал он тем же тоном, указывая на двух мужчин, которые неслышно спустились в подвал и теперь крались по земляному полу, держа наготове два раскрытых мешка из-под муки.

Шеви заметила и третьего, который появился из-за угла, что-то торопливо дожевывая.

— Не все. У того в руках куриное крылышко...

— Тогда чур мне тоже крылышко, — сказал Райли.

Шеви все еще смеялась, когда на голову ей набросили мешок.

Улица Полумесяца. Сохо. Лондон. Сейчас

Гаррик ввалился в аппарат едва ли через минуту после того, как его жертвы растворились в оранжевом сиянии, и всего за десять секунд до того, как вход в квантовый тоннель тоже исчез. За мгновение до того, как его тело дематериализовалось, та женщина, Виктория, сошла, пошатываясь, по ступень-

кам и прострелила ему здоровую ногу из изящной малокалиберной винтовки. Гаррик же был так сосредоточен на тающей в воздухе червоточине, что забыл приглушить сигналы от своих нервных окончаний. Неожиданный взрыв ослепляющей боли едва не лишил его сознания, что внутри червоточины могло обернуться полной катастрофой. Находясь в пространственно-временном тоннеле, человек должен сохранять свой разум и чувства в рабочем состоянии.

«Сам виноват, — подумал он, — не надо было оставлять старуху в живых».

Последними звуками, услышанными им в двадцать первом столетии, были горькие проклятия старой женщины, призывающей на голову негодяя-убийцы все муки ада.

Гаррик догадывался: то, что он пощадил Викторю, было не совсем его собственным решением. Призрак того шотландского ничтожества, Феликса Смарта, превратился в серьезную помеху, вмешавшись в деятельность его, Гаррика, серого вещества. Те фотографии на стенах и угроза в адрес Виктории пробудили в нем чужие, фантомные чувства, которые сегодня уже дважды остановили его руку.

«Хватит, — подумал Альберт Гаррик. — Этот жалкий покойник больше не сделает меня своей марионеткой».

Когда вспышка оранжевой энергии распылила его атомы, захлестнув их океаном квантовой пены, на Гаррика снизошел покой.

«Я всего лишь дух. Свободный, бессмертный».

Радостное чувство полного довольства охватило фокусника, но тут он почувствовал след страха, который оставил за собой Райли. Этот след привел его к устью червоточины и понес за собой так же легко, как воды Темзы несут сброшенный в нее ночью труп. Когда же конец путешествия оказался близок, он снова собрал свое тело из частиц, исцелив раны и полностью изгнав волю Феликса Смарта из мыслей, сохранив, однако, его разносторонние знания. Это была крайне деликатная операция, и Гаррик подозревал, что она удалась не полностью, однако не сомневался, что отныне в нем не осталось ни капли той слабости шотландца, которая снова помешала бы ему покончить с агентом Шеврон Савано. О нет, больше он не позволит ей докучать ему.

«Клянусь, убийство этой девчонки не вызовет у меня ни малейшего огорчения», — подумал он, и тут его атомы с катастрофической потерей энергии снова слиплись вместе, мгновенно перейдя из газообразного состояния в твердое, по воле Гаррика омолаживая и укрепляя его тело.

«Мои суставы и кости молоды, но мой разум исполнен мудрости и опыта».

Да, он знал, что теперь его возможности не безграничны. Отныне Альберт Гаррик был неспособен к самоисцелению или преобразению внешности, но он чувствовал себя молодым и сильным, а его мозг был полон знаний, принадлежащих двадцать первому веку. И этого было более чем достаточно, чтобы обеспечить себе долгую безбедную жизнь.

Гаррик вышел из червоточины, довольно ухмыляясь...

Улица Полумесяца. Сохо. Лондон. 1898

...и оказался в совершенно пустом подземелье. Улыбка Гаррика увяла, но его разочарование тут же испарилось, как горящий бренди из пудинга.

«Я дома».

Не было никаких сомнений, что он наконец вернулся в свое собственное время. Безошибочно узнаваемая смесь лондонских запахов проникала даже сюда, в подвал. Совокупные испарения трех миллионов душ, да еще доброго миллиона голов разнообразной скотины порождали зловоние, равного которому человечество не знало. Этим зловонием дышали все, все до единого — от королевы в ее дворце до последнего маньяка в камерах Бродмура¹. И спасения от него не было.

Гаррик сделал глубокий вдох, наполняя легкие пропитанным вонью воздухом, и уже второй раз за свою жизнь возблагодарил небеса за гнилой лондонский туман, как его называли сами лондонцы.

— Я дома! — крикнул он, запрокинув голову, и его сердце наполнилось бешеным ликованием.

И этот «дом» скоро почувствует, что Альберт Гаррик вернулся. Пусть Райли и агент Савано снова ускользнули от него — это не имеет никакого значения. Где им прятаться, кроме как в съемных комнатах дешевых трущоб, где они со своими чистыми личиками имеют все шансы нарваться на нож? Конечно, Райли мог бы навести полицейских ищек на Холборн

¹ Знаменитая тюрьма для душевнобольных преступников.

или «Ориент» — прогоревший театр, который Гаррик выкупил и превратил в их с Райли берлогу. Однако, скорее всего, мальчишка не станет нарываться, так что и он, и его защитница наверняка постараются не привлекать к себе внимания властей.

«Выследить их будет проще простого, — с удовлетворением подумал Гаррик. — Райли будет метаться по городу вслепую, я же знаю в нем каждый потайной уголок, и каждую макаку с ножом, которая прячется в его тени. Я загоню их в тупик и добуду из любой щели, если понадобится, так что не успеют горожане опорожнить свои утренние горшки, как на небе уже окажется двумя ангелами больше».

Дом на улице Полумесяца оказался пуст: ни хозяев, ни жильцов, хотя Гаррик почувствовал запах жареной курицы и заметил немало свидетельств тому, что за домом пристально наблюдали: окурки сигарет, пустые пивные бутылки, наскоро сооруженная за углом уборная.

«Кто-то внимательно присматривал за этим местом».

Альберт Гаррик не любил, чтобы на него смотрели, когда он был занят своей основной работой, а не выступал на сцене. Он предпочел бы сейчас потратить время на демонтаж посадочной площадки портала, но раз за домом следят, лучше будет вернуться сюда попозже, когда шум уляжется. Легко взбежав по ступенькам, Гаррик похлопал себя по карманам пальто и с удовольствием убедился, что все три пистолета ФБР успешно преодолели червоточину вместе с ним. И один из них оказался с лазерным прицелом.

«Одного только этого оружия вполне достаточно, чтобы сделать меня богачом, — размышлял он. — Найму какого-нибудь оружейника, чтобы изготовил копии погрубее, и отправлюсь с ними прямым в патентное бюро. Не пройдет и года, как я буду попивать чай с Вандербильтами¹ в Нью-Йорке».

Гаррик пересчитал оставшиеся пули и поклялся себе, что впредь будет стараться убивать своих жертв только холодным оружием, чтобы сохранить драгоценные патроны.

— Тридцать выстрелов — и моя судьба решена, — пробормотал он.

Дом на улице Полумесяца был вполне подходящим убежищем, но отсыревшие почти до высоты колена стены ясно показывали, что это место в качестве засады уже не годилось. Гаррик выскользнул через дверь для слуг на задний двор, перескочил с крыши угольного погреба на забор и легко спрыгнул с него на мостовую переулка, с удовольствием ощущая, как упруго отозвались на удар его помолодевшие кости. Вся боль, вся старческая слабость покинули его тело там, в червоточине.

В подворотне Гаррик пригнулся и замер, проверяя, нет ли за ним хвоста. С удовлетворением убедившись, что никто его не преследует, он выпрямился и спокойно повернул за угол, направляясь в сторону Пиккадилли.

«Через сто лет, — думал он, — я бы не ушел так легко, как сейчас. К тому времени фараоны научатся

¹ Династия американских миллионеров.

использовать отпечатки пальцев, анализ ДНК, поиск следов крови с помощью ультрафиолета... Не говоря уже про камеры на каждом углу и спутниковое слежение. Но сейчас, в моем родном времени, если я чист, то я свободен, и никто не может оспорить этого, кроме разве свидетелей, которые видели преступление своими собственными глазами».

Солнце светило так же, как и век спустя, хотя сейчас ему приходилось напрягаться куда больше, пробиваясь через густой смог. Гаррик заметил впереди мальчишку в знакомой красной куртке чистильщика обуви и окликнул его:

— Эй! Эй, ты! Какой сегодня день?

Мальчишка лениво поплелся через улицу, не заботясь о том, чтобы ступать мимо луж, набежавших из протекающей сточной трубы. Когда он подошел ближе, Гаррик увидел, что его форменная куртка превратилась почти в лохмотья, не столько красные, сколько грязно-розовые из-за многочисленных грубых стирок.

Оборванец хмуро воззрился на Гаррика.

— Ну, сегодня точно не Рождество. А вы точно не мистер Скрудж¹.

Будь сейчас самое обычное утро, Гаррик непременно хлестнул бы малолетнего нахала по чумазой щеке перчаткой, но сегодня он был настроен дружелюбно к большинству жителей старой доброй Англии.

¹ Эбenezер Скрудж — герой повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь», богач и скряга, однажды под Рождество раскаявшийся и решивший раздать деньги нуждающимся.

— Верно подмечено, образованный ты мой. Давай-ка, раздобудь мне кэб до Холборна. И сам полезай в него. Получишь за это шиллинг.

Мальчишка протянул ладонь:

— Только монету вперед, папаша.

Гаррик усмехнулся:

— Вперед, говоришь? Деньги ты получишь только тогда, когда я увижу тебя на запятках моего кэба. Как ты только что остроумно заметил, я не Эбенезер Скрудж.

Мальчишка побежал прочь, громко высвистывая обычный трехсложный позывной для извозчиков, а Гаррик спохватился, что потерял бумажник в червоточине.

«Ни одно путешествие не бывает бесплатным, — подумал он. — Даже путешествие во времени. — И тут же его посетила еще одна мысль: — Надеюсь, мальчишка согласится подождать с оплатой. Не хотелось бы начинать день с убийства в такую рань».

Для Райли и Шеврон Савано утро тоже началось не совсем гладко. Чуть ли не за секунду до появления Гаррика в подвале, парочка путешественников во времени была упакована в холщовые мешки, крепко обмотана веревками и довольно грубо втащена на один лестничный пролет вверх.

К тому времени, когда Шеви стряхнула с себя блаженное оцепенение после прохождения червоточины, выяснилось, что она лежит на спине на гладких досках пола, а в горло ей упирается чье-то колено. Она

попыталась окликнуть Райли, но единственный звук, который смогла издать ее пережатая трахея, был похож на хриплое карканье.

Тем не менее даже этого карканья оказалось достаточно, чтобы вызвать раздражение ее пленителей, потому что один из них довольно крепко приложил ее по макушке.

— Прикрой варешку, мисс, — приказал он. — Мы, знаешь, устали и проголодались, и не в настроении шутки с тобой шутить.

Вместо ответа Шеви как следует пнула его пяткой в колено.

«А как тебе такие шутки? Весело?» — хотелось спросить ей, но все, что ей удалось из себя выдать, это хриплое бульканье.

Ушибленный тюремщик яростно взвыл, что явно развеселило его товарищей.

— Ой, Дживс, не покалечила тебя эта злая девчонка? — поинтересовался один из них, судя по запаху, тот самый, который жевал куриное крылышко.

— Может, тебя отвести в больницу, или тебе совсем тяжело? — добавил второй, шумно фыркая от смеха.

Пострадавший оправился, но в отместку снова треснул Шеви по голове.

— Слышите, а они нам оба нужны? Может, Маларки хватит и одного, чтобы вытрясти из него, что нужно?

Услышав имя Маларки, Райли в своем мешке вздрогнул: «Отто Маларки? Король Таранов? С чего это он вдруг ими заинтересовался?»

Поскольку Райли на горло никто не давил, он решил высказаться.

— И кто же из вас, придурков, желает похвастаться мистеру Маларки, что прикончил его родственника?

Брошенный в пространство вопрос вызвал краткую паузу, после чего слово взял тот, кого называли Дживсом.

— Хо-хо! Отличный блеф, пацан. Такое наглое вранье даже приятно слушать, верно, мистер Нобль?

— Ты так думаешь, Дживс? — отозвался неведомый Нобль. — А мне вот совсем не приятно.

— Это не блеф, — продолжал Райли сквозь мешок. — То, как вы нас упаковали, само по себе унижительно, но если вы еще и посмеете нам угрожать, то к ночи окажетесь в реке.

Нобль присвистнул:

— Маларки и правда любит наведаться ночью на реку, чтобы сказать кому-нибудь прости-прощай.

— Можно заткнуть этих двоих вполне безопасным способом, — сказал третий.

Райли услышал хлопок выдергиваемой из бутылки пробки, и резкий запах тут же перекрыл мускусную вонь мешковины.

«Эфир! — подумал он. — Вырубить нас хотят».

— Шеви! — позвал он. — Закрой рот.

— А я ей только что так и сказал, — гоготнул Дживс.

Прикрывающая лицо Райли мешковина увлажнилась, от пахнущей эфиром ткани повеяло холодком. Он крепко сжал губы и попытался как можно дольше

задержать дыхание, но тут один из мужчин крепко ткнул его под ребра, заставив резко вдохнуть пропитанного эфиром воздуха.

«Только бы Гаррик сюда не добрался, иначе нам уже не проснуться», — была его последняя мысль перед тем, как его разум потонул в темноте, как брошенный в полночную Темзу камень.

Райли все-таки дожил до пробуждения. Но прежде чем открыть глаза и выяснить, какие еще страсти его ожидают, он немного полежал без движения, снова прокручивая в сознании видения, посетившие его в червоточине.

«Моя семья жила в Брайтоне, где отец служил в ФБР. Моя мать была ирландка... и самая красивая женщина из всех, что мне доводилось видеть. Мой приятель Рыжик — это на самом деле мой сводный брат Том. Гаррик зарезал моих маму и папу за деньги. Но кто заплатил ему за эту работу? И неужели мой отец был из будущего? Как же это все между собой увязывается? И где сейчас Том?»

Информации было слишком много, чтобы заглотить ее одним глотком. Все, чему он до сих пор верил, оказалось сплошной ложью, которую Гаррик лил ему в уши год за годом.

Райли открыл глаза и с облегчением убедился, что теперь может видеть.

Еще одним поводом для радости была Шеврон Савано, которая сидела напротив него, привязанная к прочному стулу. Больше поблизости никого не было. Как смог оценить Райли, Шеви связали не слиш-

ком профессионально, но старательно и разнообразно, используя все, что попало под руку: туловище было обмотано толстой веревкой, щиколотки стянули наручниками, а локти и запястья — жгутами, скрученными из вощенной бумаги. Шея была притянута к высокой спинке стула кожаным шнурком.

«По крайней мере пульт все еще при ней», — подумал мальчик, разглядев его контуры под рубашкой Шеви.

Даже не взглянув вниз, Райли уже знал, что связан точно так же.

— Шеви, — прошептал он так громко, насколько хватило смелости. — Агент Савано. Встряхнитесь.

Шеви открыла глаза и заморгала, разгоняя эфирный туман.

— Райли! Ты как?

— Я в порядке, агент. Эта эфирная муть быстро проходит, уж поверьте — у меня есть опыт.

— Давай доставай свою отмычку, — сказала Шеви. — Сначала освободись сам, потом меня развяжешь.

Райли повертел лодыжкой, прислушиваясь к ощущениям.

— Отмычки нету. Потерял где-то во время всей этой суеты, а может, ее прибрали те люди, что затащили нас сюда.

Шеви свирепо засопела, как разозленный бычок.

— Отлично. Значит, мы так и будем сидеть здесь, упакованные, как индейки на День благодарения, и ждать, пока не появится тот тип по имени Маларки. Кто он хоть такой?

— Отто Маларки имеет большой вес в городе. Он верховодит шайкой громил под названием Тараны, которые пасут всех, от наперсточников до опиумных дальцов, и везде имеют свой кусок. В Большом Котле никто не смеет и шагу сделать, не отвалив доли мистеру Отто Маларки.

— Я понимаю от силы половину того, что ты говоришь, — призналась Шеви, — но по тому, что я поняла, можно догадаться, что у нас очередные проблемы.

Райли огляделся. Они сидели в каком-то просторном складском помещении, судя по холоду и сырости, где-то в подвале. Вдоль стены в полумраке покачивались телячьи туши, подвешенные на крюках к потолочной балке; сквозь щели между плохо пригнанными досками над головой сочился свет. Сверху доносился приглушенный шум, характерный не то для торговых рядов, не то для разнузданного веселья, то и дело прерываемый звуками ударов или гневными воплями. Иногда через щели капало что-то жидкое. Райли распознал вино, пиво, а один раз даже тонкий ручеек крови.

— Ну, на корм свиньям нас еще не пустили, Шеви. А теперь расскажите мне историю.

Шеви удивленно воззрилась на него:

— Рассказать историю? Слушай, Райли, я как-то не готова к таким просьбам.

Райли начал методично напрягать и расслаблять мышцы.

— Я ученик Гаррика по части убийств и фокусов. Одной из наук, которым он обучал меня, было умение освобождаться от любых пут. Но справить-

ся с этими будет чертовски непростым делом. Я не знаю, какие узлы они использовали, и не припас никаких инструментов. Поэтому расскажите мне что-нибудь, пока я пытаюсь выбраться на свободу и помочь вам тоже.

Шеви озадаченно помолчала.

— Но я не знаю никаких историй, Райли. По книжкам я не спец. Правда, хорошее кино я люблю.

— Тогда расскажите мне что-нибудь про себя. Почему у вас такая странная наколка?

Шеви бросила взгляд на свой правый рукав, под которым на плече скрывалась татуировка.

— Шеврон? Ну да, это, пожалуй, может сойти за историю.

— Возможно, это ваш последний шанс рассказать ее.

— Тоже верно.

Она сердито подергала наручники.

— Поверить не могу, что все это происходит на самом деле. Как меня угораздило попасть в западню в прошлом?

Наручники не поддавались, только гремели, так что Шеви скоро утомилась.

— Ну ладно. Значит, хочешь послушать про мою татуировку?

Тело Райли было напряжено, как доска, лицо блестело от пота.

— Да. Пожалуйста.

Шеви прикрыла глаза, стараясь представить себя не в прошлом, а в своем собственном прошлом — том, которое в будущем....

— Мои мать и отец выросли в резервации индейцев шауни в Оклахоме. Тогда эти земли называли трастовыми. Как только мой отец смог заработать себе на мотоцикл, мама прыгнула на сиденье ему за спину, и они уехали, прокатившись через всю страну. Поженились в Вегасе, потом осели в Калифорнии. Чуть позже на свет появилась я, и папа рассказывал мне, что пару лет все шло просто отлично, пока маму не убил медведь около Ла Верна. — Шеви потрянула головой, словно до сих пор никак не могла смириться с этим фактом. — Нет, ты можешь себе представить? Коренная американка отправилась в обычный туристический поход, и ее убил медведь. Отец так и не смог оправиться после этого. Нет, мы жили вполне счастливо, ничего особенного, но он стал крепко попивать. «Когда умирает любовь, — сказал он мне однажды, — выживших не остается».

Шеви помолчала немного, наверное, в миллионный раз сожалея о том, что не может вспомнить лица мамы.

— Мы прожили вдвоем десять лет, пока его мотоцикл не взорвался на Тихоокеанском шоссе. У папы была точно такая же татуировка, как у меня. Знак шеврона. Меня называли в честь этого символа.

— Называли в честь символа? Какой странный обычай.

Шеви насупилась:

— Ты сам просил историю, забыл?

Райли сосредоточенно покрутил рукой, отводя локоть назад.

— Простите, агент. Пожалуйста, продолжайте.

— У отца была такая же татуировка. На том же плече. Он рассказывал мне, что во времена войн шауни все мужчины из рода Савано носили такой знак. Уильям Савано сражался вместе с Текумсе¹ в Моравиантауне против колонизаторов. За каждого убитого в бою офицера Уильям рисовал себе на плече кровью шеврон, как сержантский знак. Все знали его как грозного воина. И вот, в память об Уильяме, все Савано носят этот знак на своей руке. Я — последняя из рода Савано, поэтому тоже ношу это имя и знак. Впервые они достались девушке.

— В самом деле, замечательная история, — отозвался Райли, стряхивая с себя все путы, кроме наручников. — И хорошо рассказана.

— Ага. Жаль только, что моя болтовня не поможет тебе избавиться от браслетов.

Райли подмигнул ей:

— Это винтовые браслеты. И тот лопух, который надевал их на меня, здорово облажался. Видите эти валики? Они должны быть внизу.

— Почему?

— Потому что, если они окажутся сверху, пленник может сделать вот так...

Райли свел кисти рук как можно ближе друг к другу, сцепил большие пальцы и с помощью противопоставленных пальцев принялся развинчивать наручники.

— Вуаля! — сказал он через несколько мгновений, отвешивая глубокий поклон.

¹ Вождь шауни, боровшийся против американской колонизации исконно индейских земель.

С хлипкой лестницы, ведущей куда-то наверх, раздалось медленное рукоплескание, которое эхом прокатилось по комнате.

— Браво, парень. Молодец.

По лестнице неторопливо спускался громадный здоровяк, и ступеньки жалобно постанывали под каждым его шагом.

— Отто Маларки, — прошелестел Райли. — Большой босс собственной персоной.

Маларки играючи перепрыгнул через последние три ступеньки, легким взмахом руки отодвинув закачавшиеся на цепях коровьи туши. Лет ему могло быть сколько угодно. На нем были кожаные штаны и пиратские сапоги, рубашки на своем могучем торсе он не носил вовсе, а из-под блестящего шелкового цилиндра на плечи ниспадали буйные локоны. На бедрах у него висели два револьвера в ковбойских кобурах, в одной из мясистых лап он покручивал хлыст.

— У тебя выдающийся талант, парень, — сказал он, и его гулкий бас эхом отразился от потолка. — Разумеется, этот тупой пень Дживс даже наручники толком нацепить не может. Знаешь, ты бы пригодился мне в Таранах. С такой чистенькой мордашкой и полным набором зубов ты мог бы стать отличным наводчиком в Мэйфэйре и других местах, где живут одни аристократы и где мои олухи притягивают ищеек, как свежий конский навоз — зеленых мух.

Маларки шагнул вперед, выступив из тени, и Шеви разглядела у него на плече татуировку — наверху тарана в виде круторогой бараньей головы, а на широкой груди — пространный ценник:

Избить — 2 шиллинга
Подбить оба глаза — 4 шиллинга
Сломать нос и челюсть — 10 шиллингов
Избить до потери сознания — 15 шиллингов
Отгрызть ухо — 15 шиллингов
Сломать руку или ногу — 19 шиллингов
Прострелить ногу — 25 шиллингов
Пырнуть ножом — смотри выше
Мокрая работа — от 3 фунтов и выше

Маларки перехватил ее взгляд и ухмыльнулся:

— Это лишь некоторые из услуг, предоставляемых Таранами населению. Конечно, мой статус растет, а вместе с ним и цены. Я собирался обновить чернила еще тогда, когда меня выпихнули из тюрьмы Литл-Солти. Я был королем в той навозной яме. А теперь, — продолжил он, раскинув бугрившиеся мышцами руки пошире, — я король самой большой в мире навозной ямы.

Райли осторожно обошел великана кругом.

— А зачем вам понадобились мы, мистер Маларки? Почему Тараны следят за этим подвалом?

Маларки пнул освободившийся стул Райли с такой силой, что тот с грохотом покатился по полу.

— Ну и наглый ты щенок... задавать мне вопросы в моем собственном джентльменском клубе. Тараны подписали контракт на убийство любого, кто покажется в этой берлоге. Последние два года мы тут, считай, получали стипендию — приглядывать приглядывали, а делать ничего не приходилось. И это все, что тебе положено об этом знать.

— Разумеется, простите, босс. Я виноват.

— Нет, вы только посмотрите на него, — хмыкнул Маларки. — Манеры, обходительное обращение... надо полагать, это я тебя так воспитал, а? Раз уж ты мой родственник и все такое.

Он захохотал, распространяя запах сигарного дыма и виски.

— Ты за словом в карман не лезешь, парень, и это сохранило вам обоим жизнь. Ей-богу, ты куда сообразительнее, чем те тупицы, которые приволокли вас. Сказали, что вы появились из ниоткуда, как по волшебству. Действительно, подыщу-ка я тебе местечко в Таранах. А девчонка, скорее всего, ценности не представляет.

Отто присел на корточки возле Шеви, зажал пальцами прядь ее волос и втянул носом их запах. — Гляди-ка, мисс, какие у тебя шелковые волосы. Как ты делаешь их такими блестящими?

— Очень просто, мистер Маларки, — со сладкой улыбкой отозвалась Шеви. — Сначала задаю трепку Таранам, а потом прополаскиваю свои шелковые локоны слезами их позора.

Брошенное прямо в лицо неприятелю подобное замечание выглядело в лучшем случае непрофессиональным, а в худшем — безрассудным, на грани слабоумия. Однако, как поучал своих курсантов Корд Валликозе в Куантико на занятиях по «Тактике ведения переговоров»: «В определенных ситуациях, например, если вы имеете дело с психопатом или самолюбленным «нарциссом», агрессивные выпады могут оказаться полезны. Они привлекут внимание того, кто

захватил вас, и склонят его продержать вас в живых подольше». Шеви хорошо помнила это высказывание наставника, частенько оправдывая им собственную привычку огрызаться по любому поводу. Но Райли, который никогда не бывал на упомянутых лекциях, никак не мог взять в толк, зачем Шеви то и дело стремится вызвать раздражение людей, в чьих руках они оказались.

— Не слушайте ее, она дурочка, — торопливо выпалил он. — Знаете, наакалась однажды настойки опия и свалилась с высокой стены... Ее шарики-ролики так из ушей и посыпались.

Маларки в замешательстве поднялся и медленно прошелся туда-сюда, не зная, как реагировать на подобную выходку.

— Ушам своим не верю, — пробормотал он с некоторым изумлением. — Я вообще-то не привык выслушивать от людей дерзости... И тут впервые в жизни встречаю леди из настоящих индейцев, а она тут же начинает хамить мне в лицо. Что же делать достойному предводителю разбойничьей шайки, а?

Маларки задумчиво похлопал хлыстом по массивной ляжке:

— Интересное дело, ребятишки. Мой предшественник честно подписался на то, чтобы присматривать за тем домом на улице Полумесяца и свернуть шею всякому, кто вздумает там объявиться. И вот передо мной встала дилемма. С одной стороны, не мое дело выяснять, почему тот, кто нанял нас, так жаждет вас прикончить, но с другой стороны, Отто Маларки не

любит убивать без причины, особенно щенят вроде тебя, парень, которые могли бы мне пригодиться. Однако братство уже взяло деньги за эту работу, и Таранов никто не упрекнет в ненадежности.

Райли пришла в голову одна мысль.

— Но вы ведь не можете убить другого Тарана.

— Ты и впрямь быстро шевелишь мозгами, парень. Да только ты пока не Таран. Чтобы стать им, нужно родиться в братстве или завоевать себе место в нем в честном бою. А ты, при всем уважении к твоим талантам, хоть и можешь вскарабкаться по водосточной трубе, но не сможешь согнуть ее.

— Поверьте, я способен вас удивить, — сказал Райли и в подтверждение своих слов высоко подпрыгнул, взвившись в воздух, и с силой рубанул рукой по пустому стулу.

— Неслабо, — согласился Маларки, отряхивая щепки со своих кожаных штанин. — Но я в пять минут отыщу хоть дюжину парней, которым такие штуки нипочем. Мне нужно что-нибудь поартистичнее, понимаешь... немного театра. Людям надоело просто смотреть, как безмозглые громилы тупо молотят друг друга.

Райли протянул ему запястья:

— Наденьте на меня наручники, и я все равно отлуплю любого, кого вы выставите против меня.

— Прямо не знаю. Нам ведь уже заплатили.

— А разве вам не хочется узнать, почему тот человек хочет нашей смерти? Знание — сила, разве не так? А настоящему королю всегда требуется и то, и другое.

Маларки снова похлопал хлыстом по бедру.

— Ты, конечно, одаренный парень, но больно уж разговорчив. А я усвоил, что в нашем деле обычно куда разумнее держать рот на замке, делать свою работу и задавать поменьше вопросов. Да, я хотел бы знать, почему столь выдающийся человек хочет от вас избавиться, но в этой игре, если знаешь слишком много, можешь лишиться головы куда раньше, чем если не знаешь почти ничего.

Шеви вдруг осенила идея:

— А что, если драться буду я, а, здоровяк? Как тебе такой вариант?

Хлыст Маларки замер на половине взмаха.

— Ты? Драться? Нет, у нас такое не пройдет. Мы вообще стали допускать дамочек в наше Тайное Логово совсем недавно.

Но Райли уже просчитал все на три хода вперед.

— Мистер Маларки, эта леди владеет особыми боевыми искусствами индейцев. Я своими глазами видел, как она одним ударом сбила с ног вооруженного казака... и его лошадь. По ее виду не скажешь, но она неистова в схватке, сэр. Дальновидный человек может заработать немалые деньги, делая ставки на Шеви.

Маларки задумчиво почесал ценник на своей груди.

— Шансы будут неравные, а значит, и ставить на нее будут немного. Но каждый сражается только за одно место. Выходит, ты, парень, опять остаешься не у дел.

— Никаких проблем, — заявила Шеви. — Выставьте двух ваших лучших бойцов, и я побью их обоих.

Маларки изумленно хохотнул:

— Двоих? Говоришь, побьешь двоих сразу? — Он подмигнул Райли: — И какой высоты была та стена, с которой она навернулась?

Красная перчатка

Театр «Ориент». Холборн. Лондон. 1898

Альберт Гаррик испытывал к театру «Ориент» смешанные чувства. С одной стороны, он слишком дорожил воспоминаниями о своей жизни в бытность иллюзионистом, чтобы расстаться с ними навсегда; с другой, вид давно стоящего без применения реквизита к некогда знаменитым фокусам причинял ему боль.

Сейчас он бродил по сцене, то подтягивая кое-где веревки, то поправляя зеркала, и каждое прикосновение к этим чудесным приспособлениям рождало на его лице грустную улыбку.

«Ах, эти китайские водяные чаши. Как публика рукоплескала мне тогда, в Блэкуле. «Ломбарди, — кричала она. — Ломбарди, Ломбарди».

Гаррику пришло в голову, что теперь, когда его физическое состояние многократно улучшилось, ему стали посильны практически любые фокусы.

«Я стал гораздо гибче, так что мог бы выбраться даже из газового сифона. Право, Великий Ломбар-

ди мог бы сделаться величайшим иллюзионистом в мире».

Какая соблазнительная идея — разъезжать по всей Европе, от одного королевского дворца к другому, поражая воображение монархов и правителей. Носить бархатную мантию, расшитую самоцветами...

Как много возможностей!

Гаррик отправился на кухню и, не присаживаясь, перекусил мясом и сыром с горбушкой слегка зачерствевшего хлеба и графином водянистого пива.

«Конечно, мне понадобился бы ассистент. И на этот раз я выбрал бы его более рассудительно и не стал бы с ним миндальничать. Я был чересчур мягок с Райли. Это его и испортило».

Поев, Гаррик вернулся на сцену, сдернул с гвоздя свой бархатный плащ и набросил его на плечи. А потом, поддавшись сентиментальному порыву, вызванному чувством одиночества, водрузил на голову шелковый цилиндр, принадлежавший самому Ломбарди.

«С этими ассистентами столько хлопот, — размышлял он. — Учишь их, воспитываешь, а они вдруг становятся самостоятельными личностями, со своими собственными желаниями и предпочтениями».

Сабина тоже причинила ему немало страданий. Разве не ее вероломство вынудило его отказаться от совместных выступлений?

«Но она была так прекрасна. Само совершенство».

На него навалилась усталость, бороться с которой уже не было сил. Тогда он уселся в кресло, стоявшее на невысоком круглом возвышении посреди сцены,

и решил часок-другой вздремнуть перед тем, как выйти на охоту на Райли и Шеврон Савано.

И, как это с ним часто случалось, во сне он увидел Сабину. Свою самую первую, самую прекрасную ассистентку. Совершенство. До тех пор, пока...

Поначалу молодому Альберту Гаррику казалось, что на смену кошмарам его юности пришла совсем новая, чудесная жизнь. Благодаря обучению у Ломбарди он достиг мастерства в своем деле, а когда итальянца не стало, ловко занял его место. Ни одно представление не было отменено, и Сабина с явным удовольствием возобновила свой контракт.

Потерявший голову от любви, Гаррик осыпал девушку всевозможными свидетельствами своего обожания, на которые та отвечала радостными восклицаниями, порывисто обнимала его, называла своим Альбертом и целовала в щечку. Впервые в жизни Гаррик чувствовал себя счастливым, и даже его привычные ночные кошмары, заполненные кровью и холерой, потускнели и стали являться все реже и реже.

К несчастью для молодого Гаррика, сердце Сабины было так же холодно, как и блестящие побрякушки, к которым она питала большую слабость. Девушка никогда не оставляла намерения бросить своего нанимателя при первых же признаках появления более многообещающего варианта.

Летом 1880 года молодой Альберт Гаррик — теперь уже Великий Ломбарди — занимал в списке звезд театра Адельфи второе место после известного драматурга и актера англо-ирландского происхождения

Дайена Бусико, когда стал замечать, что Сабина то и дело принимается флиртовать с одним из осветителей сцены, молодым парнем по имени Сэнди Моргамилтон. Это не только уязвило Гаррика, но и изрядно удивило его: обычно Сабина не тратила времени на обслугу. Однако, проведя небольшое расследование, Гаррик выяснил, что Моргамилтон вовсе не был безродным бедняком. Напротив, он являлся наследником процветающей компании, занятой торговлей кофе, а в театр Адельфи он был направлен на год, чтобы вывести это заведение из имущества компании.

«А раз я сумел выяснить, кто такой на самом деле Сэнди Моргамилтон, значит, это могла сделать и Сабина», — рассудил Гаррик. Он начал внимательнее присматривать за парочкой, обнаружив незаурядные способности к слежке, которые немало послужили ему и в дальнейшем. День за днем он с болью в сердце наблюдал, как женщина, которую он боготворил, отдавала все свое внимание пустоголовому, ничем не примечательному юнцу, единственным достоинством которого было знатное происхождение.

Любовь Гаррика быстро превратилась в ненависть, и эта тщательно скрываемая ненависть обратилась внутрь него самого, кислотой разъедаая его душу. Вся история завершилась трагедией в третье воскресенье июня, во время утреннего выступления. Готовясь вонзить стальные сабли в щели реквизитного «саркофага» в фокусе с распиливанием, он заметил, что взгляд Сабины направлен куда-то вверх, на проходящие над сценой мостки. К удивлению иллюзиониста, паршивка даже послала в небо воз-

душный поцелуй. Гаррик наклонился ближе, чтобы сделать ассистентке строгий выговор, и, не веря своим глазам, увидел в глазах любимой отражение сидящего наверху соперника.

Гаррика охватила безумная ярость, и он вонзил центральный клинок в щель, не повернув рукоятки. Это означало, что у Сабины не было ни единого шанса увернуться от острого сабельного лезвия.

Ярость Гаррика тут же сменилась холодным удовлетворением. Махнув Моргамильтону окровавленной перчаткой, он метнулся с подмостков за кулисы, а оттуда через заднюю дверь выскочил на улицу и растворился в ночи. С тех пор он никогда не возвращался в Адельфи, хотя суеверный театральный люд не раз клялся, что смертельно опасный призрак по прозвищу Красная Перчатка все еще бродит по театру, выискивая человека, который наставил ему рога.

Наказания за это убийство Альберт Гаррик так и не понес, потому что, по иронии судьбы, вскоре его обвинили в преступлении меньшей тяжести. Два дня спустя оставшийся без крова и ангажемента фокусник напал на своего молодого соперника возле театра «Ковент-Гарден» и избил его до полусмерти. Приговор суда оставил ему выбор: длительное заключение в Ньюгейтской тюрьме или отправка в составе королевских войск в Афганистан, куда поезд отбывал тем же вечером. Гаррик выбрал последний вариант, и к закату его впихнули в набитый солдатами вагон, отправляющийся в Дувр. Никто так и не догадался, что шляпа Великого Ломбарди плотно сидела на голове того же Альберта Гаррика. В Афганистан он

прибыл как раз к моменту знаменитой Кандагарской битвы, где успел покрыть себя кровавой славой. После этого ему был пожалован чин офицера, и он мог бы сделать себе карьеру в армии, но Гаррик рассудил, что заработает больше, если будет действовать сам по себе.

— Сабина, — пробормотал Гаррик про себя, почти в полусне. — Райли.

Гаррик был в «Ориенте» не один. На самом деле, здесь уже пару дней дежурила компания весьма сомнительных личностей, терпеливо поджидающих возвращения Гаррика с задания на Бэдфорд-сквер. Это были не обычные проходимцы-соглядатаи, а троица прожженных головорезов, тщательно отобранных для выполнения серьезной работы. Их главарь считал их самыми кровожадными в своей шайке, а потому доверил им это задание, которое изрядно обогатило казну преступного братства.

— Всего одно тело? — спросил мистер Персивал, самый бывалый из троицы, любитель похвастаться тем, что каждое десятилетие своей жизни он отмечал по крайней мере одним убийством на каком-нибудь другом континенте.

— Да, но непростое, — заверил его босс. — Работенка как раз для ваших объединенных талантов. С этим типом держите ухо востро, ребята, и никаких полумер, если не хотите сами заглянуть в пасть Старому Нику. Когда он, дождитесь, пока он уляжется спать, и только тогда принимайтесь за дело. Ждите столько, сколько понадобится. Все ясно?

Головорезы покивали с несколько преувеличенной искренностью, ссылая в карманы уплаченные авансом гиней, но как только босс удалился, поздравили друг друга с такой непыльной работой.

— Повезло нам, ребята, — поделился Персивал радостью со своими компаньонами. — К закату этот Гаррик будет валяться с кишками наружу на подмостках того пыльного театра, а мы уже будем уплетать жаркое из баранины в лучшей харчевне по соседству.

И вот теперь Персивал и двое его приятелей вылезли из-за кресел партера в зрительном зале «Ориента» и бочком стали пробираться к боковым проходам. Первый двинулся влево, второй — вправо, а сам Персивал зашагал прямо вперед. Если не считать долгого и скучного ожидания, дело представлялось простым, как медный пенни: пресловутый Гаррик оказался совсем не похож на воплощенную смерть, как предостерегал их босс. Он сам выполз на середину сцены и уселся там, очевидно, чтобы немного соснуть, уронив голову на грудь. Отважная троица решила подкрасться к нему с разных сторон, а затем напасть, обнажив оружие.

Персивал взвесил в руке тяжелый тесак на короткой ручке, который некогда приобрел по случаю в одной лавке в Калифорнии, а потом успешно использовал, чтобы примерно наказать нахального подростка, посмевшего указывать на него пальцем. Второй, которого все знали исключительно под именем Турок, предпочитал орудовать старинным кривым ятаганом, который столетиями хранился в одной семье, пока Ту-

рок не решил его присвоить. Третий из их компании, шотландец с необычно короткими ногами, привычно зажал в пальцах остро заточенный крюк для сена, который, без сомнения, повидал на своем веку куда больше окровавленных глазниц, чем тюков с соломой. При себе у шотландца по кличке Фунт был еще и пистолет, однако пули к нему обходились недешево, а если первый выстрел окажется мимо, то это может всполошить жертву, поэтому решено было проделать всю работу без лишнего шума, действуя исключительно холодным оружием.

Упомянутая троица уже не в первый раз отправлялась на дело вместе, так что ее участники успели разработать систему кивков, свистов и прочих сигналов, которые исключали необходимость разговаривать во время работы. Болтливые убийцы в Лондоне обычно не заживались. Персивал считался у них за командира, поэтому остальные ждали его указаний. Дважды ткнув своим тесаком в стороны, он отправил их на фланги, на тот случай, если Гаррик попытается бежать при виде приближающегося Персивала. Но это вряд ли, потому что Персивал издавал шума не больше, чем шелестящая на ветру листва в Гайд-парке. Турок и Фунт уже смирились с фактом, что само убийство, как обычно, будет совершено их предводителем.

Персивал поднялся на мостик и перебрался через оркестровую яму, поигрывая тесаком и предвкушая чвакающий звук, с которым он снесет жертве верхушку черепа.

«Еще четыре шага, и можем отправляться с ребятами угощаться бараниной. Еще три шага».

Персивал резко вспрыгнул на подмости, точно зная, что на таком расстоянии от гибельного замаха его орудия не увернуться ни человеку, ни зверю.

«С такого расстояния я завалю даже медведя», — подумал он.

Тесак взмыл высоко в воздух и с чудовищной силой обрушился вниз. Но рассек только пустое кресло, споров обивку и глубоко врезавшись в деревянную спинку.

Мозг Персивала никак не мог осознать, каким образом очевидное вдруг стало неверным.

— Магия, — произнес чей-то голос. — Все не то, чем кажется.

Персивал рывком высвободил тесак и развернулся в ту сторону, откуда донеслись эти загадочные слова. На углу стояла их жертва — Гаррик собственной персоной, завернувшись в мантию фокусника.

— Как вам нравится мой наряд? Выглядит немного театрально, согласен, но ведь у нас здесь, в конце концов, представление.

«Он не знает про остальных, — решил Персивал, — иначе бы не болтал тут всякую ерунду».

Персивал свистнул двумя нотами — повыше и пониже. Сигнал Турку, чтобы он вышел из своего укрытия в складках плюшевого занавеса.

Турок двигался еще бесшумнее, чем Персивал, потому что носил шелковые шлепанцы, которые искренне считал лучшей обувью для мокрых дел. Он подкрался к Гаррику со спины и хотел ухватить его за плечо, чтобы развернуть и нанести удар ятаганом, но вместо человеческой плоти его пальцы коснулись холодного стекла.

«Зеркало, — догадался Турок. — Меня провели».

Ужас свинцовым якорем провалился в его внутренности — ему хватило ума сразу понять, что это конец.

Отражение Гаррика шагнуло к нему прямо из зеркала, вынув ятаган Турка прямо у него из рук.

— Он тебе больше не понадобится, — сказала отражение Гаррика, и воткнуло кривой клинок прямо в сердце Турка.

Турок умер в полной уверенности, что его убил призрак. Его последним желанием было вернуться потом на это место бесплотной тенью и выяснить, каким же образом простые с виду события привели к его собственной гибели. Но, увы, загробная жизнь устроена несколько иначе, особенно для закоренелых убийц.

Персивал хотел немедленно броситься в атаку, но не мог понять, куда подевался враг. Позади него слышался угрожающий скрип и, обернувшись, он увидел, как сверху опускается какая-то непонятная здоровенная штука. Штука была круглой формы и представляла собой кусок ткани, натянутый на деревянный обруч. И на ее передней поверхности были нарисованы концентрические круги.

— Разрази меня гром, — пробормотал Персивал. — Это мишень.

— Разрази тебя гром? — проговорил тот же голос из полумрака зрительного зала. — Боюсь, ты немного не понял сути... но это ненадолго.

Персивал попятился, пока его лопатки не уперлись в мишень, так что голова оказалась как раз на уровне яблочка. И, прежде чем до него дошло, что это озна-

чает, из темноты на него со свистом обрушился целый град острых предметов.

«Мне крышка», — подумал Персивал, зажмуриваясь.

Однако это был еще не конец. Примчавшиеся из мрака разнообразные ножи, вилки, мечи и штыки не убили его, но накрепко пришили к полю мишени, пролив от силы пинту его крови.

Случайно это вышло, или так и было задумано? Ответа Персивал не знал, но обнаружив, что все еще дышит, воззвал во всю силу легких к своему последнему подельнику.

— К черту клинки, Фунт. Пристрели его!

Фунт послушно выскочил из укрытия и принялся водить пистолетом из стороны в сторону, выискивая, в кого стрелять.

— Ты где, Гаррик? А ну покажись!

Видимо, Гаррик снова воспользовался каким-то хитрым механизмом, потому что вдруг оказался на том месте, где секунду назад его не было. В резком свете зажженных софитов лицо его казалось смертно-бледным, черные волосы развевались над плечами.

— Напав на меня в моем доме, вы нанесли мне тяжкое оскорбление. Слышите? Оскорбление.

— Кончай трепаться и стой спокойно, — велел Фунт.

— Чтобы тебе было удобнее застрелить меня? Странная просьба. Ну что ж, как скажешь. Жми на курок да целься получше, потому что если ты промахнешься, то я — нет.

На первый взгляд все козыри были в руках у Фунта, но, увидев своего босса, распыленного на мишени, он занервничал.

— Да пристрели же его! — рявкнул Персивал. —
Даже обезьяна способна на такой выстрел.

Гаррик раскинул руки в стороны:

— Стреляй, шотландец. Прах к праху.

Фунт сморгнул, сглатывая с ресниц пот, и с удивлением попытался понять, каким образом такая легкая работа вдруг обернулась сущим наказанием.

— На колени, Гаррик.

— Ну уж нет. Нет такого человека, перед которым я преклоню колени.

Персивал задержался, тщетно пытаясь избавиться от пригвоздивших его ножей.

— Да стреляй же, Фунт! Жми на чертов курок.

— Слабак, — сказал Гаррик насмешливо. — Трус.

Фунт выстрелил. Струйка голубого дымка взвилась над отверстием ствола, оглушительный грохот прокатился по театру, и верхняя часть туловища Гаррика на мгновение словно окуталась облаком.

Когда дым рассеялся, Гаррик стоял на том же месте, целый и невредимый, и без заметных изменений в своем облике... кроме разве следов крови на зубах и с зажатой в них пулей.

— Господи помилуй, — просипел Фунт. — Он поймал пулю. Да он не человек вовсе...

— Стреляй снова, дубина! — заорал Персивал. — У тебя же револьвер в руках!

— У тебя был всего один шанс, — процедил Гаррик сквозь зубы. — Нет, теперь ты стой. Сейчас мой выстрел.

Фунт настолько растерялся, что его ноги намертво застыли на месте, а по обветренным щекам покатились слезы.

— Но у тебя же нет пистолета.

Гаррик поднес сложенные пальцы ко рту и подышал на них, словно разогревая, а затем бросил пулю с такой силой, что она пробила Фунту лоб. Тот рухнул на подмости там же, где стоял.

Тут-то Персивалу стало ясно, в какой трясине он увяз.

— Прошу вас, мистер. У нас в карманах полно денег. Заберите их и отпустите меня. Я следующим же судном уплыву в Америку, и вы меня больше не увидите.

Но в глазах Гаррика не было милосердия.

— Мне нужно имя человека, который послал вас ко мне.

Персивал скрипнул зубами.

— Не могу. Я дал клятву.

— Ага... значит, клятву, — проговорил Гаррик, подходя все ближе к мишени. — Это само по себе говорит о многом.

— Больше я ничего не скажу, — упрямо заявил Персивал. — Делай со мной что хочешь, дьявол проклятый.

— Это, сэр, звучит прямо как приглашение, — сказал Гаррик, извлекая один за другим ножи, пригвоздившие Персивала к мишени. — Возможно, вы слышали, что некогда я был весьма известным иллюзионистом. Публика знала меня как Великого Ломбарди, но позже молва наградила меня другим именем.

Гаррик умолк, и Персивал не сдержался:

— Каким именем? Бога ради, хватит играть со мной.

Гаррик сорвал покрывало с похожего на гроб ящика в задней части сцены.

— Меня называли... Красная Перчатка.

Персивал закатил глаза и лишился чувств, тяжело обвиснув на еще торчавших из мишени большом мясницком ноже и стилете.

— Вижу, ты слышал эту легенду, — проговорил Гаррик, выдергивая оставшиеся клинки.

Персивал очнулся крепко связанный, с торчащими из отверстия в конце ящика голыми ногами.

Над ним склонился Гаррик: теперь он был одет в парадный фрак с белой манишкой, с шелковым цилиндром на голове и в перчатках — одна белая, другая красная.

— Это мой самый знаменитый фокус, — сказал он. — И самое досадное, что именно он был фатальным образом искажен.

— Искражен? — переспросил Персивал, пытаясь разогнать туман в голове. — Разве это не означает «пошел неправильно», сэр?

— О, совершенно верно. А известно ли тебе, что означает фатально?

Персивал порылся в своем словарном запасе, который насчитывал едва ли больше двухсот слов, по большей части связанных с едой.

— Это означает «смертельно»... то есть кто-то был убит?

— А вы более эрудированы, чем кажется, мистер?...

— Персивал, босс.

— Персивал. Хорошее, добротное валлийское имя.

— Верно, сэр, валлийское. Может, у вас есть родня в Уэльсе, сэр, и вы меня отпустите?

Гаррик проигнорировал вопрос, театральным жестом вынув из-за спины длинный и широкий клинок с деревянной рукоятью.

— Это главный ключ ко всему фокусу, Персивал: клинок. Публика предполагает, что он фальшивый, но, уверяю вас, он выкован из превосходной стали и рассекает плоть и кости, как масло.

Необычайно ловким, щеголеватым движением Гаррик подбросил меч в воздух, поймал его и с размаху вогнал прямо в щель ящика в том месте, где находились ноги Персивала, словно рассекая их на уровне щиколоток.

— Пощадите! — взмолился Персивал. — Лучше просто убейте меня. Это же пытка, сэр. Истинная пытка.

Гаррик звонко щелкнул пальцами, и где-то над ним грянули звуки оркестра.

— Прошу, не отказывайте мне в этом маленьком удовольствии, мистер Персивал. Мне так редко удается побаловать себя старыми игрушками.

Лицо Персивала превратилось в трясущееся от ужаса желе.

— Я не стукач. Ни ищейки, ни судьи ни разу меня не раскололи, и у вас тоже ничего не выйдет.

— Что за истерика, Персивал? — невинным тоном осведомился Гаррик. — Я же не причинил вам никакого вреда. Взгляните сами.

Персивал увидел подвешенное над аркой просцениума большое, оправленное в позолоченную раму зеркало. Собравшись, он пошевелил пальцами ног

и с огромным облегчением увидел, что пальцы на его отражении тоже шевельнулись.

— Вот только освещение здесь очень слабое, мистер Персивал. Дайте-ка взглянуть на вас поближе.

С этими словами Гаррик отделил нижнюю часть ящика от основной части, и Персивал хрипло взвизгнул, увидев, как его ноги покатались прочь от него, судорожно дергая пальцами.

— Мои ноги, — взвыл он, — верните мне мои ноги!

— Кто прислал тебя сюда? — холодно спросил Гаррик, вздевая второй клинок.

— Не скажу. Ни за что.

— Я восхищаюсь вашей стойкостью, мистер Персивал, честное слово, но то, что между нами происходит, — это поединок воли, так что вы не оставляете мне выбора...

Гаррик оперся рукой о ящик и с силой вонзил второй клинок в следующую щель.

Персивал ахнул и что-то бессвязно залопотал; слезы хлынули у него из глаз, заливая уши, и он в помрачении принялся напевать грубые вирши масонской клятвы, которую не раз горланил в пивнушках со своей татуированной братией.

*Хошь — порежем,
Хошь — отдубасим,
Хошь — покалечим,
Хошь — разукрасим.*

Гаррик не особенно удивился.

— А-ха, мистер Маларки, значит, это вы решили сунуть нос в мои дела? Благодарю вас, верный сэ

Персивал. Вы сделали все, что мне было от вас нужно. Следовательно, у меня больше нет причин причинять вам вред.

Но Персивал уже ничего не соображал от страха и продолжал напевать.

*Хоть ножом, хоть дубиной,
Ты платишь — мы бьем,
Должника приструним,
Накажем жулье.*

К последним двум строчкам Гаррик присоединил и свой голос, пропев чисто и ясно:

*Хоть поздно, хоть рано,
Обращайся к Таранам.*

Гаррик звучно поаплодировал, взмахивая рукой в красной перчатке.

— У вас чудесный тенор, Персивал. До профессионального уровня не дотягивает, но очень приятный. Не порадуете меня, исполнив еще что-нибудь?

Персивал покорно подчинился, но его голос с каждой нотой дрожал все сильнее, пока не перешел в испуганный булькающий вопль, когда Гаррик отсек часть ящика, в которой находилась голова несчастного, и которая покатилась, вращаясь, через всю сцену.

Последнее, что успел увидеть Персивал, прежде чем остановилось его заledenевшее от ужаса сердце, было его собственное обезглавленное туловище и руки с отчаянно дергающимися пальцами, тщетно пытающиеся вырваться из пут.

Гаррик мог бы рассказать ему, что сей удивительный эффект был достигнут исключительно с помощью зеркал и протезов, но хороший иллюзионист никогда не раскрывает своих секретов.

Он с небрежным изяществом протанцевал чечетку по мостику через оркестровую яму, промурлыкав «Хоть поздно, хоть рано» и с чувством возвысив голос на последней строчке песенки: «Обращайся к Тарана-ааааам!»

И подумал: «Именно так я и сделаю».

Фокусник незаметно топнул по пороховой бомбочке, спрятанной под половицей в боковой части сцены, и исчез в яркой вспышке магния и облаке дыма.

Голгофа, Голгофа!

Тайное Логово банды Таранов.

Мошеннический тупик. Лондон. 1898

В какой-то момент специальному агенту Савано пришло в голову, что она могла стать жертвой масштабной фальсификации. Ей доводилось читать о подобных операциях в документах времен Второй мировой войны, например, о пленниках, которых помещали в военный госпиталь, где специально обученные англоговорящие враги с помощью сложных инсценировок убеждали их, что война уже окончилась победой, и затем вытягивали из них все нужные сведения. Правда, во всех случаях речь шла о высокопоставленных офицерах, и каждая такая операция обходилась крайне дорого. А она была всего лишь малолетним фанатом ФБР с жестяным жетоном. Вряд ли кто-то станет вкладывать столько труда, чтобы получить доступ к ее пустяковым секретам.

Последние сомнения в том, что она и в самом деле оказалась в Лондоне конца XIX века, рассеялись, как только Шеви выбралась из своей подвальной темницы

прямиком в притон, битком набитый ворами, головорезами и прочим сбродом из банды Отто Маларки.

Райли вцепился ей в локоть.

— Агент... то есть Шеви, давайте здесь, в логове Таранов, разговаривать буду я. Я знаю эту публику.

— Расслабься, малыш, я вполне в состоянии говорить сама за себя.

На лице мальчика появилось страдальческое выражение.

— Я знаю. Из-за вашего горячего нрава вы способны влипнуть в неприятности независимо от эпохи.

— Это психология, Райли, — огрызнулась Шеви, прекрасно понимая, что это правда лишь наполовину. — Впрочем, тебе не понять.

Тайное Логово Таранов не слишком походило на укромную нору, и еще меньше было похоже, что собравшиеся в нем люди намерены от кого-то прятаться. Хлипкая лестница, ведущая из подвального склада, выходила прямиком в обширное помещение, занимающее весь первый этаж большого дома, без всяких перегородок или опорных столбов, так что потолок в нем угрожающе провис и давно уже обрушился бы, если бы не массивный кирпичный дымоход камина. При этом концентрация всяческих мошенников, воров и громил в этом просторном зале достигала уровня, едва ли достижимого вне стен какой-нибудь крупной тюрьмы.

По залу беспрепятственно сновала и всякая прочая живность, включая кур, собак и даже баранов, которые то и дело затевали шумные бои, с треском сталкиваясь массивными рогами, под громкие ободряющие вопли двуногих «таранов».

В средней части зала высились несколько небрежно сооруженных из бочонков и досок помостов, на которых распевали сомнительные куплеты размалеванные девицы или подогревали азарт публики уличные наперсточники. На хрустальных люстрах восседали как минимум четыре тропических попугая, громогласно ругаясь на всевозможных языках.

— Ничего себе, — пробормотала Шevi, когда зал завертелся вокруг нее мелькающим калейдоскопом. — Это что-то нереальное.

— Молчите, — прошипел Райли. — Может быть, мне еще удастся вытащить нас отсюда.

Прошмыгнув между дрессированной обезьянкой и ее хозяином, он нагнал Маларки.

— Мистер Маларки, ваше величество, разрешите обратиться. Знаете, я умею показывать отличные фокусы. Голуби, кролики, всякое такое. Задумайте карту, любую карту!

Маларки, не задерживаясь, решительно шагал к центру зала.

— Нет, парень. Мы с тобой договорились на бой, так что кончай ловчить. Разве не ты сам предложил, чтобы я сделал ставку на твою воинственную леди?

Тут он был прав.

— Верно, — согласился Райли, — но это было...

Маларки равнодушно переступил через вусмерть пьяного матроса, который валялся на полу, так и не выпустив из рук жареного поросячьего окорока.

— Понимаю. Это было, когда ты торчал в подвале для расправ, с заляпанным кровью полом и отсыревшими стенами. И тогда ты готов был пообещать

что угодно, лишь бы снова увидеть солнечный свет. А сейчас, когда ты его наконец увидел, ты сказал себе: «А ну-ка, я просто обдурю бедного простофилю Маларки, и мы с моей красоткой по-тихому смоемся отсюда».

— Нет, правда, — попытался возразить Райли, — я в самом деле отличный фокусник.

Он сорвал с пояса у одного из матросов угрожающего вида кинжал и вонзил его между ребер стоящего рядом мужчины, по какой-то неведомой причине одетого в полосатый купальный костюм. Клинок ударил жертву, однако не причинил ей никакого вреда.

— Видели?

— Неплохая попытка, — кивнул Маларки. — Но я уже настроился на драку.

Тут его посетила какая-то неожиданная мысль, и он резко повернулся к Шеви.

— Тебе известны правила маркиза Куинсберри¹?

Шеви медленно расправила плечи.

— Нет. Не знаю ничего такого.

Маларки одобрительно похлопал ее по макушке рукояткой своего хлыста.

— Вот и славно. Мы тоже. Никаких ограничений, никаких правил — вот наше главное правило.

Одним прыжком Маларки взлетел на центральное возвышение, где стояло грубоватое на вид кряжистое кресло с бархатным сиденьем, на которое была набро-

¹ Свод правил, разработанный в 1867 в Лондоне для любительского чемпионата по боксу. В 1882 году получили статус официальных. Именно на них основаны современные правила бокса.

шена баранья шкура с пышной, хоть и несколько косматой шерстью и внушительными рогами. Маларки легким пинком согнал с этого трона устроившуюся на нем обезьяну, а затем торжественно водрузил на него свой зад. Одарив бурлящий у его ног цвет преступного сообщества снисходительной отеческой улыбкой, он потянулся к висящему на подлокотнике трона кожаному чехлу и извлек из него блестящий латунный рупор.

— Слушайте меня, Тараны, — загремел его голос с легким жестяным оттенком. — Кто из вас, известных поклонников азарта, желает рискнуть и заключить пари со своим королем?

Призыв распространился по залу со скоростью моровой язвы, и через минуту толпа уже бесновалась у подножия трона, требуя немедленно удовлетворить ее страсть к игре.

— Прекрасно, Тараны, — провозгласил Маларки, снова вскакивая на ноги. — Сегодня вечером я припас для вас отличное развлечение. Сожалею, что оно немного задержит вас в этом зале, в то время как вам бы следовало уже отправляться на улицы, дабы заниматься привычным честным трудом.

Сочетание слов «честный» и «труд» вызвало такой взрыв хохота, что от него дрогнул потолок.

— Я, ваш избранный монарх, в присутствии этого священного руна предлагаю вам пари. И прямо говорю, ребята, что не видать вам ни пенни, ни полпенни из моих трудовых денежек. Итак, кому хватит духу принять мое пари?

В толпе взвилось вверх множество рук, на помост упало даже несколько монет.

— Не так быстро, горячие головы, имейте терпение. Позвольте посвятить вас в детали, чтобы потом никто не посмел обвинить меня в жульничестве.

Наклонившись, Маларки выдернул из толпы Райли и Шеви.

— Итак, мои славные подданные, перед нами двое рекрутов, желающих пополнить наши ряды. Мелкий, но шустрый шпаненок с ловкими ручонками и его индейская принцесса. Я потребовал от них только одного боя, так что один будет драться за двоих.

— Беру щенка на себя, — заявил полосатый купальщик, жертва недавнего фокуса Райли с ножом.

Маларки небрежно отмахнулся от него.

— Нет, господа, вы еще не слышали самого интересного. Я выставяю на бой не мальчишку, а юную леди.

Новость вызвала настоящую бурю.

— Но мы не допускаем дамочек на ринг, — заспорил тип в купальнике, оборачиваясь к толпе за поддержкой.

Маларки топнул ногой.

— Вы узрели моего бойца, Тараны. А теперь покажите мне ваших!

Бойцы ответили на вызов не сразу. И дело было, конечно, не в том, что они трусили, а в том, что вступать в публичную драку с девчонкой был довольно неловко.

Однако не все оказались такими стеснительными.

— Я снесу ей башку как нечего делать.

Через толпу к подножию трона протолкался крепкий с виду лысый толстяк шести футов ростом

и с кривыми, как у бульдога, ногами — вероятно, из-за тяжести его пивного пуза.

— А можно мне использовать мою битую? Я никогда без нее не дерусь. Она мне нужна для равновесия.

Маларки был явно шокирован.

— Использовать твою битую? Ну разумеется, ты можешь ее использовать, мистер Склп. Неужто я стану лишать своего брата его излюбленного инструмента?

Склп вытащил из-за спины здоровенную дубину размером с ногу Шеви. Как будто ее размеров было недостаточно, Склп еще обил ее полосками металла, который, вероятно, некогда был сверкающей сталью, но сейчас заметно потускнел от разнообразных жидких и не очень веществ, покрывших дубину за годы использования.

— Какая прелесть, — сказала Шеви. — Вы такие милые ребята, это что-то.

Маларки ухмыльнулся:

— Склп вообще один из самых образованных и утонченных наших братьев. Иногда он даже читает журналы неграмотным товарищам.

— Итак, ставки десять к одному на Склпа. Только наличные, никаких расписок. Денежки сдавайте моему счетоводу.

Крутившегося рядом тощего коротышку в жилете немедля осадила сгорающая от яростного нетерпения свора игроков, с которой тот весьма успешно справился, прибегнув к сложной системе нервных подергиваний, тиков и утирания капель пота.

Как только ставки были сделаны, перед помостом быстро расчистили пустое пространство. Райли дога-

дался, что это и есть традиционное место для проведения кулачных боев, и от всей души понадеялся, что темные пятна на полу — всего лишь следы пролитого вина и пива.

Шеви держалась спокойно, хотя, конечно, обстановку едва ли можно было назвать для нее привычной.

Райли уже сообразил, что, поскольку взгляды всех присутствующих в зале сейчас прикованы исключительно к Шеви, настал самый подходящий момент поискать для них с Шеви путь наружу. Само собой, он не мог ее бросить. «Мы теперь партнеры до самого окончания этой истории».

Пока Тараны теснились и толкались, стремясь оказаться поближе к импровизированному рингу, соперники занялись подготовкой к поединку. Шеви сосредоточенно разминала мышцы и сухожилия, а Скепп снял с пояса ремень и теперь что-то ласково нашептывал своей ненаглядной дубинке.

— Матч начнется по моей команде, — прогремел Маларки в свой рупор. — Последний... или последняя... кто останется на ногах, будет объявлен победителем. Оба участника готовы к бою?

Скепп вместо ответа сплюнул липкий ком жевательного табака, большей частью себе на сапог. Шеви просто кивнула и сжала кулаки.

— Тогда начали! — рявкнул Маларки.

Публика, пожалуй, ожидала, что выставленная на ринг пигалица преисполнится ярости и бросится на Скеппа, и возможно, ей даже удастся заставить его упасть, хотя бы от хохота. Публика также была гото-

ва дружески побранить товарища, если он вдруг решит треснуть нахалке по башке, чтобы законно потребовать свой выигрыш.

Ни один из присутствующих Таранов решительно не был готов к тому, что произошло в следующую секунду. Некоторые поначалу даже засмеялись, решив, что это розыгрыш, затеянный Королем Отто исключительно потехи ради.

Прежде чем стихло эхо от слов Маларки, Шеви резко пригнулась, с помощью базового разоружающего приема дзюдо выхватила битую из руки Скелпа и этой же битой провела ее несчастному хозяину мощный апперкот, так что тот мгновенно лишился трех передних зубов и отлетел прямиком в кучу зрителей. Вся компания повалилась на пол, как кегли.

— Следующий, — сказала Шеви, что, конечно, несколько отдавало мелодрамой, хоть и не больше, чем вся ситуация в целом.

Зал встретил победу Шеви молчанием, которое в последний раз случилось под этими сводами лет двадцать назад — в тот памятный день, когда Безносы Гюнтер Келли заслужил свое прозвище во время состязаний по поеданию живых крыс.

— Погоди, — негромко сказал Маларки уголком рта.

Когда же до собравшихся в зале Таранов начало доходить, что их поставленные на кон денежки грозят вот-вот уплыть из их рук навсегда, тишина сменилась дружным ревом, который вздыбился, как цунами, и обрушился градом протестующих воплей:

— Э, постойте-ка!

— Так нечестно!

— Разве можно бить человека его собственной битой?

— Ничего себе девчонка! Да она ведьма, точно ведьма!

Маларки перекрыл поднявшийся гвалт трубным окриком в рупор и обратился к потрясенному собранию:

— Похоже, вы, ребята, малость удивлены прытью моей неистовой индианки. А ведь я вас предупреждал! Но вы, конечно, решили, что вам виднее, чем вашему любимому правителю.

Маларки погладил Шеви по голове, словно она была его любимой болонкой, и усадил Райли отдохнуть на свой собственный трон.

— Здесь, — сказал он, кидая ему увесистый кошель, — доля твоей индейской принцессы. Уговора о деньгах у нас не было, но такой уж я щедрый и великодушный монарх.

Маларки снова повернулся к своим подданным:

— Слушайте же, вы, шайка висельников, что мы будем делать дальше. Вы своими глазами видели, на что способен мой боец, и наверняка уже оплакиваете свои ставки. Но я добр, и даю вам сейчас единственный шанс вернуть свои кровные без всякого ущерба. Если же кто из вас решит оставить свои несправедливые монеты в банке, того ждут изрядные выгоды в виде уравнивания шансов, бесплатного пунша и уважения собратьев. А уж кто примет вызов — это ваше дело. Вам всем предоставляется возможность выбрать самого отъявленного головореза из ваших рядов и выставить его против моей крошки. Мне все равно, кто это будет, решайте сами!

Райли с каждой секундой чувствовал себя все неуютнее. С Таранами пока все складывалось удачно, однако они с Шеви превратились в легкую добычу для Гаррика. Если фокуснику удастся (а Райли почти в этом не сомневался) протащить свое искалеченное тело через временной тоннель, пикантные слухи о том, как некая воинственная скво устроила побоище в известном лондонском притоне, достигнут его ушей очень быстро.

«И тогда на рассвете крысам достанутся еще два лишних утопленника, прибитых к берегу мутным течением Темзы».

Поерзав на подушке трона, Райли перегнулся через подлокотник.

— Шеви, — зашептал он, — управься с этим делом побыстрее, как сможешь, а потом нам лучше убираться отсюда. Меня холодом продирает при мысли, что сюда вот-вот явится Гаррик.

— Ясно. Значит, пора брать ноги в руки, — отозвалась Шеви. До сих пор предчувствия Райли относительно Гаррика ни разу его не обманули.

От Маларки их беседа не ускользнула. Он сдернул Райли с трона и усадил у своих ног, как собачку или шута.

— Об Альберте Гаррике можете не беспокоиться. Самые отборные убийцы из всего этого сброда поджидают сейчас в засаде в его логове, и их рабочее время оплачено тем же чудаковатым джентльменом, который заказал и вас самих. А что насчет вашего намерения брать ноги в руки, то вы, ребяташки, кажется, совсем забыли о нашем соглашении.

Шеви звучно ударила кулаком по ладони, так что несколько рослых мужчин опасливо отскочили в стороны.

— Каком еще соглашении? — спросила она.

У Райли отвисла челюсть, и после краткой паузы он сам ответил вместо Маларки.

— Мы участвуем в поединках за право вступления в «Тараны». Единственная другая возможность — быстрая насильственная смерть, твоя и моя. Если же нас принимают в банду, мы поступаем в распоряжение Маларки — на всю оставшуюся жизнь.

Маларки торжественно указал на мальчика:

— Шиллинг пацаненку за сообразительность. Знайте, юная леди, — вы деретесь за право дышать этим грешным воздухом. И даже если вы отвоюете у меня свою смерть, ваша жизнь все равно принадлежит мне. Не забывайте об этом.

Он плавно развернулся на пятках, как опытный фехтовальщик, и ткнул своим хлыстом в Райли:

— Заберите его и поставьте на него метку. Отныне он наш.

Из толпы к Райли тут же протянулось множество рук, словно его собиралась проглотить особенно крупная и хваткая актиния. Райли пытался отбиваться и даже умудрился свалить несколько особо ретивых «щупалец», но на месте каждого упавшего тут же появлялся новый исполнитель приказа властелина. Тараны подхватили его и потащили сквозь толпу в самый дальний угол зала, где в окружении книг, коробочек с иголками и пузырьками с яркими, густыми чернилами восседал дряхлый, облезлый старичок с сухонькими

лапками. Пальцы у него были тонкие, как у ребенка, но скрюченные и загрубевшие, с глубоко въевшимися в морщинки чернилами, так что каждая узловатая костяшка казалась разноцветной, как радуга.

— Новенький, надо полагать? — спросил старик дребезжащим голосом.

— Верно, Фарли, только что принят, — ответил басом тот, кто держал Райли.

Фарли подтянул к себе набор иголок и принялся с тихим звоном задумчиво перебирать их.

— Какой же он Таран, — бормотал он про себя. — Совсем еще ягненок, а его уже прочат в бараны. Впрочем, мое ли это дело...

Он выбрал иглу потоньше и приготовился заняться наколкой.

— Эй, мистер, а разве вы сначала не сделаете набросок? — нервно поинтересовался Райли.

Фарли прокашлялся:

— Набросок, говоришь? Мальчик, я накалываю головы баранов уже многие годы и могу сделать это хоть во сне, уж поверь. А теперь хватит трястись, а то получишь портрет козла вместо барана.

— А игла у вас чистая? Не хотелось бы лишиться руки из-за заражения.

— Спокойно, у меня все инструменты стерилизованы лучше, чем в больнице Святого Варфоломея. Никто и никогда не видел и самого крохотного нарывчика от иголок Энтоня Фарли. Я все сделаю ловко и быстро, ты даже не заметишь, как время пролетит. А я потом выберу еще одну, чистую и свеженькую, промытую в спирту иголку для твоей подружки.

Услышав о подруге, Райли вытянул шею, как аист, стараясь разглядеть, что происходит на боксерском ринге, не двигая плечом, которым занялся Фарли. Со своего места он видел только макушку Шеви, окруженную толпой Таранов, которые хором выкликали какое-то имя:

— Голгофа! Голгофа! — надрывалось преступное братство. И снова: — Голгофа, Голгофа!

— Ох ты, — с печалью сказал Фарли. — Значит, вторая игла не понадобится.

Шеви никак не могла привыкнуть к едким испарениям викторианского Лондона. Даже в воздухе витал буроватый оттенок сепии, и какие-то загадочные хлопья сыпались ей на голову и плечи, пятная кожу.

«Вряд ли это что-то хорошее, — думала она. — Даже знать не хочу, откуда эти хлопья берутся».

Тараны окружали ее неплотным кольцом, стараясь не приближаться к неистовой индианке слишком близко из соображений разумной осторожности, чему отчасти способствовала болтающаяся на ее тонком запястье здоровенная дубинка и капающая с ее рабочего конца кровь.

Теперь же, когда толпа принялась скандировать имя Голгофа, Шеви заподозрила, что ее ожидает встреча с наихудшим воплощением боевого Тарана.

«Тараны. Этим бы ребятам еще чуть-чуть крутизны — и они могли бы вести собственное шоу для настоящих мачо на каком-нибудь кабельном телеканале, починая мотоциклы или тягая железо».

Людской океан внезапно расступился, пропуская здоровенного и малосимпатичного громилу с осанкой платяного шкафа, который важно вплыл в круг ринга настоящим олицетворением буйства и жестокости.

«Так вон он какой, этот Голгофа, — оценила Шеви. — Пожалуй, одним ударом тут не отделаешься».

Голгофа с неожиданной деликатностью взял себя указательным и большим пальцем за волосы на макушке и вдруг сдернул их, выдав тем самым, что носит на темени накладку.

— Не поддержишь для меня, Марвина, Пустячок? — спросил Голгофа, бросая накладку в руки своего куда более мелкого и щуплого приятеля, который без всяких возражений сделал то, что ему было сказано. На чем, по всей видимости, и были основаны их дружеские отношения.

В Голгофе Шеви удивили две вещи.

Во-первых, раньше она никогда не слышала, чтобы у парика было собственное имя.

И второе: почему-то никому, кроме нее, прозвище Пустячок не показалось смешным.

— Ладно, Голгофа, — сказала она, с хрустом разминая кулаки, — постараюсь уложить тебя как можно гуманнее.

— Я не Голгофа, — сказал верзила. — Я его меньшей брательник.

Это было последнее, что она услышала, прежде чем нечто размером с хороший кирпич ударило ее в грудь со скоростью разогнавшегося товарного поезда.

Бесспорно, Шеви была сильной и быстрой, но при этом маленькой и легкой. Удар неведомо чьего кулака швырнул агента ФБР с такой силой, что она проехала по полу через весь зал, по пути собрав на себя несколько заноз.

Боль была такой чудовищной, что Шеви сначала решила, что ее легкие превратились в кашу, и с большим облегчением обнаружила, что все-таки еще может дышать.

— Ооооох, — простонала она, сплевывая струйку крови и оцепенело глядя на разлетевшиеся по полу осколки пульта.

«Я застряла здесь».

— Так нечестно.

— Голгофа! Голгофа! — радостно распевали Тараны, притоптывая ногами так, что половые доски тряслись и подскакивали.

Шеви с трудом поднялась на четвереньки, пытаясь понять, не треснул ли у нее череп, а заодно недоумевая: «Где же этот чертов Голгофа? Неужели в викторианские времена существовали невидимки?»

Пошатываясь, она сумела наконец встать на ноги, потрясла головой, чтобы прогнать вертящиеся перед глазами искры, и осмотрелась, соображая, кто же на нее напал. В кругу для поединков не было никого, кроме Отто Маларки.

— Где он? — растерянно спросила Шеви. — Покажите мне этого Голгофу.

Маларки с виноватым видом прижал к губам пальцы.

— Боюсь, принцесса, что Голгофа — это я. Мое старое цирковое прозвище, еще с тех пор, когда я выступал там с силовыми трюками.

«Вот сволочь, — подумала Шеви. — Но ведь ты сам выставил меня на ринг!»

Маларки отнял ото рта ладонь и приветственно помахал ею присутствующим Таранам.

— Я сказал, что они могут сами выбрать любого из Таранов, и мои толковые головорезы выбрали меня. В конце концов, кто тут дерется лучше меня? И теперь я должен сделать выбор между кошельком и гордостью.

«Дайте-ка догадаться, — подумала Шеви. — Гордость наверняка победит».

— А в этой борьбе всегда побеждает гордость. Мне придется пожертвовать своей ставкой, чтобы сохранить положение.

Шеви встала в боксерскую стойку, прикрыв подбородок выставленными вперед кулаками.

«Хотя какое это имеет значение. С такими кулачищами Маларки пробьет любую мою защиту. Придется полагаться исключительно на скорость».

Громкие поощряющие вопли толпы сменились молчаливым беспощадным предвкушением. Ставки были серьезные. Оба участника поединка проявили себя достойными бойцами, но если Шеви дралась за свою жизнь, то Маларки должен был проявить верность своим людям, прекрасно сознавая при этом, что не один Таран сейчас надеется на его поражение, после которого местечко на троне окажется вакантным.

Бойцы принялись настороженно кружить по рингу, присматриваясь друг к другу. В ушах у Шеви звенело нечто подозрительно напоминающее мотивчик из «Стартрека», что ее ужасно отвлекало. Маларки

ссутулил широкие плечи и, как профессиональный боксер, легко пританцовывал вперед-назад, как будто репетировал какую-то сложную джигу, что отвлекало ее ничуть не меньше.

На оценку ситуации у каждого ушло примерно с минуту, после чего оба атаковали одновременно, под оглушительный крик Таранов. Из-за массивного телосложения Маларки немного не хватало быстроты, так что лишь его глаза поспевали за стремительными движениями Шеви, которая поднырнула под его похожий на окорок кулак и дважды ударила его в солнечное сплетение. Что, впрочем, оказало на великана примерно такой же эффект, как если бы она вздумала швыряться снежками в Эверест.

«Удары кулаком не работают», — осознала Шеви и, распрямив пальцы, с силой ткнула ими Маларки прямо в почку. Всем известно: даже если человек могуч, точно кирпичный дом, стоит хорошенько врезать ему по почкам, как он непременно это почувствует.

Маларки хрипло охнул и рефлекторно дернулся, отчего Шеви отлетела прямиком на живое оцепление вокруг ринга.

Грубые руки взъерошили ей волосы, а один особенно наглый ублюдок даже шлепнул ее по заднице.

— Видали? Что это она сотворила своими пальчиками? — задал вопрос кто-то из Таранов позади нее.

— Пальчиками? Готов поклясться, она действовала одним большим пальцем, — отозвался его приятель.

— Да нет же, осел. Четыре пальца. Распрямила и сделала вот так, — пояснил первый Таран, продемонстрировав прием прямо на Шеви и отправив ее

в спазматических корчах обратно на ринг, где слегка очухавшийся Маларки успел схватить ее рукой за горло.

«Конец игры», — подумала Шеви, чувствуя, как ее ноги отрываются от пола.

Она ударила Маларки по руке ребром ладони и, стиснув пальцы, прищемила ему нерв на сгибе локтя, что, по заверениям Корда Валликозе, заставит разжать хватку «даже самого здорового вооруженного подонка на этой зеленой планете». Судя по всему, главари преступных банд викторианского Лондона в его расчеты не входили.

Маларки громко расхохотался ей в лицо, но Шеви успела заметить, как в его глазах промелькнуло облегчение.

— Тебе помогли, Отто. Не забудь об этом, когда будешь торжествовать на своем троне.

Маларки крепче сжал ее горло, пресекая слова обвинения вместе с током воздуха. Шеви вцепилась руками в его лапу, стараясь ослабить нагрузку на шею, чтобы не повредить позвоночник, но от нехватки кислорода в глазах у нее мутилось, и сила стремительно покидала мышцы.

— Райли, — прохрипела она, хоть и знала, что мальчик сейчас под охраной и далеко от нее. Даже если он заметит, что происходит, то все равно ничем не сможет ей помочь.

— Мне больно делать это, малышка, — сказал Маларки, поводя свободной рукой. Конечно, я в который раз доказал свою непобедимость, но это обойдется мне в немалую кучу фунтов, учитывая потерю

поставленных на тебя денег и мой собственный проигрыш. Как же так, детка? Я поставил на тебя, а ты меня прокатила.

Маларки сжал кулак, хрустнув суставами.

— Я не стану тебя убивать, — пообещал он. — И, когда очнешься, у тебя все еще останется большая часть зубов и даже мозги.

Шеви попыталась вывернуться, но Маларки держал ее крепко. Звон в ушах девушки сменился с темы «Стартрека» на что-то более пронзительное. Простой протяжный звон. Может, это подсознание стремится что-то ей сообщить?

Маларки насторожился, так что Шеви на секунду подумала, что он может слышать то, что происходит у нее в голове, но тут король Таранов рывкнул:

— А ну цыц! Заткните свои болтливые глотки. Не видите, что ли, что я слушаю?

Тараны мгновенно умолкли — все, кроме мистера Скеппа, который как раз пришел в себя.

— Эй, ребя, чо тут творится? Я помню, как ел кашу на завтрак, а после этого... ваааще ничо.

Маларки сделал три шага в толпу и уgomонил Скеппа пинком сапога в подбородок.

— Я сказал заткнитесь, болваны!

В зале установилась мертвая тишина, нарушаемая только непонятным звоном.

Вдруг Маларки вытаращил глаза, очевидно, связав наконец объект с издаваемым звуком.

— Телефоникус! Это Телефоникус!

Толпа единым выдохом грянула общее «ой!», прокатившееся по всему Тайному Логову, и все головы

дружно, как у леммингов, повернулись к трону Маларки. На невысоком ореховом столике возле него помещалось отделанное слоновой костью устройство, состоящее из двух частей: массивного основания и цилиндра, соединенного с ним извитыми проводами. Оба колокольчика на устройстве разрывались от звона.

Маларки торопливо сунул Шеви в руки толпы.

— Подержите ее. Но не слишком крепко, парни. Никто не смеет калечить эту девчонку, кроме меня.

Он ринулся к Телефоникусу и ответил на звонок, деликатно держа трубку двумя пальцами и отставив мизинец, словно герцогиня за чашечкой чая.

— Аллоу, — сказал он без привычной грубой хрипотцы. — Мистер Маларки говорит из Тайного Логова. А кто на другом конце?

Маларки немного послушал, затем прижал трубку к груди и громко прошипел, обращаясь к присутствующим:

— Это Харизмо. И я слышу его так же ясно, как если бы он был феей в моем собственном ухе.

Никто особенно не удивился тому, что из трубки устройства доносится голос Харизмо, потому что именно мистер Харизмо и установил «Телефонический Переговорник» в Тайном Логове. И все равно, при упоминании этого имени несколько громил чертыхнулись, а парочка католиков рухнула на колени. Кто-то из Таранов поспешно составлял треугольники из больших и указательного пальца — древний жест, призванный отгонять злых духов.

— Да ладно вам, братцы, вы же знаете, что мистер Харизмо — друг Таранов, — сказал Маларки, но его

слова прозвучали несколько делано и без большой уверенности.

Маларки послушал еще немного, и его лицо вытянулось. Когда Харизмо договорил, предводитель Таранов кивнул, как будто удаленный собеседник мог его видеть, и аккуратно поместил трубку обратно на держатели в верхней части устройства.

— Вот что, Тараны, — сказал он. — У меня есть плохие и хорошие новости. Мистер Харизмо каким-то образом узнал про индианку и мальчишку. И велел нам доставить их прямиком в его резиденцию. И ни на ком из них не должно быть клейма, сказал он.

— А хорошая новость какая? — поинтересовался какой-то Таран из передних рядов.

— Хорошая? Хорошая новость состоит в том, что поединок не может быть завершен по техническим причинам, а значит, все ставки отменяются, — Маларки широко ухмыльнулся. И это в самом деле отличная новость. Для вашего короля, то есть меня.

Кое-кто из Таранов заворчал, но не слишком громко, так что Маларки не сомневался, что его везение никто не станет оспаривать. В конечном итоге для короля Таранов это был самый лучший из возможных исходов: его репутация не пострадала, кошелек не полегчал, да и мистер Харизмо был в куда лучшем настроении, чем можно было ожидать, учитывая обстоятельства. Одним словом, день удался.

Фарли закончил работу над схематичным изображением головы барана на плече Райли и протер свежую наколку спиртовым тампоном.

— Только не сдирай корочку, когда подсохнет, — посоветовал он. — От этого получаются шрамы, из-за которых моя татуировка выглядит некрасиво.

Райли все еще не понимал, что произошло.

— Моя подруга... она жива? Бой уже закончился?

Фарли наложил на татуировку чистую повязку.

— Бой был приостановлен. Один клиент выразил желание с вами встретиться. Как я и думал.

Райли нахмурился. Похоже, тут не обошлось без политики.

— Значит, это вы дали знать о нас тому человеку? Так это вы спасли нас, мистер Фарли?

Фарли туго затянул узел повязки.

— Потише, малыш. Я получил пару монет за то, что передал краткое послание куда следует, вот и все.

Райли осторожно потрогал повязку.

— А кто этот клиент? И чего ему от нас нужно?

Фарли аккуратно и методично закрыл все пузырьки с чернилами крышечками и убрал их в деревянный ящик.

— Этот клиент — крайне незаурядный человек, — сказал он. — Можно даже сказать, гений во многих областях, и он очень щедр к тем, кто держит его в курсе происходящего. А насчет того, что ему нужно от вас... этот вопрос ты сможешь задать ему лично.

— А могу я попросить вашего совета, мистер Фарли? Насчет этого клиента, и как сделать, чтобы он был добр с нами?

Фарли улыбнулся, показав необычно белые и крепкие для такого старого человека зубы.

— А ты очень сообразительный парень. Наверное, это самый лучший вопрос, какой можно задать, если у тебя есть время только для одного вопроса. — Фарли подумал немного, протирая спиртом иглу. — Так вот, мой совет: постарайся его заинтересовать. Покажи себя остроумным, когда беседуешь с ним. Вряд ли мистер Харизмо вернет тебя сюда, пока твое общество будет казаться ему занимательным.

Райли встал со стула и высмотрел вдали Шеви, которая в данный момент терроризировала пытающихся ее удержать Таранов.

«Занимательным, — подумал он. — Что ж, вряд ли это будет так уж трудно».

И тут его мысли споткнулись на имени, которое назвал Фарли.

«Мистер Харизмо? Быть такого не может. Тайбор Харизмо, самый знаменитый человек во всей Англии. Ему-то какой интерес во всем этом деле?»

Но какими бы ни были намерения мистера Харизмо относительно их скромных персон, едва ли они более смертоносные, чем намерения Альберта Гаррика и Отто Маларки.

«Может быть, мы получим небольшую передышку. И даже какую-нибудь еду».

Райли помахал рукой Шеви и ободряюще улыбнулся.

«Кажется, ситуация меняется к лучшему, — хотел он сказать ей. — Развеселись!»

Но Шеви ни капельки не веселилась и вряд ли собиралась делать это в ближайшее время. Вместо этого она мрачно рассматривала лежащие у нее на ладони осколки пульта, раздробленного неожиданным ударом Отто Маларки.

Театр «Ориент». Холборн. Лондон. 1898

Прежде чем покинуть «Ориент» и отправиться на поиски Таранов, Гаррик удостоверился, что все его личные по-прежнему спрятаны в стальном сейфе под дирижерским пультом в оркестровой яме. Было бы крайне унижительно вернуться сюда, сбросив трупы Персивала и его закадычных подельничков в Темзу, и обнаружить, что они разграбили тайник еще до его прибытия.

Затем Гаррик свалил все три тела на тележку во внутреннем дворе и совершил краткий вояж через низинные болота до Собачьего острова, где избавился от груза.

«Пусть рыбы жируют», — подумал он, когда его мрачная ноша скрылась под мутной водой.

Теперь, когда с грязной работой на сегодня покончено, можно было заняться и более важными делами. В частности, выяснить, кто нанял Таранов и заказал им его убрать. Был один человек, который наверняка мог ответить на эти вопросы, и Гаррик точно знал, где его следует искать.

«Тайное Логово. Разве не так Тараны называют свой разбойничий притон?»

Как будто он и впрямь был где-то спрятан. И как будто каждый бобби¹ в Лондоне не знал его точного адреса. Как будто все до единого констебли не растягивали свои патрульные маршруты на целые мили, лишь бы только случайно не забрести в квартал, где хозяйничают Тараны.

«Итак, нетайное Тайное Логово. Следующий пункт назначения Красной Перчатки».

Солнце уже опускалось за шпили, когда Гаррик взял себе кружку кофе у торговца в конце Оксфорд-стрит, как делал обычно. Однако теперь, когда он успел распробовать кофе двадцать первого века, мутная жидкость, похожая на трюмную воду, показалась ему недостойной истинного ирландца, и Гаррик выплеснул всю кружку на мостовую, дав себе слово закупать кофе исключительно в будущем.

Неудачный напиток слегка подпортил ему настроение, но ненадолго, а воспоминание о том, как артистично он разобрался с теми тремя Таранами, которые осмелились вломиться в его любимый театр, снова развеселило его.

«Я действовал совершенно правильно, — решил он. — Злодеи явились убить меня, но я их победил».

Подобные самооправдания были необычны для Гаррика, и он принялся раздувать в себе жар праведного гнева.

¹ Прозвище английских полицейских.

«Око за око» — так сказано в Писании, — подумал фокусник, в который раз проигнорировав Новый Завет: «подставлять другую щеку» совершенно не входило в его намерения.

Улица Хэймаркет и в дневное время была весьма оживленной, в значительной мере благодаря необычайно большому количеству питейных заведений, однако восход луны оказывал на нее еще более сильное действие, нежели на одержимых ликантропией.

Первыми признаками оживления являлись жаровни, которые выставляли прямо на мостовую, но зажигали не раньше, чем вокруг них собирались с полдюжины гуляк, потягивающих джин и покуривающих вонючие дымные сигары. Следом, привлеченные дымящими жаровнями, стекались всякие праздношатающиеся бездельники и игроки, а там и прочий сброд, с единственной целью напиться и предаться незаконному азарту и шулерству, пока не минула ночь.

Обычно Гаррик считал себя слишком рафинированным джентльменом, чтобы посещать Хэймаркет после заката, однако необходимость диктует свои условия. Если уж он хочет добиться, чтобы контракт на его голову был отменен, значит, ему придется посетить короля в его обшарпанном дворце.

К тому времени, когда он дошагал до Мошеннического тупика, это место было уже полностью во власти полуночников. Избыток мускульной силы возле двойных дверей Тайного Логова зашкаливал, понтеры и просто зрители толпились в очереди, чтобы оказаться поближе к рингу, на котором Тараны

устраивали свои знаменитые поединки, где в темное время суток можно было полюбоваться на экзотических боксеров, бойцовых псов, петухов, а иногда, в особо интересных случаях, на карлика и маленького медведя из Австралии.

«Сейчас побеседовать с Отто Маларки не получится, — понял Гаррик. — Даже человеку с моими талантами нечего и надеяться пробиться через всю эту армию. Но ничего. Мое время придет».

От цели его прихода Гаррика неожиданно отвлекла знакомая фигура, которая слонялась от одной жаровни к другой, выпрашивая глоточек джина у отребья, гревшего возле углей замерзшие руки. Когда-то она была ему полезна, поставляя разнообразные сведения.

«Лэйси Боггс. Моя певчая птичка из Вест-Энда».

Роль Лэйси Боггс заключалась в том, чтобы отвлекать расходящихся из театров подвыпивших мужчин песенками, пока ее напарник незаметно обчищал их карманы. Однако этот трюк перестал приносить такой доход с тех пор, как однажды Лэйси пришлось провести лето за казенный счет в тюремной камере, откуда она вышла, сменив часть своих родных зубов на деревянный протез.

Гаррик ухватил Лэйси за локоть и подтолкнул к газовому уличному фонарю, так что ее затылок с гулом ударился о фонарный столб.

— Эй, к чему такие грубости? — запротестовала она. — Держи свои руки при себе, пока я не превратила их в плевательницу, приятели!

Однако возмущение на ее лице мгновенно сменилось страхом, как только Лэйси увидела лицо того, чьим рукам она только что угрожала.

— О, мистер Гаррик, к вам это не относится. Вы можете грубить сколько вам угодно, я знаю, что вы человек безобидный.

Гаррик стиснул ее локоть еще крепче.

— Нет, Лэйси Боггс, я далеко не безобиден. Поверь, во мне очень много зла и жестокости, которые только и ждут, на кого бы им обрушиться.

Лэйси нерешительно улыбнулась, и Гаррик заметил, что она немало постаралась, отбеливая свои деревянные зубы лимонным соком.

— Только не на меня, мистер Гаррик. Разве я не выполняла ваши задания всегда слово в слово? Кто, как не я, отыскал для вас тогда того французского графа? Которого потом так жестоко убили... — Лэйси внезапно расширила глаза и прикрыла рот ладошкой. — То есть, конечно, я не имею в виду, что вы имеете к этому хоть какое-то отношение. Такой благородный джентльмен... Само собой, это чистое совпадение.

У Гаррика не было ни времени, ни терпения выслушивать ее болтовню.

— Угомонись, Лэйси. Против тебя я ничего не имею. У меня просто есть для тебя работенка. Помнишь моего мальчишку, Райли?

Испуганное лицо женщины немного расслабилось.

— Ага, помню, конечно. Славный такой малый, только глаза беспокойные. По-моему, он немножко нервный, вот что.

— Верно, это он. Мне нужно, чтобы ты нашла его. Задействуй любого, кого захочешь. И, если не сможешь передать весточку мне лично, скажи старому Эрнесту, чтобы послал голубя в театр.

Лэйси потянула носом, как будто могла почуять запах денег.

— Лондон большой город, мистер Гаррик. Целых три миллиона душ. Не дадите девушке какую-нибудь подсказку?

— Я буду щедр, Лэйси. Целых две подсказки. Первая: Райли может направиться напрямиком в Олд-Найчол, потому что ему известно, какое отвращение я испытываю к этой помойной яме.

— А вторая?

— Возможно, он странствует вместе с девушкой-индианкой. Хорошенькая, но опасная, как змея.

Лэйси Боггс задумчиво пожевала, прищелкивая деревянными зубами.

— Индианка в Олд-Найчол. Ее и выслеживать особенно не придется, найдется сама.

Гаррик извлек из кармана сверток.

— Если справишься с заданием, получишь еще один золотой. Если нет, я заберу этот обратно из твоей мертвой руки. Поняла меня?

Лэйси Боггс вздрогнула, как будто на улице неожиданно похолодало, однако ее рука уже вынырнула из-под шали и сгребла монету.

— Поняла. Разыскать мальчишку и послать весточку.

Гаррик прихватил ее подбородок костлявыми пальцами:

— И никакого джина, пока дело не будет сделано.

— Никакого джина. Даже ни глоточка.

— Что ж, прекрасно, Лэйси, — сказал Гаррик, отпуская женщину. — А теперь проваливай в Олд-Найчол. У меня тут дела.

Лэйси потеряла проступившие на подбородке пятна.

— Собираетесь поставить денежки, мистер Гаррик? В таком случае подумайте дважды, сэр. У Отто Маларки все ставки подтасованы, так что он никогда не проигрывает.

Гаррик деловито похлопал себя по пальто и штанинам, проверяя рассованные по потайным карманам ножи.

— Эту игру не подтасует даже сам всемогущий король Отто Маларки. Он ввязался в драку, победить в которой ему не дано. Так что на твоём месте я бы убрался отсюда, пока кровь не затопила улицу.

Лэйси Боггс поспешно поддернула юбки, как будто кровавые потоки уже подступали к её ногам.

— Буду держаться подальше отсюда, сэр. В конце концов, я занятая женщина, у меня полно работы.

Гаррик некоторое время смотрел вслед её удаляющейся спине, не сомневаясь, что весть о щедрой плате за сведения о Райли разнесется по городу быстрее, чем холера по нищим трущобам.

«Насколько я изучил моего мальчика, он будет действовать так же, как во время своих прошлых побегов. Подыщет себе какое-нибудь незаметное пристанище, чтобы дожидаться, пока его след остынет, и двинется дальше. В этом случае он попытается скрыться в будущем, однако к этому пути ведут только две

двери. Одна находится в подвале на улице Полумесяца, но я могу устроить там засаду, или могу просто испортить аппарат, чтобы он не смог им воспользоваться. Тогда он выждет несколько дней и попытается сбежать через Бэдфорд-сквер. Вот там-то я и буду ждать его, как только перекинусь парой слов с Отто Маларки».

Шумная попойка в Тайном Логове продолжалась до рассвета, пока Отто Маларки не положил ей конец, внезапно выйдя из себя, что случалось с ним регулярно, как по часам, перед самым восходом солнца. Разъярившись, он потребовал, чтобы каждый, кто не хочет получить хлыстом по физиономии, убирался прочь с его глаз и нашел себе ночлег где-нибудь еще.

— Кроме тебя, мистер Фарли, — обратился он к старому татуировщику. — Хочу, чтобы ты обновил мой ценник, когда я задремлю.

По замыслу, это доказывало терпимость великана к боли: по его заверениям, он безмятежно спал, пока Фарли трудился над наколкой у него на груди.

Огромный зал медленно пустел по мере того, как утомленные гуляки расползались по своим ночлежным углам.

Маларки помедлил, выдирая бутылку бренди из цепкой хватки матроса, валяющегося на полу в пьяном забытии, и нетвердой походкой побрел в уголок Фарли.

— Итак, теперь, мой верный художник, — сказал он, повалившись в раскладное кресло, которое угро-

жающе затрещало под его массивным телом, — мне нужно, чтобы ты обновил цены в моем прейскуранте. Прибавь-ка по фунту за каждую услугу. В конце концов, я же теперь король.

Фарли устал, и пальцы у него болели, однако он знал, когда стоит жаловаться, а когда лучше этого не делать. Конечно, среди Таранов его услуги высоко ценились, но Маларки отличался непредсказуемым нравом, и знакомство с темной стороной его личности нередко оканчивалось печально для любого, кто плохо угадывал настроение короля.

— Значит, один фунт, — проговорил он, выставляя свои пузырьки на стол в безупречно ровный ряд. — Некоторые строчки поправить будет совсем просто, а «смотри выше» и вовсе не нуждается в переделке. Если только вы не будете против, я оставлю новые цены в шиллингах, тогда мне придется лишь немного повозиться с цифрами. Это даст мне возможность немного сэкономить на иглах и чернилах.

Конечно, Фарли и словом не упомянул, что этот метод позволит также существенно сократить мучительное время, проведенное под иглой.

Маларки откупорил бутылку зубами и сделал большой глоток.

— Делай как знаешь, Фарли. Мне-то все равно, я толстокожий. Твоя игла тонкая, как швейная булава, не то что те гвозди, которыми меня мучили в камере Литл-Солти.

«Это потому что я действительно работаю булавкой, а не гвоздем», — хотел сказать Фарли, но предпочел воздержаться.

— Ладно, хватит болтать, принимайся за дело, — проворчал Маларки. — А мне нужно вздремнуть. Здоровый сон необходим для блеска волос. Отдых и овечья шкура. Вот почему у меня такая блестящая грива.

Роскошные кудри являлись главным предметом тщеславия Маларки. Они были его слабостью и, на взгляд Фарли, слишком уж многие знали об этом.

— Отдых и овечья шкура, все ясно, босс. В таком случае позаботьтесь о своих волосах, а я займусь вашей грудью. Когда проснетесь, все уже будет готово.

Маларки удовлетворенно рыгнул и расслабился в кресле, но тут же подскочил, когда Фарли сделал первый укол. Вообще-то, в последний раз Маларки делал наколку уже довольно давно и успел подзабыть, насколько это болезненно.

— Прошу прощения, босс. Потерпите чуть-чуть, скоро полегчает.

Маларки снова попытался расслабиться. Подскакивать и вертеться — неудачная идея, когда делаешь татуировку. Буквы могут исказиться, и не самым удачным образом.

Фарли не обманул: острая боль и в самом деле скоро поутихла, терпеть стало легче. Постепенно все ощущения притупились, как бывает при сильном опьянении, и через пару минут на Маларки снизошли мир и покой.

Окружающий гвалт утих, сменившись раскатистым храпом и время от времени пронзительными вскриками, сопровождающими ночные кошмары тех, кто ночевал на верхних этажах.

«Как же я люблю это время», — думал Маларки.

Он почти совсем уже заснул, как вдруг почувствовал, что игла татуировщика воткнулась необычно глубоко, ледяной сосулькой проникая к самому сердцу. Король Таранов распахнул глаза и уже занес руку, чтобы как следует треснуть Фарли по башке за его неаккуратность; но, стащив с головы овечью шкуру, Маларки обнаружил, что над ним склонился вовсе не дряхлый Фарли, а известный наемный убийца Альберт Гаррик во фраке с белой манишкой и тяжелой бархатной мантии, которая переливалась в тусклом свете, как шкура сытой пантеры.

— Ты что, совсем спятил? — рявкнул Маларки.

— Не шуми, Маларки, — отозвался Гаррик, ввинчивая иглу еще чуть-чуть глубже в его грудь. — Или мне придется проткнуть твое сердце, как поганый гнойный нарыв.

Из своего положения Маларки не смог видеть старика-татуировщика.

— А где Фарли? Ты что, уколошил старого хрыча? — тихо спросил он.

— Зачем же, — ответил Гаррик. — Просто усыпил его эфиром и закатил под лестницу. Я же не зверь какой-нибудь.

— Ты не зверь, ты покойник, — злобно прошипел король Таранов.

Гаррик улыбнулся, обнажив желтоватые, как кукурузные зерна, зубы.

— Да, я уже был бы покойником, если бы ты справился как надо. Правда же, ваше величество?

Маларки слегка побледнел, сообразив, что раз Гаррик здесь, значит, посланные им убийцы уже навер-

няка скармливают собственные глаза крабам на дне Темзы.

— Это был заказ уважаемого клиента. Бизнес прежде всего.

— Я ценю подобную преданность делу, — согласился Гаррик, который и ожидал такого ответа. — Однако мне необходимо знать имя этого клиента, уважение к желаниям которого заставило ваше величество пренебречь риском от прямого столкновения с вашим покорным слугой.

— Этого имени тебе из меня не вытащить, — сказал Маларки, который уже едва терпел мучительную боль в груди.

Гаррик вздохнул, словно сокрушаясь, что люди вечно вынуждают его действовать вопреки собственной природе.

— Пока ты приводишь в порядок свои мысли, ваше величество, позволь рассказать тебе одну историю. Это библейское предание о Самсоне и Далиле. Самсон был великим воином из народа израильтян, которые преклонялись перед ним, примерно как твои подданные преклоняются перед тобой, Отто Маларки. Однако предательница Далила хитростью остригла его волшебные волосы и лишила его силы. История, как видишь, очень короткая, но, думаю, намек ты уловил, — договорил Гаррик, с каждой фразой вгоняя иглу еще на волосок ближе к сердцу Маларки.

Лицо Маларки взмокло от пота, но держался он стойко.

— Что ж, обрежь мою голову, дьяволово отродье. Имени я тебе все равно не скажу.

Гаррик ожидал, что человек с репутацией Маларки не сдастся так легко, но у него был еще один козырь в рукаве.

— Лично мне кажется, что вся эта история с остриганием волос не что иное, как эвфемизм, подразумевающий утрату мужской силы. Однако я знаю, как сильно ты дорожишь своей пышной гривой, так что моя угроза состоит в следующем: если ты сейчас же не скажешь, кто заключил контракт на мою голову, я...

— Ты обреешь мою голову. Это я уже слышал, Гаррик.

Гаррик издал звук, больше всего похожий на сдавленное хихиканье.

— О нет. Я сожгу твой скальп кислотой, так что больше на твоей макушке не вырастет ни единого волоска. А позже, через месяц, когда люди уже устанут хохотать над тобой, я вернусь под покровом ночи и убью тебя.

— Вот это действительно угроза, — отозвался Маларки, кривя губы. — Надо быть полным дураком, чтобы не отнестись к ней серьезно.

— Заставляет задуматься, верно?

Маларки, прищурившись, заглянул под поля черного цилиндра, чтобы поймать взгляд фокусника.

— Вот я и думаю: вдруг господин Гаррик не прихватил сегодня с собой свою кислоту и вся его угроза — просто блеф?

— Что ж, — снова ухмыльнулся Гаррик, — если вдруг это так, значит, ты умрешь в этом кресле, а я наколю на твоей широкой груди какую-нибудь безвкусицу.

Маларки был побежден, но не сломлен. Гаррик же, благодаря новым знаниям о психологических приемах ведения допросов, почерпнутых от специалиста в этом вопросе Феликса Смарта, понимал, что гордому человеку всегда нужно предоставить какой-нибудь выход: самый верный способ получить от него нужную информацию — дать ему возможность сохранить достоинство.

— Я искренне уважаю тебя, Отто, поэтому делаю тебе следующее предложение. Я просто-напросто выкуплю у тебя этот контракт. Пятьдесят соверенов прямо в твой карман, сию же секунду. Готов поспорить, это куда больше, чем заплатил тебе твой наниматель. Пятьдесят золотых — и ты немедленно приостанавливаешь все действия, предпринятые по указанию человека, который заключил с тобой сделку на мой счет. Увесистый кошель — всего лишь за имя человека, который натравил на меня Таранов. Плюс еще бонус: мне нужна отсрочка всего в один день. Если я не решу эту проблему к закату, можешь снова открывать на меня охоту.

Предложение и в самом деле оказалось крайне соблазнительным.

— Значит, завтра мы сможем тебя убить?

Снова сверкнули желтые зубы.

— О, вы можете попытаться. Но не забывай, что трое твоих лучших наемников уже попытались, и мне жаль говорить, что мистер Персивал и компания не смогут присутствовать на следующей вечеринке Таранов.

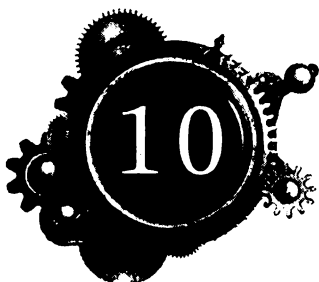
Маларки так и думал.

— Тогда слушай мое встречное предложение, Гарри. Я собираюсь сейчас закрыть глаза и поспать. Иногда во сне я болтаю разное... всякие вещи, которые ни за что бы не стал говорить, бодрствуя. Когда я проснусь, надеюсь, ты уже уйдешь, оставив у меня под рукой кошель с монетами. Как тебе нравится такой план?

Гаррик выдернул иглу из груди Маларки.

— Закрой глаза и узнаешь.

Мистер Харизмо

Гросвенор-сквер. Мэйфэйр. Лондон. 1898

Когда их везли в карете, Шеви поначалу думала, что Райли напуган, но вскоре поняла, что мальчишка просто на седьмом небе.

— Эй, малыш. С тобой все в порядке?

Райли так и подпрыгивал на сиденье четырехместного экипажа, подпихивая плечами Дживса и Нобля, которых отправили с ними в качестве конвоя.

— Да, Шеви, лучше не бывает. Знаешь, куда нас везут?

«Никуда, — мрачно подумала Шеви. — Мы навсегда останемся здесь, в викторианском Лондоне, и я в конце концов окажусь собственной прабабушкой».

Она поглядела в окошко кареты.

«Следи за тем, что вокруг тебя, специальный агент».

Они находились где-то в районе Пиккадилли и, судя по заметно похорошевшим окрестностям, двигались в сторону Мэйфэйра. Банды уличных мальчишек, бежавших вслед за экипажем, отстали

почти сразу, как они покинули Хэймаркет; число попрошайек на улицах существенно уменьшилось, а количество полицейских, патрулирующих тротуары, напротив, возросло.

Райли сам ответил на собственный вопрос:

— Нас вызвал к себе мистер Харизмо. Тот самый мистер Харизмо. Ты ведь знаешь о нем, верно?

Шеви ткнула локтем сидящего слева Нобля, чтобы он подвинулся.

— Нет. Никогда не слышала ни о ком по имени Харизмо.

— Ты не слышала о мистере Тайборе Харизмо? — поразился Дживс, хихикая. — Где же ты проторчала всю жизнь? В вигваме?

— В вигваме! — повторил Нобль, хлопая себя по колену и заходясь от смеха. — Ну ты и отмочишь иногда, Дживс!

Шеви насупилась:

— Так кто же он, этот ваш Харизмо? Какая-нибудь знаменитость?

Все трое просто остолбенели на мгновение от подобного невежества. Райли пришел в себя первым.

— Какая-нибудь знаменитость? Да мистер Харизмо все равно что Артур Конан Дойль, Герберт Джордж Уэллс и Робер-Удэн¹ в одном лице. Он наш самый выдающийся писатель, композитор и, разумеется, медиум.

— В таком случае об этом парне должны были рассказывать по историческому каналу.

¹ Знаменитый французский иллюзионист.

— Даже сама королева Вик консультируется с мистером Харизмо, — вставил Нобль, касаясь полей своего потертого котелка при упоминании августейшего имени.

— И Гладстон тоже к нему обращался, пока не дал дуба, — прибавил Дживс.

— Ты ведь знакома с похождениями Джеймса Бонда? — спросил Райли.

Шеви так и подскочила.

— Ну... да, вообще-то.

— Это романы, главный герой которых — командор Джеймс Бонд из военно-морских сил Ее Величества. В расследовании преступлений он уступает разве что мистеру Холмсу, хотя действует более энергичными методами.

— Его имя Бонд. Джеймс Бонд, — хором отозвались Нобль и Дживс, изобразив пальцами пистолеты.

— И, разумеется, симфонии мистера Харизмо знамениты во всем мире, — продолжал Райли. — Моя любимая — «Еще один кирпич в твою стену», где речь идет о сумасшедшем лютнисте Пинкусе Флойде.

Шеви нахмурилась:

— В твою стену?

— Ага. И, само собой, все в восторге от его пьесы «Бэтмен и Готэм-сити».

Дживс совершенно искренне поежился:

— Точно, от этого его Джокера меня прямо мороз по коже продирает.

Джеймс Бонд. Пинк Флойд. Бэтмен?

Шеви была вполне уверена, что эти вещи существуют не так уж давно. Кто бы ни был этот тип

по имени Харизмо, он знает чересчур много о будущем.

«Как же так получилось, что в будущем никто не знает о нем?»

Карета уже катила по гораздо более уютным кварталам. Шум оживленных улиц сюда почти не доносился, кроме разве что отдаленного грохота и лязга омнибусов, да деликатного цоканья копыт ухоженных и воспитанных лошадей, впряженных в обитые плюшем кареты. Если это был не самый богатый район Лондона, то уж точно он находился в паре шагов от него. Шеви готова была поспорить, что она и Райли наверняка единственные люди, оказавшиеся на этих улицах в наручниках. Экипаж скрипнул рессорами и остановился возле шестиэтажного особняка, который в двадцать первом веке несомненно будет стоить баснословных денег.

— Прибыли, — пророкотал с высоких козел голос кучера. — Гросвенор-сквер, северная сторона. Кому сюда — прошу сходить.

Прежде чем пассажиры успели сойти на землю, с парадной лестницы бегом скатился, радостно всплескивая ручками, невысокий толстяк в безупречно сшитых брюках и изысканном парчовом жилете. Впрочем, основное внимание в его облике привлекал лиловый, расшитый драгоценными камнями тюрбан, венчавший голову.

— Гости, — пропел он, — сегодня у Тайбора гости.

Незнакомец проворно вспрыгнул на подножку экипажа и широко распахнул лакированную дверцу.

— Дети, добро пожаловать, — сказал он, просовывая голову внутрь кареты, и его широкая улыбка сменилась выражением полнейшего ужаса, когда он заметил наручники. — Да нет же! Что за чудовищное обращение! Снимите эти жуткие цепи с нежных ручек моих гостей. *Tout de suite!*¹

Дживс явно разрывался между благоговением и чувством долга.

— Прямо не знаю, мистер Харизмо. Король Отто не велел мне снимать с них наручники прежде, чем мы войдем в дом. И кстати, позвольте сказать, что я ваш большой поклонник. Моя жена прям с ума сходит от «Смотри, скрипач на крыше».

Тайбор Харизмо гневно сверкнул глазами, и Шеви показалось, что они подведены тушью.

— Войдете в дом? Да ноги вашей не будет в моем жилище! Ради всего святого, у меня же там везде арабские ковры.

Дживсу не улыбалось спорить с кумиром своей дорогой супруги, однако он знал, что Отто требует безукоризненного исполнения своих приказов.

— Тут уж как ни крути, а приказ есть приказ, сэр.

Шеви заметила, что Харизмо носил вдобавок лицевую театральную маску, закрывавшую левую часть его лица от линии волос до скулы. Маска была искусно покрашена в тон кожи и полностью сливалась с ней, так что заметить ее можно было только с близкого расстояния. Шеви задумалась, было ли это частью пу-

¹ Немедленно (*франц.*).

бличного образа ее владельца, как тюрбан, или же он пытается что-то скрыть?

Завитые усики Харизмо даже задрожали от ярости.

— Я отказываюсь понимать вас, сэр. Ну-ка, назовите Харизмо свое имя.

Дживс, отпрянув, прижался к стенке кареты.

— Эй, незачем выпрашивать у человека его имя, если он всего-навсего делает свою работу!

— Не говори ему, Бен, — посоветовал Нобль. — А не то он тебя сглазит.

— Закрой свою болтливую пасть! — взвизгнул Дживс.

— Ага! — обрадовался Харизмо. — Значит, Бенджамин?

Нобль вытаращил глаза.

— Спокуха, дружище, Бенов в Лондоне целая прорва. Про Дживса-то он не знает, верно?

Шеви невольно застонала. Тупые громилы — они и есть тупые громилы, какое столетие ни возьми.

Харизмо прижал большой палец правой руки к крупному рубину на своем тюрбане и направил указательный палец на Дживса, который к этому моменту испуганно съежился в углу.

— Бенджамин Дживс, — протяжно проговорил Харизмо, и благодаря какому-то фокусу с подсветкой его глаза как будто замерцали, — Бееенджамин Джииииивс.

Большого и не потребовалось.

— Погодите, мистер Харизмо, вот, смотрите, — залопотал Дживс, нащупывая ключ за лентой тульи своей неряшливой шляпы и принимаясь торопливо

орудовать им в наручниках Шеви. — Видите, я уже снимаю браслеты. Так что вам совсем не нужно заглядывать в мое будущее.

Харизмо тут же оставил свой рубин в покое.

— Что ж, прекрасно. Так бы сразу, грубиян неотесанный. А теперь освободи мальчика.

— Уже не нужно, — сказал Райли, швыряя наручники Ноблю. — Я растянул их еще на Пиккадилли, пока эти двое таращились на группу леди с Востока.

— Я раньше ни одной такой не видел, — виновато пробубнил Нобль.

Харизмо соскочил с подножки.

— Итак, я подтверждаю доставку пленников и принимаю за них полную ответственность. Пожалуйста, передайте мистеру Маларки, что с ним очень приятно иметь дело. Пусть он ожидает моего звонка по Телефоникусу.

Упоминание о чудесном устройстве заставило обоих громил почтительно коснуться шляп, словно речь шла о члене королевской фамилии.

— Мы непременно так и сделаем, мистер Харизмо, и спасибо вам большое.

Тайбор Харизмо внезапно застыл на месте, прижав пальцы к вискам.

— Я что-то вижу... это случится в этом году. Вижу ликующую толпу, слышу грохот копыт... «Манифесто», слово «Манифесто». Оно что-нибудь значит для вас, джентльмены?

Нобль и Дживс так и вцепились друг в друга, не скрывая крайнего возбуждения. Харизмо был знаме-

нит своими предсказаниями и никогда не ошибался. Толковый человек мог сколотить состояние, получив такой нарек.

— Манифесто, — произнес Дживс благоговейным шепотом. — Я поставил на этого красавца в прошлом году в Эйнтри. Он тогда пришел первым с отрывом в двадцать корпусов. Я неделю питался отборной говядиной.

— Выходит, в этом году он победит снова, — сказал Нобль. — Только никому ни слова. Нам ни к чему, чтобы ставки на него упали.

— Не, никому не скажем. Только я и ты, Нобль.

Харизмо энергично хлопнул в ладоши:

— Джентльмены, полагаю, вы сделали свое дело и можете быть свободны. А я буду угощать моих гостей.

Дживс чуть ли не пинком выставил Шеви из экипажа, а следом за ней и Райли.

Харизмо задрал голову, обращаясь к громадного роста кучеру, рядом с которым на сиденье зловеще покоилась увесистая дубинка, очевидно, на случай, если кто-то из грабителей отважится напасть на его экипаж. В целом кучер выглядел так, словно ему довелось повидать все до единого ужасы, которыми богат Лондон, а может быть, и поучаствовать в большей их части. Голова у него была наголо обрита, над правым ухом виднелся шрам в форме звезды.

— Барнум, отвези этих джентльменов туда, куда они пожелают, а потом сразу возвращайся назад.

— Да, хозяин, — ответил кучер басом и присвистнул лошадям, понукая их вожжами.

— Знаю, знаю, — сказал Харизмо, когда экипаж тронулся и покатил по мостовой. — «Хозяин». Звучит мелодраматично, но я прямо трепещу каждый раз, когда слышу это. Дело в моем скромном происхождении, понимаете ли.

Шеви растирала следы от наручников на запястьях, задаваясь вопросом, что все это значит.

«Что мне теперь делать? — думала она. — Как учебники ФБР рекомендуют вести себя при общении с известными медиумами, когда попадаешь в прошлое?»

Она чувствовала камни мостовой под ногами, ощущала в вечернем воздухе запах цветов с подоконников окрестных домов.

«Нас избили, одурманили, связали, приволокли куда-то и снова избили, — думала она. Кажется, нам нужно немного передохнуть».

— Вероятно, вы подумываете о побеге, — сказал Харизмо, беря их обоих за руки. — Конечно, вы недоумеваете: кто этот неведомый благодетель, который вытащил вас из огня и теперь наверняка собирается бросить в полымя, а? Что ж, если таково ваше решение — бежите прямо сейчас. Хотя я буду крайне, крайне огорчен. Харизмо так готовился к вашему прибытию! Горячая ванна, свежая постель, мягкие подушки, жареная дичь... Хотя, конечно, дело ваше. Я узрел вас обоих в своих видениях и почувствовал, что вы очень необычные люди. Я просто хотел бы поговорить с вами, а может быть, и записать ваши приключения, чтобы использовать их потом в своем новом романе. Я сейчас как раз работаю над одной комедией положений под названием «Приключения Розовой Пантеры», однако это может подо-

ждать. Я чувствую, что ваша история может оказаться гораздо более интересной. Одним словом, вы можете гостить у меня, сколько пожелаете, и в благодарность за то, что вы посвятите мне некоторое количество вашего времени ежедневно, я буду обращаться с вами, как с королевскими особами, а возможно, и познакомлю вас с кем-нибудь из них. Что скажете?

«И что же мы скажем? — подумала Шеви. — Я понятия не имею, кто этот человек и что здесь вообще происходит. Приключения Розовой Пантеры? Ничего себе. Нам с Райли нужно переговорить наедине».

Она повернулась, чтобы посоветоваться со своим младшим спутником, но тот уже несясь вверх по парадной лестнице импозантного особняка.

— Похоже, мы остаемся, — сказала она Харизмо.

Коротышка стиснул ее ладонь.

— Превосходно. Вы даже не представляете, как я этому рад. Прежде всего мы дадим вам возможность привести себя в порядок и подберем вам что-нибудь из одежды для леди вместо этого мальчишеского костюма, который вас, вероятно, заставили надеть ваши похитители.

Шеви проводила глазами двух молодых женщин, сошедших с экипажа: в огромных шляпах и юбках в миллион слоев каждая.

«Одежда для леди? — подумала она. — Только не в этой жизни».

Шеви разбудил вертикальный луч света, прорвавшийся в комнату сквозь щель в занавесках. Сначала она изо всех сил старалась не замечать его, но как бы

она ни поворачивала голову, луч словно преследовал ее, пробиваясь сквозь закрытые веки. В конце концов, собрав остатки сил, она натянула себе на голову подушку и вот-вот снова погрузилась бы в сон, если бы не овцы.

«Овцы? Но разве овцы, наоборот, не помогают людям засыпать?»

Подсознание Шеви выдало идею, что она могла бы попытаться сосчитать этих овец.

«Нет, — подумала Шеви. — Не стану я считать никаких овец».

Однако разум — сам себе хозяин, и, независимо от Шеви, он уже начал прикидывать, сколько овец может быть в стаде, исходя из различий в их бляении.

«Удивительно: каждая овца — это отдельная маленькая личность, если внимательно прислушаться».

Именно эта мысль и заставила Шеви открыть глаза. Мысли вроде этой может оказаться вполне достаточно, чтобы вышвырнуть сотрудника из Бюро, если только он осмелится озвучить ее психиатру.

— Овцы! — простионала она. — Ну откуда здесь, на Бэдфорд-сквер, могут взяться овцы, да еще в такую рань?

Она села в кровати, тут же увидела, что это не ее привычная койка, а широченное латунное сооружение, украшенное сверх всякой меры оборками, лентами и вышитыми подушками, и вспомнила, что она вовсе не на Бэдфорд-сквер.

— Значит, это был не сон, — вздохнула она. — Какая жалость.

Шеви стянула с себя легкое, как пух, одеяло, выбралась из кровати и поплелась по пышному ковру к пурпурным бархатным шторам, отделанным золотыми шнурами с кисточками.

Она постояла возле высокого подъемного окна, глядя вниз на аккуратные викторианские домики, населенные главным образом служащими и торговцами, скромно прячущими свои производства от глаз более значительных граждан города.

Ей припомнилось кое-что из того, о чем говорил Харизмо вчера за ужином.

«Герцог Вестминстерский, который часто обращается ко мне за консультациями, живет неподалеку от Гросвенор-сквер, и у меня есть телефоническая линия, проведенная прямым путем в его кабинет. Мне всего лишь нужно взяться за трубку, и один из самых могущественных людей Великобритании будет внимательнейшим образом слушать все, что я скажу».

Кем бы он ни был, этот Харизмо, влиянием он пользовался огромным. Даже забавно, что один и тот же человек имеет прямую телефонную линию и к герцогу Вестминстерскому, и к Отто Маларки.

Взгляд Шеви вдруг зацепился за пожилого мужчину, который шел по дорожке между живыми изгородями, ведя за собой на веревке четырех овец.

«Четыре, — подумала Шеви. — Так я и думала».

Харизмо приказал горничной забрать одежду Шеви и сжечь ее, пообещав, что девушка сможет выбрать себе в гардеробе что-нибудь более подходящее для молодой леди из приличного общества. Распах-

нув просторный деревянный шкаф, Шеви обнаружила, что его половина, отведенная для женской одежды, вмещает всего два платья с объемными турнюрками, тогда как половина, предназначенная для мужского платья, содержит неплохой выбор городских и охотничьих костюмов. Шеви выцепила из нее бриджи для верховой езды, сшитые, скорее всего, для мальчика-подростка, заправила их в высокие, до колен, охотничьи сапоги и довершила свой наряд хрусткой белой сорочкой.

«Надо нам отсюда выбираться, — подумала она. — Не доверяю я этому Харизмо: слишком уж он с нами ласков. И к тому же для человека из прошлого он чересчур много знает о будущем. А в его дар предвидения я не верю ни на грош».

Прижав ухо к двери, она услышала голоса: где-то внизу оживленно разговаривали.

«Не сомневаюсь, что страстный поклонник талантов хозяина, малыш Райли, вываливает ему все, что только приходит в голову».

Вместе со звуками до нее донесся аромат кофе и свежее испеченного хлеба. Шеви тут же почувствовала, что просто умирает от голода, несмотря на роскошный пир, который Тайбор Харизмо устроил им накануне вечером.

«Цыпленок, цесарка, индейка, фазан. Интересно, сколько птиц может слопать один человек в один присест?»

Она повертела расписную дверную ручку и с некоторым замешательством обнаружила, что дверь заперта.

«Странно. И с чего бы нашему предполагаемому благодетелю держать меня взаперти?»

Согласно выводам Шеви, это был всего лишь еще один пункт в длинном списке улик против Харизмо.

«У этого человека есть какая-то связь с миром будущего. Он замешан во всей этой истории, и, если повезет, сможет указать нам путь домой».

Однако, решила Шеви, прежде чем набрасываться на него со своими подозрениями, разумнее будет оглядеться вокруг и добыть хоть какие-то доказательства.

«Я федеральный агент, — подумала она. — И совать нос в разные темные делишки — это лучшее, что мы умеем».

Окно тоже оказалось закрыто, что несколько притормозило деятельность Шеви. Отыскав подушку, на которой был вышит портрет самого хозяина дома, она прикинула, что можно было бы приложить ее к стеклу и как следует врезать Харизмо по носу локтем.

Однако высаживать оконное стекло — не лучшая идея. Звон будет слышен на большом расстоянии, а в домиках и мощеных двориках вокруг полно народу. Как только она поднимет шум, на нее уставятся сотни глаз.

«С этим Харизмо что-то не так. Либо он сам из будущего, либо хорошо знает кого-то оттуда, но дело не только в этом. Я чувю в нем что-то недоброе, и это чувство основано не только на косвенных доказательствах и дурацкой маске, от которой у меня мурашки бегут по спине».

Не просто подозрение — уверенность. Что-то, отложенное в памяти, что она никак не может вытащить на поверхность.

«Давай же, подсознание... Где же ты, когда наконец понадобилось?»

Должен быть еще какой-то выход отсюда, кроме как через окно. Шеви потратила пару минут, простукивая стены в поисках тайного хода, который, судя по фильмам, должен быть в каждом уважающем себя викторианском особняке, однако никакого гулко-го эха она не услышала: только глухой стук прочной кирпичной кладки. Потом она заметила шелковый экран, тоже с вышитым портретом Харизмо. Она с легкой досадой пнула экран носком сапога, ни на что особенно не рассчитывая. За экраном оказался камин с букетами из сухих цветов на мраморной полке.

«Дымоход. Гаррик пробрался в «Гарден-отель» через дымоход. Вот уж никогда не думала, что стану пользоваться его приемами».

Шеви встала на колени и сунула голову в камин, рассматривая выложенную красным кирпичом дымовую трубу. То, что кирпичи красные, было видно даже сквозь чешуйчатый слой сажи, благодаря лучу света откуда-то сверху.

«Свет, — подумала Шеви. — Это означает, что этажом выше тоже есть камин».

Она кое-как втиснулась в дымоход. Места в нем оказалось ровно столько, чтобы с трудом протискиваться, но никак не пожимать плечами.

«Значит, не буду пожимать плечами», — решила агент Савано, и, изогнувшись, исчезла в камине целиком.

Пока Шеви обдирала нос о красный кирпич дымохода, Райли беседовал с любимцем общества, Тайбором Харизмо, в его личном кабинете. Райли, безусловно, был одним из самых восторженных поклонников творчества Харизмо, и Тайбор, разумеется, оказался невероятно доволен этим фактом как начальной точкой развития их отношений.

Они сидели за крайне необычным письменным столом красного дерева в форме стилизованного грифона, с телом льва и выступающей с одной стороны позолоченной орлиной головой. В плоской львиной спине, обитой бледно-оранжевой кожей, были сделаны специальные углубления для бутылочек с чернилами, перьев и промокательной бумаги.

Хоть Райли и довелось ненадолго заглянуть в двадцать первый век, этот стол казался ему самым прекрасным произведением искусства, которое ему когда-либо приходилось видеть.

— Вижу, вы любуетесь моим столом, — заметил Харизмо. Сегодня утром он скрыл свои черные кудри под старомодным напудренным париком, а маску раскрасил в яркие красно-оранжевые тона, придававшие ему несколько демонический облик. Одет он был в шелковый стеганный халат с пышным меховым воротником.

— О да, сэр, — откликнулся Райли. — Более красивой вещи я не видел.

Харизмо с довольным видом постучал пальцами по столешнице.

— Подарок от русского царя. Не поверишь, однажды я приготовил для него особую припарку, чтобы

убрать огромную бородавку с его носа. Унизительный для монарха изъян уменьшился на шестьдесят процентов. Александр был очень благодарен.

У Райли отвисла челюсть.

— Так вы еще и целитель?

— О, формально я не имею врачебной квалификации, — сказал Харизмо таким тоном, из которого явственно следовало, что получение «формальной квалификации» — всего лишь зряшная потеря времени для такого человека. — Я владею даром общения с миром духов, который является средоточием всего человеческого опыта и знаний в прошлом, настоящем и будущем. Духи говорят со мной, когда я сплю, нашептывая мне слова, музыку, а также сведения о грядущих событиях. Войнах и стихийных бедствиях, эпидемиях и голоде. О, это страшное время.

Харизмо с изнуренным видом прижал ко лбу костяшки пальцев:

— Никто, никто не понимает, какой тяжкий крест я несу.

Райли осмелился ободряюще коснуться локтя своего кумира:

— Шерлок Холмс сказал: «Гений — это бесконечная способность принимать на себя горести этого мира». А вы, сэр, безусловно, величайший из гениев всех времен.

Харизмо улыбнулся с оттенком печали:

— Ах, милый мальчик. Да, возможно, так и есть. И как же приятно, что кто-то признает этот факт. Ты в самом деле очень проницательный молодой человек.

Харизмо аккуратно промокнул кружевным платком под правым глазом.

— Да, проницательный и очень воспитанный. Не сомневаюсь, что ты уже обратил внимание на мои многочисленные маски, но воздержался от любых замечаний, — сказал он, тронув пальцами гладкую поверхность маски, плотно прилегающей к левой стороне его лица. — Эта самая модель происходит из японского театра Но и изображает дьявола.

Он хихикнул.

— Обычно я надеваю ее специально для спиритических сеансов. Немного отдает мелодрамой, я знаю, зато производит сильное впечатление на присутствующих леди. Я знаю, что они говорят обо мне, — продолжил он после паузы, придав своему лицу выражение безмерной усталой грусти, — эти так называемые джентльмены из прессы. Дескать, что Харизмо прячет под маской свои бородавки. Или что Тайбор Харизмо нагнетает вокруг себя таинственность, потому что на самом деле он мошенник. Однако истина в том, что я ношу все эти маски из-за одного ужасного физического недостатка. Это родимое пятно, из-за которого в детстве я натерпелся столько насмешек, что не могу решиться выставить его напоказ. Даже ночью я сплю, прикрывая лицо шелковой вуалью. За что, за что бедному Тайбору выпали все эти мучения? — воззвал он к небесам, стукнув ладонью по столу, но тут же отвлекся: — О, гляди-ка. Чай!

Вошедший в кабинет Барнум, тот самый громадный кучер, оказался также и дворецким. Теперь он был втиснут в ливрею и толкал перед собой тележку,

заставленную чайными принадлежностями и пирожными.

— Уж я знаю, до чего вы, юные проказники, охочи до сладостей, — сказал Тайбор, наполняя тарелку для Райли.

— О нет, сэр, — попытался сопротивляться Райли, чей живот до сих пор едва не лопался после чрезмерно обильного завтрака. — Я не привык к такой богатой пище.

— Глупости, — категорично заявил Харизмо. — Ты просто обязан попробовать *les macarons*¹. Мой повар — француз, и это его фирменное блюдо. Хотя не скрою, что изобретение некоторых вкусовых усовершенствований является моей личной заслугой. Щедрый дар от духов.

— Ну, может быть, только одно, — сдался Райли, выбирая самое маленькое пирожное.

Харизмо наполнил свою собственную тарелку китайского фарфора и некоторое время увлеченно и сосредоточенно наслаждался угощением, сопровождая каждый глоток довольным урчанием. Наконец он откинулся назад и, поднеся ко рту свой кружевной платок, рыгнул в него с такой силой, что легкая ткань затрепетала.

— Итак, о чем же мы беседовали? Ах да, об испытаниях, выпавших на долю Тайбора... но хватит об этом. Не то ты сочтешь меня ужасным невежей. Мы же здесь для того, чтобы поговорить о тебе. Духи заверили меня, что твоя жизнь была полна удивитель-

¹ Миндальные пирожные (франц.).

ных событий. Давай же для начала поговорим о твоих необычных глазах.

Харизмо взялся пальцами за виски.

— Духи сообщают мне, что такое состояние называется анизокория¹ и что оно часто возникает в результате травмы, хотя может и передаваться по наследству.

Тайбор внезапно с исключительным вниманием наклонился вперед, так что стали видны крошки сахара на его губах.

— Можешь вспомнить, мой дорогой мальчик? Можешь вспомнить своих родителей? Была у них анизокория?

Райли хлебнул чая.

— Я точно не помню, сэр. Иногда мне что-то снится, или случается нечто вроде видений... Я был очень мал, когда мои родители умерли. Точнее, были убиты. Человеком по имени Гаррик. И сейчас он гонится и за мной тоже.

Харизмо с испуганным видом прижал платок к губам.

— Quelle horreur²! Ты сказал — убиты? Но это же ужасно, совершенно ужасно. Не бойся, мой мальчик, — прибавил он, — здесь ты в полной безопасности.

Райли поставил чашку на блюдце, задумчиво поводя пальцем по узору из танцующих девушек на китайском фарфоре.

¹ Симптом, при котором размер зрачка правого и левого глаза заметно различается.

² Какой ужас! (франц.)

— Я не смогу остаться надолго, сэр. Вы были так добры, что предоставили нам убежище, но Гаррик непременно отыщет меня, и тогда вы тоже окажетесь в опасности. Моя совесть не вынесет такой ответственности.

Харизмо фыркнул.

— С твоего позволения, Райли, я позабочусь об этом самом Гаррике.

Райли смущенно почесал болячку на плече, что татуировщик Фарли строго-настрого запретил ему делать.

— Все так говорят, сэр. А потом Гаррик их убивает.

— Ты не против, если мы заключим джентльменское соглашение? — спросил Харизмо. — Сейчас мы немного поболтаем, потом я сделаю кое-какие пустяковые заметки, а сразу после этого я задействую все свои возможности — которые, поверь, весьма велики, и включают в том числе Отто Маларки и его подручных, — чтобы заняться твоим Гарриком. Как тебе такое предложение?

Райли заставил себя улыбнуться.

— Превосходно, — сказал он, твердо решив, что им с Шеви нужно убраться отсюда еще до наступления ночи.

Первая мысль Шеви после того, как она выбралась из камина в комнате этажом выше ее спальни, была о том, что ей, возможно, не стоило надевать белую рубашку.

«Что-то не везет мне в последние дни с одеждой, — подумала она. — В последние дни? Имеют ли теперь эти слова хоть какой-то смысл?»

Восхождение по дымоходу оказалось сложным, но далеко не невозможным для человека, который в бытность свою курсантом весь первый месяц обучения был обязан преодолевать ползком полмили по вышедшей из употребления канализационной трубе, с протянутой над головой колючей проволокой и нависающим над ней чрезвычайно раздражительным инструктором ФБР. Так что ее беспокоило только одно: если она вдруг потеряет точку опоры на крошащемся известковом растворе между кирпичами, то соскользнет прямиком до самого подвала.

Перебравшись через каминную решетку, Шеви наконец распрямилась, радуясь долгожданной свободе: еще пара минут, и у нее случился бы приступ клаустрофобии.

Теперь можно и осмотреться. Комната, в которой она оказалась, была раза в три больше той, где она ночевала, и ее убранство отличалось куда большей роскошью. Кровать размером с батут была оформлена в морском стиле, с опорами в виде мачт и пологом, изображающим паруса. В центре кровати высилась гора из сине-белых полосатых подушек, с латунного крючка в изголовье свисало что-то вроде легкой вуали. Шеви насчитала больше дюжины газовых рожков на стенах, плюс четыре электрических лампочки. Одно из телефонных устройств Харизмо стояло на прикроватном столике, второе — на письменном бюро со сдвижной крышкой. Стены были увешаны картинами в тяжелых золоченых рамах, все с изображением самого хозяина дома. Часть их представляла собой портреты, другие отражали важ-

нейшие события его головокружительной карьеры. Вот он на сцене Ковент-Гардена рядом с Робертом Луисом Стивенсоном, вот Тайбор лично вручает королеве Виктории свою переплетенную в кожу книгу. Рядом с окном висела забранная под стекло обложка журнала «Харпер Мэгэзин», разделенная лентой с узором из британского флага на две половинки; на левой был изображен Харизмо, говорящий в трубку своего Телефоникуса, а на другой — счастливо изумленная мать и ее дочери в пышных юбках, жадно прильнувшие к такой же телефонной трубке.

Шеви поискала глазами что-нибудь, что могло бы подтвердить ее нехорошие подозрения относительно Тайбора Харизмо. Она нутром чуяла, что с ним что-то не так, а своим инстинктам она научилась доверять еще тогда, когда работала под прикрытием в Лос-Анджелесе.

«Про тех ребят я знала, что они чисты. И про Тайбора я просто знаю, что он темнит. Нужно всего лишь отыскать связь. Было только два человека из будущего, которые скрывались здесь. Одним из них был отец Райли, агент ФБР, а вторым — человек, которого он охранял».

Полная коллекция полумасок Харизмо располагалась на отдельной деревянной панели у стены, каждая маска висела на отведенном ей латунном крючке.

«Видно, наш хозяин очень любит свои маски», — подумала Шеви, касаясь маски, которая выглядела как золотая, но на самом деле оказалась просто из позолоченного гипса.

«Все не то, чем притворяется».

Почти бессознательно она принялась мурлыкать про себя вступление к песне, которую отец то и дело крутил на своем проигрывателе: Эрик Клэптон, «Под маской».

«А теперь послушаем настоящую музыку, малышка», — говорил ей папа каждый раз, опуская иглу на пластинку.

«Под маской. Я хочу знать, что скрывается под маской».

Панель с масками внезапно пошла трещиной прямо посередине. Или нет, это не трещина, а щель, потому что панель на самом деле оказалась рядом дверец.

«Где же ручка?»

Ручки не было, поэтому Шеви уперлась в каждую дверцу пальцем и надавила. Дверцы слабо подались и распахнулись, открыв утопленный в стену шкаф и доску для записей. К доске было пришпилено несколько рисунков, а на полках шкафа обнаружились разнообразные предметы.

«Успокойся, — велела она себе. — Смотри внимательно и ничего не пропусти».

— О боже, — сказала она затем вслух, удивившись, что ее подозрения подтвердились так быстро. — Теперь мне с тобой все ясно, Тайбор.

«Какое странное имя он себе выбрал, — подумала она вдогонку. Гораздо более причудливое, чем Терри».

Внезапно она услышала быстрые шаги: кто-то тяжелый спускался по лестнице совсем рядом с комнатой хозяина.

«Мне нужны доказательства для Райли».

Шеви поспешно схватила два предмета из шкафа: первый — блестящее кольцо, покоившееся на бархатной подушечке, и второй — тот, который поможет ей вернуться домой. Она оказалась внутри камина прежде, чем маски перестали покачиваться на своих крючках.

Внутри камина Шеви задумалась, как действовать дальше.

«Я должна каким-то образом оказаться с Райли наедине и показать ему, что я нашла. Мне отвратительно разрушать его веру в героя, но Харизмо вовсе не такой уж гений, каким притворяется».

Она поползла вниз по дымоходу к лучику света внизу.

«Свет. Моя комната».

В спальню наверху никто так и не вошел. Шаги, которые ее спугнули, оказались ложной тревогой. И все равно, чем раньше она вернется к себе, тем лучше. Ей и так сильно повезло, что ее пока никто не заметил.

Шеви представила себе орущего прямо ей в ухо инструктора из Куантико, и это заметно ускорило ее спуск по дымоходу. Каких-нибудь три минуты — и вот ее сапоги уже высунулись из камина в ее собственной спальне.

Шеви согнулась и вывалилась в комнату, снова испытав огромное облегчение, что ее тело больше не стиснуто в узком пространстве.

«Я сделала это», — подумала она.

Чей-то голос у нее над головой проговорил:

— Так-так-так. И что же это свалилось к нам в камин? Может, один из эльфов Санта-Клауса, а?

«Если это голос того здорового кучера по имени Барнум, то я влипла», — подумала Шеви.

Это был действительно его голос, и Шеви действительно влипла.

Альберт Гаррик всегда ощущал легкое беспокойство, проходя по Мэйфэйру. Несмотря на щеголеватый вид и длинные волосы, какие обычно носили люди знатного сословия, его не оставляла неприятная мысль, что низкое происхождение находит какое-то отражение в его взгляде, видимое и понятное всем встречным.

«Из-за этого, несмотря на все мои знания и весь мой опыт, я не могу чувствовать себя комфортно на этих улицах».

Он попробовал поддержать уверенность в себе следующими ободряющими рассуждениями: «Выше нос, Альби. Ты уже давно не голодный беспризорник, подбирающий на мостовой объедки со стола богатеев. Пора счистить этот позор со своей души, как ты считаешь нечистоты со своих сапог».

Когда он проходил мимо, молоденькая продавщица цветов присела в реверансе:

— Не желаете ли гвоздику в петлицу, милорд?

Это простенькое приветствие незнакомой цветочницы внезапно подняло настроение Гаррику куда больше, чем все его собственные старания, и он улыбнулся так искренне, как уже давно не улыбался. Он

протянул руку к ушку девушки и достал из-за него блестящий золотой.

— Это тебе, моя милая. Купи себе что-нибудь красивое, себе под стать.

Девушка, заикаясь, пролепетала слова благодарности, не сводя глаз с монеты в руках, словно она могла вот-вот растаять, как льдинка.

Фокусник же продолжил свой путь дальше к северной стороне Гросвенор-сквер, к резиденции Тайбора Харизмо — человека, который нанял Отто Маларки, чтобы убить его, Гаррика.

К знаменитому на весь Лондон жилищу Харизмо прилегал тщательно ухоженный частный парк, предназначенный исключительно для обитателей квартала и защищенный от прочей публики тяжелыми запирающимися воротами. Впрочем, вооруженного отмычками фокусника эти ворота задержали не больше, чем надпись «ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ» может задержать собаку. Уже через несколько секунд он сидел, расслабленно откинувшись, на чистой полированной скамейке и любовался роскошными гималайскими рододендронами, внимательно разглядывая сквозь их покачивающиеся на легком ветерке цветущие головки особняк Харизмо.

«Значит, теперь Тайбор Харизмо решил избавиться от меня, как некогда он решил избавиться от семьи Райли».

Потому что именно Тайбор Харизмо больше десяти лет назад заключил с Альбертом Гарриком контракт на убийство всей семьи Райли, проживавшей

в Брайтоне. А теперь, по прошествии времени, он на-верняка узнал, что Гаррик обманул его, и решил довести дело до конца.

«Но только ли в этом причина? Неужели Харизмо пошел против меня всего лишь из-за жизни одного мальчишки?»

И Гаррик решил, что, если обстоятельства позволят, он задаст этот вопрос самому Харизмо, прежде чем убить его.

За окном мелькнуло какое-то движение, и помолодевшие глаза Гаррика без труда распознали маячившую за стеклом фигуру, даже с такого расстояния.

«Харизмо».

Гаррик резко выпрямился, как будто по скамейке пробежал электрический разряд.

«Значит, сегодня мой враг у себя дома. Что ж, это облегчит работу».

Он вдруг порадовался, что сегодня так щедро одарил уличную цветочницу.

«Вот видишь, Альберт. Вспомни, как говаривала матушка Феликса Смарта: если ты делаешь другим что-то хорошее, то добро непременно вернется к тебе».

Тем временем в доме на Гросвенор-сквер Тайбор Харизмо с удовольствием побаловал себя еще одним пирожным в ожидании, пока подмешанные в чай Райли барбитураты как следует подействуют на мозг подростка. Радости желудка всегда были его слабостью.

Когда же глаза мальчика остекленели, а руки безвольно повисли вдоль туловища, Харизмо приступил

к допросу по-настоящему, уже не скрывая истинных мотивов нежданно проявленной доброты.

— Итак, Райли, позволь мне объяснить, что сейчас происходит. Я напоил тебя смесью барбитуратов, которую составил сам. Это сыворотка правды. Ты, конечно, можешь попытаться противостоять ей, но тем самым ты рискуешь нанести большой ущерб своему мозгу. Так что для твоего умственного здоровья будет гораздо лучше, если ты правдиво и искренне ответишь на мои вопросы. Ты хорошо меня понимаешь?

— Д-да, — отозвался Райли, с трудом ворочая языком. Он чувствовал себя как пьяный, казалось, сам воздух тяжело давит ему на плечи.

Харизмо хлопнул в ладоши.

— Превосходно. Итак, первый вопрос: ты прибыл через червоточину или просто забрался в дом на улице Полумесяца, потому что тебе негде жить?

Райли не особенно удивился, что мистер Харизмо знает про червоточину. Он же общается с духами, вот они и сказали ему, верно?

— Червоточина, — неразборчиво промямлил он. — Из будущего.

Харизмо нахмурился.

— Полагаю, тебя каким-то образом затащили во временной тоннель из Бэдфорд-сквер, а затем вернули назад с улицы Полумесяца, правильно?

— Д-да. Затащили и вернули. Будущее приятно пахнет.

— А мисс Савано — какую роль эта милая особа играет во всей этой истории?

Райли прикрыл глаза и расплылся в улыбке.

— Она из ФБР. Специальный агент, вот как.

Харизмо вскочил на ноги, скрутив свой платок так, словно сворачивал шею индейке.

— ФБР? Чертово Ф... Б... Р... Проклятье.

— Совсем как мой бывший отец. Я видел его значок со щитом.

— Как твой бывший отец? — медленно проговорил Харизмо, с каждым словом укрепляясь в своих подозрениях. — Ну конечно же. Я слышал, что у Гаррика есть мальчишка. Но я не знал, что это и есть ты.

Он снова обратился мыслями к Шеви.

— Она явилась сюда за мной?

— За вами, сэр? О, нет. Мы просто спасались от Гаррика. А он хочет заполучить обратно пульт. Это последний пульт, который остался от этой червоточины. Точнее, *был* последним, пока Отто Маларки не разбил его вдребезги.

— Значит, последний, — перевел дух Харизмо, заметно расслабившись. — Что ж, значит, мне ничто не угрожает. Гаррик к этому времени наверняка уже покойник, но даже если он еще жив, ему неоткуда знать, что у меня есть еще один пульт.

— Это не так, сэр.

Харизмо раздраженно встряхнул платком.

— Что не так, мальчик?

— Гаррик не покойник. Все делают эту ошибку.

— Только не Тайбор Харизмо, — заявил Тайбор Харизмо. — Я хорошо позаботился об Альберте Гаррике. Однажды он пересек мне дорогу, но больше я этого не допущу.

Тайбор сунул в рот последнее пирожное с блюда и с удовольствием прожевал, мыча про себя какой-то мотивчик.

— Это припев из новой песни, которую я сочиняю, под названием «Все мы живем на желтой подводной лодке». Жалко, что я не смогу выпустить ее в свет до тех пор, пока подводные лодки не станут обычным явлением.

Дверь широко распахнулась, и в нее ввалился слуга Барнум, волоча за собой Шеви. Она была крепко связана несколькими витками веревки, но все еще продолжала отбиваться.

— Эй, в чем дело? — воскликнул Харизмо. — Это не было предусмотрено.

— Я нашел ее в камине, — сообщил Барнум, швыряя Шеви под ноги хозяину.

— Не было предусмотрено? — подала голос Шеви, зашипев от боли в ободранной о ковер щеке. — Неужели духи вас не предупредили?

Харизмо ткнул Шеви в плечо острым носком своей шелковой туфли, так что она опрокинулась на спину.

— Я получаю информацию от духов иначе, — сказал он и приставил палец к виску, — агент Савано из Федерального бюро расследований.

Шеви презрительно фыркнула.

— Эй, а почему бы вам не расспросить духов о некоем Терри Картере, продажном банкире из Нью-Йорка?

При упоминании имени Картера Харизмо громко ахнул и пнул Шеви под ребра, выбив из ее легких весь воздух.

— Усади ее в кресло, — велел он Барнуму, нагибаясь и потирая ушибленные пальцы на ноге. — А потом оставь нас.

Барнум управился с работой быстро, но удивленно поднял брови:

— Оставить вас, хозяин? Но эта девчонка проворна, а вы, я вижу, малость не в себе, пинаетесь и прочее.

— Она же связана, разве не так? — с раздражением отозвался Харизмо. — Делай, что тебе сказано, но далеко не уходи, подожди за дверью. Скоро у меня будет к тебе еще одно задание.

Барнум смерил Шеви угрожающим взглядом и покинул кабинет, что-то бормоча себе под нос насчет того, что кое-кто не знает, с кем связывается, и что беспечность не доведет этого кое-кого до добра.

— Прошу прощения, — сказал Харизмо. — Иногда Барнум забывает свое место.

Шеви кое-как выпрямилась в кресле.

— Какой милый стол. Откуда он у вас? Прямая доставка от духов — покровителей дешевой вульгарности?

— Вам не удастся вывести меня из себя, — заявил Харизмо. — Великий Харизмо выше всяких там низменных эмоций.

— А как насчет Терри Картера? Он тоже выше?

Харизмо сидел, поигрывая ножом для разрезания конвертов в форме кинжала. А может, это и был самый настоящий кинжал.

— Терри Картера больше нет. Он умер почти тридцать лет назад, когда я прибыл сюда.

Тут только Шеви обратила внимание, что Райли совершенно не реагирует на происходящее и отстраненно напевает песенку «Битлз».

— Что вы сделали с мальчиком?

Харизмо небрежно махнул рукой, словно говоря «ничего особенного».

— Ах, с мальчиком. Просто дал ему несколько капель тиопентала натрия и чуть-чуть белладонны. В смеси они работают лучше. Человек говорит всю правду, а затем умирает. Не стоит тревожиться о нем. Райли всего лишь уснет и больше не проснется. Поверьте, в викторианском Лондоне это один из лучших способов уйти из жизни. Вам тоже понравится.

Шеви снова подергала свои веревки, но они были затянуты человеком, для которого связывание людей являлось частью служебных обязанностей.

— Тоже мне, великий Тайбор Харизмо. Вы всего лишь обыкновенный жулик и убийца.

Харизмо искренне оскорбился.

— Нет. Ничего подобного. Я величайший представитель человечества со времен Леонардо да Винчи, который, как я подозреваю, тоже был одним из ветеранов ПАУКСа. Я пишу книги, я сочиняю музыку, я *вижу*. В двадцатом веке я был никем, всего лишь мелким банкиром на службе у мафии. А здесь я любимец высшего общества. Чего же ради мне возвращаться назад?

— Нетрудно догадаться, как это случилось, — сказала Шеви. — Вы знали, что мафия будет преследовать маленького продажного Терри Картера до по-

следнего. Не важно, как много преступников удалось бы засадить за решетку благодаря вашим свидетельствам, в мире всегда найдется полно людей умнее вас. Зато в викторианском Лондоне у вас появился шанс стать действительно заметным.

— Верно, — согласился Харизмо. — И знаете, каким образом? У меня фотографическая память. Я в точности запоминаю все, что когда-либо прочитал, увидел или услышал. Вот и все.

— Гениально, — оценила Шеви, отчасти так и думая. Харизмо поднялся на ноги.

— Сама королева Виктория прислушивается к моим советам. Как только федералы сообщили мне, что меня отправят в Лондон викторианской эпохи, я прочел все, что можно, на темы, которые могли оказаться полезными. Я узнал кучу всего о политике, событиях в мире спорта, изобретениях, моде. Это же золотая жила.

Шеви сделала несколько коротких вдохов-выдохов, чтобы успокоиться.

— Ладно, Терри, слушайте. Просто отпустите нас. Дайте мальчику противоядие. Не становитесь ко всему прочему еще и убийцей.

— Становиться убийцей? — рассмеялся Харизмо. — Это же викторианский Лондон. Даже человеку с моими талантами приходится прокладывать себе путь наверх по головам и спинам, либо же нанять такого вот большого и сильного Барнума, который делал бы это за вас. Барнума я нашел, когда он истекал кровью в Ньюгейтской тюрьме, и теперь он безоговорочно предан мне до смерти.

— Правда?

— Вообще-то нет. Я просто нанял его в пабе. Но я собираюсь включить историю про Ньюгейтскую тюрьму в мои мемуары.

— Харизмо, вам нет нужды убивать мальчика. Закон здесь представляю я. А он всего лишь ребенок.

Харизмо, улыбаясь, присел на край стола.

— О, на самом деле мне важнее всего убить именно его. Кажется, вам все еще не удалось связать одно с другим, верно, агент?

— Думаю, большую часть я поняла, — сказала Шеви. — Весьма расхожая история человеческой алчности. Терри Картер решил, что ему нравится Викторинская эпоха, и он не хочет ее покидать. Поэтому он нанял Альберта Гаррика, чтобы обрезать все связи с миром будущего, а именно уничтожить агента Райли и его семью.

Харизмо не проявил ни следа раскаяния.

— Это не моя вина. Билл Райли не должен был жениться. Он должен был заниматься исключительно мной, но нет, агент Райли позволил себе влюбиться. У меня просто не осталось выхода, кроме как натравить Гаррика на всю драгоценную семью. Концы в воду, как говорится.

Шеви пристально смотрела на него:

— Но вам был нужен пульт Билла Райли?

— Да, конечно, — согласился Харизмо. — И Гаррик отдал мне его, не догадываясь, что это такое. Да и откуда ему догадаться? Полностью запрограммированный пульт, готовый перенести человека обратно в двадцатый век, а теперь, я полагаю, в двадцать пер-

вый. Я храню его в надежном месте на тот случай, если мне понадобится покинуть эту временную зону. Есть же некоторые медицинские процедуры — химиотерапия, например, — которые однажды могут мне пригодиться. Это единственная причина, по которой я не стал разбирать порталы. Разумеется, я только недавно узнал, где эти порталы располагаются.

— Ну конечно, никто не стал сообщать мелкому мафиозному банкиру Терри Картеру, где находятся аппараты ПАУКСа. Это информация крайне ограниченного доступа.

— Вот именно. В ту ночь, когда я сюда прибыл, они выволокли меня из аппарата с мешком на голове. Можете себе представить? В моем-то состоянии!

Произнося слово «состояние», Харизмо легко коснулся рукой своей маски, и Шеви снова задалась вопросом — что же скрывается там, под ней?

— Итак, даже убрав со своего пути агента Райли, вы все еще нуждались в том, чтобы найти Чарльза Смарта и все существующие порталы. В противном случае вы не могли быть уверены, что никто за вами не явится.

— Другим возможным вариантом было залечь на дно и не высываться, — пояснил Харизмо. — А с какой стати мне это делать?

— В самом деле, — кивнула Шеви. — Какой смысл быть никем в обоих столетиях?

— До сих пор вы держались превосходно, — холодно сказал Харизмо, поправляя свою дьявольскую маску. — Будете продолжать в том же духе, или мне стоит убить вас прямо сейчас?

— Вам понадобилось некоторое время, чтобы сколотить состояние, но как только вы смогли себе это позволить, вы наладили отношения с Отто Маларки, потому что во всем Лондоне только у Таранов есть сеть, с помощью которой вы могли отыскать Чарльза Смарта и порталы.

— Все, что у меня было, — это набросок портрета Смарта, который я нарисовал по памяти, и описание подвала с широкой кроватью, установленной на металлической плите. Не бог весть что для начала.

Шеви безжалостно прервала это повествование.

— Ясно. Понадобились годы, но в конце концов Тараны отыскивали Чарльза Смарта, который и в самом деле жил в этом столетии в доме на Бэдфорд-сквер. И им удалось проследить за ним до улицы Полумесяца.

— Говоря языком ваших федералов, я держал его под наблюдением до тех пор, пока не убедился, что кроме Смарта этими порталами никто не пользовался. Никто не искал его, и никто не пытался добраться до меня.

— И вы хотели, чтобы так все и оставалось. Вы хотели единолично контролировать червоточину, а значит, Чарльз Смарт тоже должен был умереть. Поэтому вы снова связались с Гарриком, чтобы закончить работу, которую он начал много лет назад.

— Да. В конце концов, на кону стояла моя свобода.

Харизмо наклонился вперед и поворошил волосы Шеви своим ножом для конвертов.

— Я уже и забыл, как трудно разговаривать с моими добрыми друзьями американцами. Такие жесткие... все время спорите...

— Вы допустили одну большую ошибку, Терри, — сказала Шеви.

— О, я так не думаю. Вы ведь лежите сейчас у моих ног, как и весь этот город.

— Гаррик. Вам не следовало его нанимать. Он не поддается контролю.

Харизмо прикрыл самодовольную улыбку носовым платком.

— Уж поверьте, Гаррик уже полностью под контролем и лежит в могиле. Отто Маларки позаботился об этом. И он был последним звеном, связывающим меня с миром будущего.

— Пока не появились мы.

— Отто было поручено убивать всякого, кто придет через любой из порталов, но ему свойственно попытаться выжать еще пару-тройку соверенов из любой ситуации. К счастью, у меня есть человек в его банде, равнодушный к золоту. Он и сообщил мне, что на улице Полумесяца кто-то появился. Можете представить себе мое удивление, когда оказалось, что один из беглецов с улицы Полумесяца обладает поразительным сходством с Уильямом Райли? Это всего лишь совпадение, сказал я себе и почти в этом уверился, пока мальчик сам не проговорился, что его отец был агентом ФБР. Таким образом, юный Райли — единственный джокер в этой колоде, но, как видите, я уже вывел его из игры.

Харизмо снова хлопнул в ладоши, что, по всей видимости, было у него вроде фирменного жеста.

— Итак, игра окончена, и Харизмо вновь победил! Райли чуть слышно застонал и судорожно дернулся в своем кресле.

— Давайте же, Картер! — настойчиво сказала Шеви. — Вылечите мальчика! Отпустите его. Ну что плохого он может вам сделать?

— Да в общем-то ничего. Малыш Райли совершенно безвреден. И совсем скоро в этом исчезнут все сомнения.

Кровь глухо застучала в голове Шеви.

— Мальчик боготворил вас, а вы его убиваете.

Харизмо помахал платком.

— Ну, вы же знаете, как говорят: никогда не следует встречаться со своими кумирами. И к тому же я его еще не убил, он всего лишь спит. Яд все еще у него в желудке. Он будет жить еще несколько часов.

Райли и в самом деле задремал и был бы рад полностью погрузиться в сонный омут, но что-то не давало ему покоя — какой-то блеск на краю поля зрения. Мальчик сморгнул, пытаясь сфокусировать глаза, но так ничего и не увидел, кроме разве небольшого блестящего предмета на пальце Шеви. Предмет расплывался золотистым пятном, не давая схватить его очертания, пока Харизмо не подошел к окну и не заслонил солнечный свет, отчего золотой предмет стал виден совершенно четко.

Кольцо с печаткой в виде подковы.

«Перстень с подковой. Какой-то человек носил перстень с подковой. Мистер Картер».

В полусонном состоянии Райли снова оказался во власти своих видений. Он вспомнил, что его отец охранял человека с таким перстнем, и этого оказалось достаточно, чтобы слегка развеять его дремоту как раз в тот момент, когда Харизмо сказал: «Это не моя вина. Билл Райли не должен был жениться. Я приказал Гаррику убить агента Райли и всю его драгоценную семью, и концы в воду».

«Билл Райли, — смутно подумал Райли. — Мой папа».

Полностью вникнуть в обстоятельства Райли был не в состоянии, однако исповедь Харизмо он услышал, а перстень с подковой убедил его, что все услышанное им — правда.

Сверхчеловеческим усилием воли он заставил себя снова вынырнуть на поверхность сознания. Это потребовало времени, но в конце концов он накопил достаточно сил, чтобы действовать. Райли кое-как выкарабкался из кресла, доплелся, пошатываясь, до Харизмо и неуклюже ударил его.

— О, пожалуйста, — воскликнул Харизмо с досадой. — Это же просто глупо. Мне даже неловко за вас, ей-богу.

Он уперся ладонью в лоб мальчика и небрежным движением отпихнул его. Райли упал, словно мешок, толкнув при этом мраморный столик, так что Телефоникус с грохотом свалился с него и повис на конце провода.

— Посмотри теперь, что ты наделал, — раздраженно сказал Харизмо.

— Да вы просто зверь какой-то! — вскричала Шеви, пытаясь вскочить с кресла. Правда, связана

она была крепко, так что просто плюхнулась на пол, сильно ударившись по пути головой о крыло грифона.

Харизмо выпучил глаза.

— О нет, взгляните только! Теперь особый стол Тайбора весь в крови. Честное слово, мисс Савано, я очень обрадуюсь, когда вы умрете. Я надеялся допросить вас, как мальчика, и, возможно, узнать, как изменился мир с тех пор, как я оставил его, но теперь я думаю, что пропущу это удовольствие и перейду сразу к завершающей стадии.

Шеви сплюнула на ковер кровью.

— А как же ваша королева? Как она отнесется ко всем этим убийствам?

— Старушка Вик? — хмыкнул Харизмо. — Ее ревматическое величество меня ни капли не интересует, за исключением того факта, что ее покровительство обеспечивает мой общественный статус. В любом случае на заре нового века она умрет, а через год вслед за ней отправится и ее дочь, положив конец династии Ганноверов.

— А как насчет вашего драгоценного герцога Вестминстерского?

Харизмо едко рассмеялся:

— Этот старый олух двинет кони еще до Рождества. Я был не против, чтобы он протянул еще лет двадцать, потому как он на редкость внимательно прислушивается к мнению богатейшего человека в Британии. Но нет, любовь к развлечениям на свежем воздухе скоро доведет его до бронхита, так что бедному дурню скоро конец.

Харизмо опустился на колени и взъерошил Шеви волосы.

— А знаете, я бы предпочел оставить вас в живых. Мы могли бы разговаривать о будущем. У меня куча планов. Один, например, заключается в том, чтобы изменить исход войн. Только представьте, насколько иначе пошла бы Первая мировая, если бы немцев предостерегли против торпедирования «Лузитании». Тогда Америка ни за что не вступила бы в войну, и к 1918 году Англия стала бы колонией Германии, а Тайбор Харизмо занял бы отличное местечко при дворе. Это лишь одна из моих многочисленных идей.

— Вы просто псих, — сказала Шеви, изо всех сил стараясь удержать внимание Харизмо на себе.

— Псих, безумец, лунатик. Какая разница? Я счастлив и намерен оставаться счастливым как можно дольше.

Харизмо позвонил в колокольчик для слуг на своем столе, и в комнату тут же вошел Барнум, все еще дуясь на то, что его недавно выставили вон.

— О, теперь вы хотите, чтобы я вернулся, верно, хозяин?

— Не дерзи, Барнум. Твое воинственное выражение лица не вяжется с твоей речью.

— Хорошо, хозяин. Что прикажете делать с этими двумя? Я бы быстренько перерезал им глотки над кухонной раковиной, чтобы кровь стекла, а потом сунул в мешок и скатил бы с насыпи в реку.

Харизмо обдумал предложение, рассеянно вертя в руках нож для конвертов.

— Нет, Барнум. Я хочу, чтобы эти двое исчезли целиком и полностью. Чтобы и следа от них не осталось.

— Тогда я могу предложить еще два пути избавиться от тел. Во-первых, у меня есть старый армейский приятель, который держит свиноферму возле Ньюпорта. Свиньи сожрут все, от макушки для пяток. Им все равно, свиньям, хоть мозги, хоть кости.

— Нет, это не подойдет, — возразил Харизмо. — В прошлый раз ты натащил на своих сапожищах полный дом свиного навоза и перепачкал мне ковры. А какой второй путь?

— Сжечь их, — просто сказал Барнум. — Разрублю их в кухне и постепенно покидаю в печь. Это потребует нескольких дней грязной работенки, зато когда я с ней покончу, даже вся королевская рать не соберет этих негодников обратно.

Харизмо хихикнул:

— Хорошо сказано, Барнум. Печь годится, только, пожалуйста, чтобы вся эта возня с кровью и прочим не выходила за пределы кухни.

— Хорошо, хозяин, — сказал Барнум, взваливая Шеви на одно плечо. — Сможете обойтись без меня часок, пока я займусь всякими мясницкими делами?

— Ступай, — величественно отпустил его Харизмо. — Я отлично справлюсь... И, знаешь, принеси-ка мне еще пирожных, когда закончишь с рубкой. Я что-то проголодался.

— Еще пирожных. Конечно, хозяин.

Харизмо подмигнул Шеви:

— Хозяин. Каждый раз трепещу, честное слово!

К вящему изумлению Тайбора, Шеви хватило присутствия духа на еще одно, последнее, замечание. Глянув свидетелю ПАУКСа прямо в глаза, она сказала:

— Вы слишком много говорите.

Как выяснилось позже, это было не столько личное мнение, сколько объективный факт.

Барнум ухватил Райли за пояс и перекинул себе через второе плечо. Однако, как только слуга отпустил его, одурманенный мальчик нашел в себе силы скатиться вниз и ринуться напрямик на Харизмо.

— Убийца! — невнятно промычал он. — Ты убил мою семью!

— Ф-ф-у! — брезгливо отпрянул Харизмо. — Барнум, убери его от меня. У него могут быть вши.

Будь Райли в лучшей форме, он мог бы нанести врагу весьма болезненный, а то и смертельный удар, но в своем нынешнем состоянии он едва удержался на ногах и слабо, по-детски неуклюже ткнул Харизмо в грудь.

— Иди-как сюда, малыш, — сказал Барнум, снова хватая пленника здоровенной лапой и забрасывая себе на плечо.

— Осторожнее, Барнум, — посоветовал чуть дрожащим голосом Харизмо, проверяя, хорошо ли сидит маска. — Даже умирающая собака может уку-
сать.

— Простите, хозяин, — отозвался Барнум, просовывая носок сапога в дверную щель и раскрывая ее пошире. — Мне следовало тщательнее позаботиться

о том, чтобы на вас не напал слабый ребенок, которого вы только что накормили смертельной отравой.

Харизмо хмуро посмотрел в спину удаляющегося слуги, размышляя, не стоит ли урезать ему жалованье за излишнюю наглость.

Барнум оттащил приговоренную парочку в соседнюю комнату, впихнул в кухонный подъемник и, вращая лебедку, стал опускать вниз, в кухню. Когда подъемник уже опускался в шахту, до Шеви донесся возмущенный возглас Харизмо:

— Ну и лентяй же ты, Барнум! Кухонный лифт... боже мой...

Тесная камера медленно двинулась на первый этаж. Райли застонал и попытался распрямиться, но в узком пространстве лифта это было никак не возможно. Воздух в шахте был горячий, от стен пахло застарелым мясным духом, и предназначенный для транспортировки блюд тесный ящик, казалось, вот-вот развалится под их весом. Ничего не видя, Шеви ярко представила себе разверстую под ними темную бездну, которая только и ждала, чтобы тяжелый лифт оборвал канат и помчался вниз, набирая скорость.

— Эй, Райли, — позвала Шеви, пихнув ногу мальчика локтем. — Как ты?

Райли не отозвался.

«Неужели яд уже подействовал? Хотя нет. Харизмо сказал, что у мальчика остается еще несколько часов. Значит, время еще есть».

Подъемник резко остановился, и пленникам больше ничего не оставалось, кроме как дышать затхлым воздухом и ждать, пока Барнум вытащит их наружу. Шеви оказалась первой.

Он выволок ее и разложил на деревянном разделочном столе, как телячью тушу. Повязал передник и пробежался пальцами по длинному ряду кухонных ножей.

«Забавно, — подумала Шеви, — но мне почему-то совсем не страшно. Потому что, вопреки всей очевидности, я все еще верю, что мы выберемся отсюда живыми».

Барнум остановил свой выбор на самом большом ноже с массивной костяной ручкой и зазубренным лезвием.

— Ах, Джулия, — сказал он ему. — Ты знала, что я выберу именно тебя.

«Он разговаривает с ножами, — подумала Шеви. — Готова поспорить, Гаррику бы этот парень понравился».

Барнум внезапно замер, как олень, услышавший в лесу чужой, посторонний звук.

«Что он услышал?»

Потом Шеви услышала сама: стук колес экипажа, а также топот марширующих ног.

— Ну что там еще? — пробормотал про себя Барнум, насторожившись в ожидании, когда шум на улице стихнет, миновав Гросвенор-сквер. Однако этого не случилось: кавалькада резко остановилась прямо возле резиденции Харизмо.

— Следующая дверь, — снова пробормотал Барнум. — Наверное, им нужна следующая дверь.

Однако следующая дверь была ни при чем, что тут же стало ясно по раздавшейся снаружи резкой команде:

— Стой! Резиденция Харизмо, синяя двери! Оружие к бою.

— Оружие? — произнес Барнум не меньше чем двумя октавами выше своего обычного голоса.

Слуга отбросил свой любимый нож, выхватил из-под форменной ливреи револьвер и промчался через кухню к черному ходу.

Не успела дверь за ним хлопнуть, как оглушительный залп сотряс особняк до самого основания, прокатив волну сжатого воздуха по коридорам и лестницам. Ударная волна швырнула Барнума и его револьвер обратно через дверь черного хода в помещение кухни. Тяжелый кольт пролетел через всю кухню, ударился о стену, разбив изразцовую плитку, и упал в раковину.

Барнум пребывал не в лучшем виде. Его жилет спереди был изрешечен отверстиями, и кровь вместе с жизнью стремительно вытекала из сотни маленьких ран на груди на дощатый пол.

Барнум достаточно хорошо разбирался в смерти, чтобы понять, что его минуты сочтены. Он с трудом перевел стекленеющий взгляд на лежащую на разделочном столе Шеви и попытался что-то сказать, но не успел: последний хрип дал знать, что его душа покинула этот мир.

Шеви, извернувшись, скатилась со стола и тяжело упала на локти, но умудрилась ничего себе не сломать.

«Повезло».

Окровавленное лицо Барнума оказалось всего в паре дюймов от нее на холодном полу, и уставленный на нее мертвый взгляд заставил ее отползти подальше, несмотря на сильную боль в плече.

«Найди нож, — велела она себе. — Найди Джулию».

Нож оказался совсем недалеко, торчал из щели между досками, как Экскалибур из камня. В точности там, где Барнум его уронил.

«Снова повезло», — подумала Шеви.

И, извиваясь змеей, поползла к ножу.

«Давай же, Джулия. Надеюсь, тебя хорошо наточили».

Как выяснилось, и впрямь хорошо. Когда Шеви поднесла руки к зазубренному лезвию, ей понадобилось не больше пары секунд, чтобы перепилить стянувшую запястье веревку. Освободив руки, она без труда избавилась от остальных пут.

Наверху, судя по шуму, царил грозный, но упорядоченный хаос. Она слышала воинственные выкрики дюжины солдат, которые сновали по дому в поисках Харизмо. От их топота по потолку пошли трещины и посыпалась пыль, и один из газовых рожков самопроизвольно зажегся, пальнув струей голубого пламени через всю кухню.

«Нужно поскорее убираться отсюда», — подумала Шеви.

От шума на верхнем этаже внезапно отделились чьи-то шаги и направились по лестнице в сторону кухни.

Шеви выхватила из раковины револьвер Барнума, втиснулась обратно в кухонный лифт, где в жарком спертом воздухе и запахе несвежей пищи все еще лежал Райли, и прикрыла за собой дверцу.

Через щель под ней она увидела, как дверь кухни открылась и внутрь шагнули черные солдатские сапоги. Они энергично прошагали через помещение, развернулись несколько раз, обходя столы и стулья, и задержались возле тела Барнума — очевидно, их владелец проверял, действительно ли гигант мертв.

Райли в полузабытии негромко застонал, и Шеви, не раздумывая, заткнула ему рот собственным коленом, чтобы он больше не издал ни звука.

К счастью для узников подъемника, солдат был все еще частично оглушен последним залпом и не обратил внимания на приглушенный звук.

— Отлично, — сказал незнакомец вслух, пнув тело Барнума носком сапога. — Очень хорошо.

Затем он деловито развернулся и вышел.

Шеви дождалась, пока его шаги стихнут, затем потянула за кожаный шнур, открывающий дверцу лифта, и снова выбралась в кухню.

Райли глухо постанывал, пока она тащила его из тесного лифта на простор кухни, но на лице его сияла улыбка.

— Агент Красотка, — бормотал он. — Поцелуй красотки Энни Бирч.

«Парни всегда одинаковые, какое время ни возьми», — подумала Шеви и с силой ударила Райли кулаком в живот.

— Прости, малыш, — сказала она, когда Райли согнулся пополам, содрогаясь от спазмов. — Придется еще разок.

Она ударила еще раз и поспешно отскочила назад, когда мальчика с силой вырвало на пол полупереваренными пирожными и, как она надеялась, белладонной и прочей ядовитой дрянью.

— Все хорошо, — сказала она, обращаясь в основном к себе. — Теперь все хорошо. Он справится. Я надеюсь.

Как смогла, она обтерла лицо Райли смоченной в раковине тряпицей и вывела пошатывающегося мальчика через кухонную дверь, которая удачным образом вела в заднюю часть дома.

«Мы выберемся отсюда, — снова подумала Шеви, прихватывая с крючка возле двери чье-то пальто. — Хотя я охотно задержалась бы немного, чтобы увидеть лицо Харизмо. Готова поспорить, духи его об этом не предупреждали».

Выражение на лице Харизмо представляло собой смесь неверия, обиды и ужаса — весьма сложный и трудно выразимый коктейль эмоций. Когда капитан Джефферс из Найтсбриджских казарм вошел в его кабинет в сопровождении двух рядовых и доктора, Тайбор Харизмо выглядел так, будто сосет что-то густое и тягучее из невидимой бутылки.

Как только выяснилось, что Харизмо в кабинете один и не вооружен, солдаты немного расслабились, хотя стволы их магазинных ли-эндфилдовских винтовок по-прежнему были направлены в грудь Харизмо.

Харизмо замахал кружевным платочком, как будто это могло отвести от него пули.

— Я в опасности, капитан? — спросил он с недовольным видом. — Это герцог прислал вас, чтобы защитить меня? Неужели угроза так серьезна?

— Угроза действительно существует, сэр, — ответил Джефферс. — Увы, весьма серьезная угроза. И она, к несчастью, прямо у меня перед глазами.

Платок Харизмо замелькал в воздухе, как крылышки колибри.

— У вас перед глазами? Это я угроза? Тайбор Харизмо кому-то угрожает? И кому же именно, капитан? Ответьте мне.

Вместо ответа Джефферс проследил глазами провод на полу, пока не увидел Телефоникус, лежавший там же, где Райли уронил его.

— Кое-кто хочет поговорить с вами, сэр, — сказал он, поднимая устройство с пола и протягивая его Харизмо.

Харизмо уже все понял, и его завитые усики задрожали.

— Я сейчас не расположен разговаривать, — сказал он по-детски жалобно.

— Советую вам все же взять трубку, — жестко сказал Джефферс, и Харизмо безошибочно догадался, что, если он снова попытается отказаться, последствия могут быть весьма неприятными. Он взял дрожащими руками трубку Телефоникуса и поднес ее к уху:

— Алло? Ваша светлость?

В ухе у него раздалось хриплое дыхание заядлого курильщика и голос:

— Я крайне разочарован, Тайбор. Крайне.

Харизмо предпринял попытку отговориться:

— Ваша светлость, я прекрасно представляю себе, что вы могли подумать. Иногда, когда я пребываю во власти духов, я говорю невесть что, не выбирая слов.

— Молчать! — рявкнул герцог Вестминстерский. — Вы сказали, что я при смерти. Что королева умирает. Ее ревматическое величество, которое вас ни капли не интересуется! Что династия Ганноверов гибнет.

— Возможно, я слегка перешел грань, — признал Харизмо.

— Перешел грань? Вы собираетесь помогать Германии в войне против Британии! Германия — наш друг и союзник. То, что вы говорите, — это государственная измена, никак не меньше.

— Но это была праздная болтовня! Ничего не значащие замечания!

— Только подумайте, какой это скандал. Подумайте, какую боль вы причините Ее Величеству, в ее-то возрасте! Ее собственный медиум устраивает заговор против нее. *Мой* медиум оказался негодяем. Мы верили вам, Тайбор. Будьте вы прокляты.

Харизмо лихорадочно соображал.

— Судебное разбирательство вызовет скандал в обществе, ваша светлость.

Герцог жестоко рассмеялся:

— Никакого суда не будет, Тайбор. Я объявил вас сумасшедшим. И пока вы будете прохладиться в Вифлеемской лечебнице для душевнобольных, я буду систематически стирать ваше имя из истории. Все

ваши произведения подпадут под неофициальный запрет, ваши книги сожгут, ваши песни больше никогда не прозвучат с подмостков мюзик-холлов. И посмотрим, кто из нас доживет, чтобы увидеть зарю следующего века.

Громкий щелчок в трубке обозначил конец разговора.

— Нет! — запротестовал Харизмо, обращаясь к Джефферсу. — Я этого не потерплю. Я Тайбор Харизмо!

Джефферс в упор посмотрел на него:

— Вы изменник, сэр, и, возможно, иностранный шпион. Сумасшедший дом — слишком мягкое наказание для такого, как вы.

— Но это ошибка, капитан, страшная ошибка. Если вы спуститесь в кухню, то найдете там моего лакея. Он и есть настоящий преступник, он, а не я.

— Мы уже нашли вашего слугу. Он по крайней мере умер с честью.

Реальность наконец обрушилась на Харизмо всей тяжестью падающей с неба наковальни.

— Барнум мертв? Тогда я пропал...

Джефферс шагнул ближе:

— Есть еще один путь, сэр, но я буду крайне удивлен, если вы его примете. Вы можете принять мой вызов, и тогда мы покончим с этим делом прямо сейчас.

Капитан снял с левой руки перчатку и хлестнул ею Харизмо по щеке, так что его маска слетела.

Джефферс чуть попятился в мгновенном испуге, но тут же опомнился, вернув себе невозмутимость.

— О боже мой. Да вы не человек... вы животное.

Вся левая сторона лица Тайбора была покрыта зеленовато-бурой чешуей, которая, казалось, слегка меняла цвет, когда он двигался.

— Это все червоточина! — завыл он. — Квантовая мутация. Тот чертов профессор клялся, что со мной ничего такого не случится!

Джефферс щелкнул пальцами:

— Взять его. Я не стану драться с животным.

Тайбор все продолжал свои причитания, даже когда солдаты выволокли его из кабинета и потащили к стоящей перед домом санитарной карете.

— Проследите, чтобы его посадили отдельно от остальных пациентов, — сказал Джефферс, с силой ударив по Телефоникусу, так что корпус устройства треснул, извергнув провода и прочие электрические внутренности. — И пришлите сюда несколько человек из рядового состава. Я хочу, чтобы из этого дома было извлечено все до последнего предмета и сожжено.

Вопли Харизмо эхом разнеслись по разоренному вестибюлю особняка и напугали впряженных в санитарную карету лошадей, которые разразились тревожным ржанием.

Альберт Гаррик наблюдал за событиями все с той же парковой скамейки, чуть нагнувшись вперед с жадным вниманием. С минуту на Гросвенор-сквер все было спокойно, пока из-за угла энергичным маршем не прошествовал отряд гвардейцев Ее Величества в со-

провождении черной кареты и не остановился у самых дверей особняка, развернув к ним самую настоящую пушку.

— Что б мне провалиться, — проговорил Гаррик, мгновенно забыв свой рафинированный выговор. — Вот это, я понимаю, королевский размах.

Что бы королевская гвардия ни затевала, настроена она была явно самым серьезным образом. Вооруженных людей на площади было достаточно, чтобы подавить умеренной силы восстание.

Солдаты с привычной сноровкой развернули пушку в боевую позицию и мощным выстрелом напрочь разнесли дверь, засыпав щепками все вокруг.

«Боевые действия в центре Лондона. Весьма необычно».

Тут до Гаррика дошло, что присутствие вооруженных солдат наверняка помешает его намерению отменить контракт между Харизмо и Таранами.

«И все из-за того, что я пренебрег приказом убить Райли в колыбели много лет тому назад. Неужели это и есть главная причина? Неужели Харизмо пошел бы против такого человека, как я, всего лишь из-за жизни одного ребенка?»

И вдруг Гаррик вспомнил, когда он впервые увидел пульт.

«Точно такой же имел при себе отец Райли. Я взял кулон с его трупa и передал Харизмо. Помнится, тот особо упоминал об этой штуке».

Гаррику стало ясно, что мистер Тайбор Харизмо бывал в будущем и сумел воспользоваться своими знаниями.

Но с этим покончено. Где-то Харизмо зашел слишком далеко, так что теперь им занялась гвардия, а это означает, что затронуты интересы государства, а может быть, и монархии.

Гаррика это порадовало. Он всегда считал прославленного медиума пустоголовым чванливым ничтожеством, да и его музыка ему никогда не нравилась. «Еще один кирпич в твою стену». Господи помилуй.

Дух Феликса Смарта внезапно коснулся его разума, и Гаррик буквально пошатнулся от нахлынувшего осознания.

Он знал эту песню. Точнее, агент Сمارт знал ее, потому что она была из будущего. Тайбор Харизмо не просто бывал в будущем — он принадлежал к его миру.

Гаррик прикрыл глаза, сосредоточенно размышляя. Он мысленно представил себе лицо Харизмо, вернулся в своей памяти к тем временам, когда оно выглядело моложе, дополнил его противной остренькой бородкой...

Тайбор Харизмо — это Терри Картер, пропавший свидетель. У агента Смарта на столе была папка с его именем. А Уильям Райли был приставлен охранять его.

Это придавало делу совершенно иной оборот. Нельзя было допустить, чтобы Харизмо хоть кому-то проговорился. Если у него есть пульт, значит, он может продемонстрировать властям, как он работает, и тогда Гаррику снова придется пускаться в бег.

«Я должен действовать немедленно, — подумал он. — *Carpe diem*¹. Обстоятельства далеко не идеальны, но риск более чем оправдан».

Наскоро составленный Гарриком план подразумевал убрать кучера кареты, усесться на его место и попросту угнать карету вместе с сидящим в ней Харизмо.

«Он наверняка решит, что я его спасаю».

Гаррик мрачно улыбнулся. Заблуждение рассеется очень скоро.

Едва расцветший замысел увял, когда из дома вышли двое солдат, таща на весу вопящего Харизмо, который бестолково сучил ногами в воздухе, словно вертя невидимые педали.

«Уже нет времени. Нет времени».

Гаррик понимал, что даже с его быстротой он не успеет преодолеть ограду и справиться с кучером до того, как Харизмо усадят в карету.

Но еще не все было потеряно. Гаррик как никто умел приспосабливаться к новым обстоятельствам. Он отступил за густой куст боярышника и вытащил пистолет с лазерным прицелом. Конечно, стыд и позор тратить пулю на такого, как Харизмо, но по крайней мере ему точно понадобится не больше одной.

«Я никогда не узнаю всей правды о том, почему ты так хотел моей смерти, — подумал он. Как жаль, что нам с тобой так и не удалось поболтать. Но уж лучше маленькая неразгаданная тайна, чем оставленная за спиной угроза».

¹ Лови момент (лат.).

Гаррик уже был готов спустить курок, как вдруг заметил, что темный экипаж представляет собой карету скорой помощи с надписью «Вифлеемская лечебница для душевнобольных» на полированных боках.

«Значит, они уводят его в Бедлам¹», — догадался Гаррик.

Он ошеломленно смотрел, как Харизмо раздели догола и тут же туго скрутили больничной смирительной рубашкой. Всю его одежду свалили в растущую кучу его личного имущества на ступеньках особняка, которую затем облили маслом из лампы и подожгли.

«Если у Харизмо и был собственный пульт, теперь он уничтожен, — подумал Гаррик с некоторым удовлетворением. — Тайбор может болтать о червоточинах сколько душе угодно — все, чего он добьется, это железный штырь между глаз».

Гаррик снова убрал пистолет в карман и как ни в чем не бывало зашагал вглубь парка.

«Я еще приду к тебе, Тайбор, — подумал он. — Пройдет совсем немного времени, и я выведаю все твои секреты. В конце концов, тебе они больше не понадобятся».

Мозг Гаррика тут же переключился на его основную миссию — найти Шеви и Райли. Ему и в голову не пришло, что он только что снова упустил их, разминувшись едва на волосок.

¹ Просторечное название старейшей в Лондоне психиатрической больницы.

«К этому времени мои шпионы уже рыщут по всему городу, — размышлял он, — в неистребимой жажде получить награду за сведения о мальчишке и его индейской подружке».

И хотя Гаррика немного огорчило, что ему так и не довелось побеседовать по душам с Харизмо, в целом он решил, что сегодня утром неплохо поработал.

«Еще один враг успешно убран с моей дороги, — думал он, насвистывая первые такты «Еще один кирпич в твою стену». — Остались двое».

Олд-Найчол

Шеви долго пыталась остановить кэб, но после путешествия вверх и вниз по дымоходу в доме Харизмо она была вся в саже, и ни один извозчик не желал сажать ее в свой экипаж, пока она просто-напросто не встала одному из них поперек дороги, размахивая кошельком с золотом, полученным от Маларки. Когда кэб тронулся с места, Шеви плюхнулась на сиденье рядом с Райли, пытаясь сообразить, есть ли во вселенной хоть одно местечко, где они могли бы получить минутную передышку. Ребра у нее ныли от многочисленных синяков и ссадин, которыми не поскупился одарить ее викторианский Лондон, и к тому же где-то среди всех их неудачных приключений она успела приобрести постоянный противный звон в левом ухе.

Райли понемногу приходил в себя, но вряд ли был способен на дальние путешествия. Значит, им надо отыскать какое-нибудь безопасное место, где можно было бы залечь, пока она не придумает, что делать дальше.

Было бы крайне безответственно позволять Гаррику бесчинствовать в Лондоне, со всеми его новообретенными знаниями, которые он уж точно не станет использовать для того, чтобы прекратить войны или победить голод. Попросту говоря — Гаррика нужно остановить. Но как? Она не имела ни малейшего представления. Это был мир Райли, а значит, для решения такой серьезной проблемы, как Гаррик, им придется действовать сообща. А для этого им нужно где-то ненадолго затаиться и набраться сил, чтобы сражаться дальше.

Шеви бережно похлопала Райли по щеке:

— Давай, Райли. Просыпайся, напарник. Должно быть какое-то место, где этот псих не станет нас преследовать. Куда Гаррик побоится сунуть нос?

Ей пришлось повторить свой вопрос несколько раз, прежде чем он наконец проник в одурманенную голову Райли. Но как только смысл вопроса дошел до него, он уже знал ответ: Олд-Найчол. Об одной мысли об этом месте его лицо побледнело, а руки задрожали.

— Такое место есть, — сказал он, потом долго и хрипло закашлялся. — Гаррик клялся, что никогда туда не пойдет. Я скорее разmozжу себе руки молотком, сказал он, чем вернуться в трущобы Олд-Найчола.

Шеви села ровнее, пытаясь отряхнуть сажу с одежды.

— Значит, туда мы и поедem. Олд-Найчол нам подходит.

— Мой наставник говорил, что даже воздух в Олд-Найчоле пропитан серой в таком количестве, что крысы и мелкие собаки белеют, как снег, и гибнут от удушья.

Шеви снова откинулась на сиденье рядом со своим товарищем.

— Белеющие крысы — это и впрямь нехорошо, — признала она.

— Позади каждого дома или халупы высится груда нечистот, куда сливают отбросы со всех окрестных жилищ. И в Олд-Найчол хорошо живется только тем, кто питается требухой.

Шеви сглотнула, почувствовав, как желудок подкатывает к горлу. Прцветание на требухе звучало не особенно заманчиво.

Райли вспомнил кое-что еще.

— Олд-Найчол — это медленная смерть для всякого, кто попадет туда. Гаррик рассказывал мне об одном силаче из цирка, который решил поселиться там в трудные для себя времена. За полгода он так зачах, что уже не вставал с постели, и умер от пролежней. Его похоронили в мешке из-под муки.

— Ой, да ладно тебе, — запротестовала Шеви. — Мы же не собираемся пожениться и растить детей в этом месте. Нам нужно всего несколько часов отдыха, чтобы ты избавился от яда в крови, а потом мы придумаем, как справиться с Гарриком.

— Чтобы поймать коклюш, достаточно и секунды.

Это отрезвляющее замечание едва не заставило Шеви пересмотреть свое решение, однако ее основные соображения остались прежними: раз Гаррик ни за что не сунется в Олд-Найчол, значит, у них нет иного выбора, кроме как отправляться напрямик туда, хотя бы на одну ночь.

Она постучала в крышу кэба.

— Эй, любезный. Отвезите нас в Олд-Найчол.

Извозчик открыл небольшое окошечко в стенке экипажа и просунул в него голову.

— Прошу пр'щения, мисс. Кажись, от жары у меня с головой неладно. Почудилось, вы сказали «Олд-Найчол».

— Верно, приятель. Так и есть.

Буйные брови извозчика подпрыгнули, как вспугнутые рыбки.

— Олд-Найчол? Из Вест-Энда в Олд-Найчол? Скажите, молодой сэр, эта туристка шутит надо мной?

— Нет, — уныло отозвался Райли, — не шутит.

Кучер с сердцем сплюнул на мостовую.

— Ладно, прошу пр'щения, но я в эту помойку ни ногой. Тамошнее жулье на ходу с моей кобылки подковы сдерет. Высажу вас на Бетнал-Грин, а там уж вы рискуйте своими шкурами сами.

Бедность и преступность в Лондоне всегда были соседями. Даже в современном мегаполисе — загляните в любой переулок, и непременно найдете там какого-нибудь бедолагу, пытающегося устроиться со всем доступным удобством прямо на мостовой. Но в девятнадцатом веке уровень нищеты и запустения в трущобах Олд-Найчола был высок настолько, что едва ли удалось бы отыскать свободный от них участок размером даже с почтовую открытку. Каждый дом состоял из сдающихся внаем дешевых каморок, каждый житель был поражен какой-нибудь болезнью, каждое занятие было связано с сиюминутным выживанием. Даже климат казался здесь хуже, обра-

зую в границах Лондона собственное царство холода и сырости.

Пока Шеви Савано и Райли шагали вдоль по Граничной улице, все их надежды на светлое будущее таяли, словно просачиваясь сквозь подошвы башмаков в трещины замусоренного тротуара. Во всем современном мире не найдется таких городских трущоб, которые могли бы сравниться с Олд-Найчолом по ощущению беспросветнейшей унылой безнадежности.

Серые кирпичные стены вырастали из растрескавшихся плит мостовой, громоздя этаж за этажом. Разбросанные в беспорядке окна редко были застеклены, обычно кое-как загорожены досками от разбитых ящиков или драными лоскутами занавесок. На уличных прилавках высились груды вещей, которые на любом другом рынке давно отправились бы в помойную яму. Фрукты были серыми и помятыми, хлеб отдавал прозеленью и был черствым, как камень.

Даже люди, обитающие в этом месте, казались порождением иного, небрежного и неумелого бога. Неугомонный и неунывающий дух кокни в них полностью выветрился, сменившись отрывистым хриплым кашлем и злобными косыми взглядами. Здешние жители даже передвигались какой-то особой шаркающей походкой, сгорбив плечи и прижав локти к туловищу, пытаясь максимально защититься от внешнего мира.

Шеви не смогла скрыть потрясение:

— Это же... это просто ад на земле.

Райли уцепился за ее локоть:

— Нам нужно отыскать ночлег. Отгородиться от Олд-Найчола хотя бы крепкими досками еще до темноты и больше не высываться.

Неподалеку, опершись о косяк открытой двери, стояла неряшливо одетая женщина, бездумно таращась на улицу.

Райли подошел к ней, стараясь не обращать внимания на чумазых ребятишек, сновавших вокруг ее ног, как рыбки-чистильщики.

— Комнату не сдаете, мадам? Нам нужно место для ночлега.

Глаза женщины подозрительно уставились на него из-под копны спутанных волос.

— Монеты есть?

Райли решительно кивнул, стараясь скрыть тошноту.

— Наготове. А также полно огнестрельного оружия, хотя на выстрел тут же сбегутся фараоны.

«Полно оружия» было некоторым преувеличением. У них был только револьвер Барнума и не больше шести выстрелов в запасе.

Женщина разразилась хриплым смехом, смешанным с запахом дешевого джина.

— Фараоны? Да я не видела здесь законников с девяносто второго, когда они пытались захомутать изменника Джилса. Ну и утречко выдалось. Фараоньей крови в канавах было столько, что ею можно было смыть всю холеру.

— Так есть у вас комната или нет? — настойчиво переспросил Райли.

— Есть местечко на чердаке. Тамошний жилец испарился еще в среду. Думаю, словил где-то наконец по башке.

— Сколько?

В колючих глазах женщины промелькнул хитрый огонек:

— Я бы не отказалась от соверена.

— Не сомневаюсь, что не отказались бы, если бы мне хватило глупости его предложить. У меня есть новенький блестящий шиллинг, который вы можете получить, если захотите. Если нет, мы пойдем и поищем желающих на него дальше по улице.

Женщина поводила пальцем по деснам, обнажив поредевший ряд зубов.

— Пожалуй, я возьму этот шиллинг, молодой человек.

Райли протянул ей монету.

— И предупредите своих возможных приятелей насчет огнестрельного оружия, — сказал он. — Я терпеть не могу тратить пули на кого попало, но, если кто-то осмелится к нам вломиться, я сделаю исключение. К тому же моя спутница — колдунья и владеет черной магией. Она может запустить вам в голову жгучих огненных муравьев.

Женщина щелкнула по монете желтым ногтем и послушала, как она звенит.

— Огненные муравьи, — повторила она, не особенно впечатлившись. — У меня в голове и так полно этих поганцев, уж сколько лет.

Райли и Шеви вошли и двинулись по коридору, пол в котором, похоже, позаимствовали среди просоленных обломков давнего кораблекрушения: расхлябанные доски неплотно прилегали друг к другу и то задирались

вверх, то опускались вниз, как детские качели, в зависимости от того, в каком месте на них наступали. Стены коридора подпирали юные преступники всех мастей: богатейшая коллекция форточников, карманников, сбытчиков фальшивых монет, попрошаек, воров и мародеров, какую нечасто выпадает возможность увидеть по эту сторону Ньюгейтских охранных вышек. Мальчишки курили все, что удавалось найти, главным образом свернутые полоски обойной бумаги, которые полностью сгорали за одну-две затяжки и покрывали легкие густой смолой, отчего поспешное бегство от фараонов превращалось для них в более сложную задачу, чем для обычной уличной шпаны.

Каждый без исключения провожал Райли привычно-злобным колючим взглядом, но как реагировать на Шеви с ее белыми зубами и сияющими волосами, они толком не знали.

— Вы для этих бедолаг прямо как ангел небесный, — шепнул ей Райли, когда они поднимались по лестнице. — Смотрят на вас так, будто не знают, откуда вы взялись в таком месте, да еще рядом со мной.

Один из мальчишек, державший в руках бутылку, чтобы время от времени смочить горло, окликнул ее с верхней площадки:

— Сюда, мисс. А вы случайно не та индейская принцесса, которая недавно наваляла Таранам?

Райли решительно выступил вперед, стараясь казаться энергичнее и агрессивнее, чем он на самом деле себя чувствовал.

— Ага, она самая. В королевском английском она не сильна, так что говорю за нее я. Но дерется она

будь здоров, так что лучше подходи к ней очень осторожно и всегда только спереди.

— Меня зовут Боб Уинкл, — сообщил мальчишка, который мог оказаться любого цвета под коркой грязи, покрывающей его кожу, а жира на его костях было не больше, чем у оголодавшего хорька. Судя по невысокому росту и щуплому сложению, ему было лет десять, хотя голос и лицо делали его старше. — Может, вам нужно чего? Спиртное, харч, курево? Только скажите, Боб что хошь достанет. Ну, или сопрет, если понадобится. Не сомневайся, я чисто работаю.

На взгляд Райли, работа юного Уинкла наверняка отличалась такой же чистотой, как и его лицо.

— Если нам что понадобится, мы постучим в пол. Но если вздумаешь подняться наверх, веди себя смирно, не то индейская принцесса перережет тебе глотку так, что не успеешь и глазом моргнуть.

Толпившаяся в коридоре шпана опасно прикрыла горло руками и расступилась перед Шеви с не меньшим почтением, как если бы она была членом королевской семьи.

Они поднялись по лестнице к отведенному им чердаку, стараясь игнорировать пристальные взгляды постоянных обитателей дома, попадавшихся им на пути. Молодые девушки шумно бранились, таская друг друга за тусклые сальные космы. Старики сидели, облокотившись на углы лестничных клеток, посасывая пустые трубки и бездумно чертыхаясь в пространство. Все вместе сливалось в единый гул уныния и безысходности, который устремлялся

вверх из каждой лестничной шахты, как обращенный к небесам ропот отчаяния.

Одолев три лестничных пролета и еще несколько особенно ветхих ступенек, они оказались перед обшарпанной дверью. Райли подергал за деревянную ручку и не особенно удивился, обнаружив, что комната не заперта. Возле стены лежал здоровенный кирпич, которым, очевидно, подпирали дверь, когда обитатели чердака испытывали потребность в уединении, однако, учитывая, что стены чердака кое-где были насквозь пробиты ударами кувалды, проку от него было немного.

Шеви быстро шмыгнула в комнату и ухватилась за кирпич.

— Входи, — торопливо велела она Райли. — И давай подопрём дверь вот этим.

Райли с некоторой неохотой подчинился.

— Никогда не думал, что эти бедные люди могут пасть так низко.

Кирпич заскрежетал по полу, когда Шеви подтолкнула его по полу к двери.

— Ты раньше здесь не бывал?

— Нет, никогда. Однажды, сбежав от Гаррика, я некоторое время прятался в Сент-Жиле и считал, что это и есть настоящее дно, но такого, как здесь, я раньше не видел. Теперь я понимаю, почему Гаррик поклялся никогда сюда не возвращаться.

Шеви отодрала от одного угла рамы бурую бумагу, закрывающую маленькое окошко, чтобы впустить в затхлую комнату хоть немного свежего воздуха, хотя эти усилия едва ли могли увенчаться успехом.

Райли устало сполз по стене на гнилой дощатый пол и сгорбился, обхватив себя руками.

— Мы здесь в шаге что от каторги, что от могилы, — сказал он негромко. — Лондонцы потому так боятся Олд-Найчола, что знают — он ждет нас, караулит всех до единого. — Он поежился. — Мне не следовало приводить вас сюда, Шеви, тем более что вы леди.

Шеви обняла его за плечи и притянула к себе, чтобы стало чуть-чуть теплее.

— Нет. Мы должны были сюда прийти.

Тут она вспомнила свой вопрос, который хотела задать Райли последние несколько часов.

— Скажи-ка мне кое-что, Райли. Когда ты опрокинул телефон... ну, то устройство для разговоров на расстоянии... ты сделал это нарочно?

Немного уняв дрожь, Райли ответил:

— Да. Харизмо сам протянул нам веревку, чтобы его повесить.

— Верно, — кивнула Шеви. — Слишком уж говорливым он оказался.

— Он велел убить мою бедную маму, — сказал Райли, шмыгнув носом. — И моего папу тоже. Знаешь, папа ведь был одним из ваших.

— Знаю, — отозвалась Шеви. — Специальный агент Уильям Райли. Я читала его досье. Он был отличным боксером. До того как исчезнуть, он успел прославиться очень быстрыми руками.

— У меня тоже быстрые руки. Гаррик говорил, что таких быстрых он ни у кого не видел.

— Если мы хотим одолеть Гаррика, нам понадобятся и твои руки, и твои мозги.

Райли придвинулся чуть ближе, чтобы согреться и чтобы чувствовать свежий здоровый запах Шеви, а не окружающее зловоние.

— Но на что мы можем рассчитывать? Ведь все, все пропало. Даже пульт.

— Пульт Смарта действительно пропал, — согласилась Шеви. — Но у меня есть другой.

Она сунула руку в собственный сапог и вытянула за шнурок совершенно целый пульт.

— Пульт Харизмо, — догадался Райли. — Вы взяли его тогда же, когда и перстень?

— Тогда же. Только это пульт не Харизмо.

Райли поднял на нее расширенные глаза:

— Он принадлежал моему папе. Биллу Райли.

— Точно, — подтвердила Шеви, передавая пульт Райли. — Видишь, твой отец все еще присматривает за тобой.

Похоже, это замечание обрадовало Райли и придало ему решимости.

— Пока мы в этом жутком месте, мы должны придумать план. В обычной схватке нам Гаррика не победить.

Шеви хмыкнула, неподвижно глядя перед собой.

— Может быть, и нет. Но, как говорится, есть несколько способов ободрать кошку.

— Т-с-с, — предостерегающе зашипел Райли. — Если кто-то решит, что у нас здесь есть кошка, придется ждать гостей к обеду.

Шеви вздернула брови:

— Что? Здешние люди едят кошек?

Райли кивнул:

— Если им позволить, они и ваши сапоги съедят.

— Значит, мы должны во что бы то ни стало выбраться отсюда.

— Мы выберемся, — твердо сказал Райли. — Вы уже спасли меня в своем мире. Теперь я спасу вас в своем.

Это были не просто слова. Стиснув отцовский пульт в кулаке, Райли прижал его к груди и решил, что это доброе предзнаменование. Теперь у них есть надежда. Теперь у них есть на чем строить планы.

«Ты хорошо обучил меня, Альберт Гаррик, — подумал Райли. — Теперь посмотрим, как твои уроки обернутся против тебя самого».

Несмотря на мерзкую обстановку, терзающую все без исключения органы чувств, Райли и Шеви удалось на несколько часов погрузиться в беспокойный, прерывистый сон.

Проснулись они в один миг, умирая от голода и одновременно испытывая непреодолимое отвращение к любой пище, приготовленной в этом месте. Особенно мясной пище, учитывая, что Шеви обратила внимание на крайне подозрительное отсутствие крыс. Голова казалась тяжелой от пропитанного серой воздуха, в горле неприятно першило.

— Раздобыть бы где-нибудь воды, — сказала Шеви.

— Только не здесь, — покачал головой Райли. — Ваш деликатный желудок не справится с водичкой Олд-Найчола. Очень скоро она запросится обратно... не одним путем, так другим.

Шеви не стала вдаваться в детали, но внутренне согласилась, что рисковать здоровьем в их положении никак не стоит.

— Ну и ладно. Обойдемся без воды. Поспи еще, а я пока подумаю.

Райли завозился, придвигаясь ближе.

— Я тоже все время думаю. Гаррик научил меня кое-чему, но наверняка не ожидает, что я этим воспользуюсь.

— Если у тебя есть идея, давай-ка поделись.

— Скорее, зернышко идеи, — сказал Райли. — Его нужно поливать...

Он осекся, тут же вспомнив об отсутствии воды.

Шеви не то хмыкнула, не то просто вздрогнула.

Некоторое время они сидели молча.

— Могу я задать один вопрос? — сказал вдруг Райли, когда Шеви думала, что он давно уже снова заснул.

— Спрашивай, — кивнула она.

— Но я заранее прошу вас не обижаться, потому что испытываю к вам исключительно уважение.

— О. Обожаю подобные вопросы. Валяй.

Райли заговорил, тщательно подбирая слова:

— Знаете, Шеви, я ведь слышал, как те агенты из будущего разговаривали с вами. Почему вы так хотите остаться в ФБР, если они так плохо к вам относятся? И как случилось, что вы в таком возрасте, да еще будучи девушкой, выбились в фараоны?

— Вообще-то, это больше, чем один вопрос. Кажется, ты требуешь поведать тебе историю моей жизни.

Райли притиснулся еще ближе, в надежде сберечь хоть немного тепла.

— Вы же видели мою жизнь в тоннеле, Шеврон. Думаю, вы можете рассказать мне свою. Мы же теперь связаны, разве нет?

— Верно, — согласилась Шеви. До сих пор у нее не было никого ближе. Пережитое накрепко связало ее с этим мальчиком. — Ладно, я расскажу тебе о себе.

Райли ничего не ответил, только тихонько толкнул ее локтем в бок, что Шеви решила истолковать как «давай, рассказывай».

— Ты уже знаешь, что я сирота, так же как и ты. После того как моих родителей не стало, меня отдали в приют, но никто меня так и не усыновил — говорили, что я слишком взрослая и слишком шумная. Наверное, из-за этого я и оказалась подходящей для другой, значительно большей, семьи: Федерального бюро расследований. ФБР тогда разрабатывало совместную программу с Министерством национальной безопасности по пресечению деятельности террористических группировок, которые оказывали сильное влияние на умы старших школьников. А кто может лучше проследить за тем, что творится в наших школах, как не агенты-подростки, работающие под прикрытием? Звучит бредово, верно? Чистый Голливуд. Однако представь себе, им удалось добиться финансирования из одного секретного фонда ЦРУ, и они набрали полдюжины подростков-сирот из Калифорнии для запуска пилотного проекта. Сначала мы прошли специальную подготовку в месте под названием Куантико, а затем нас внедрили в школы.

Шеви умолкла, проверяя, не заснул ли Райли во время этих откровений, и отчасти надеясь, что он так и сделал.

— Пока вопросов нет, малыш?

Райли чуть пошевелился.

— Только один. Что такое «чистый Голливуд?»

Хороший вопрос.

— Ты же любишь книги про приключения, верно, Райли? Так вот, «чистый Голливуд» — это нечто до того невероятное, что уместно смотрелось бы в романах Г.Д. Уэллса.

— Ясно. Продолжайте.

Шеви чуть поерзала на шероховатых досках, пытаясь усесться хоть немного удобнее.

— Моим объектом наблюдения была одна иранская семья, четверо детей которой посещали школу. Мне полагалось разговорить их, проникнуть в их круг и сообщить в бюро, если обнаружится, что они вынашивают террористические планы. Самая обычная миссия из разряда «наблюдай и докладывай». Как ты понимаешь, оружия подросткам не полагалось. Я сделала все, как было приказано: подружилась с ребятами, познакомилась с их семьей. И мне стало ясно, что никакой терроризм их не интересует, они просто хотят нормально закончить школу, как и все остальные. Если уж на то пошло, то они сами стали жертвами терроризма. В нашей школе была такая кучка золотой молодежи, которая не видит различий между саудовскими арабами, иранцами или иракцами и не желает в этом разбираться. Однажды вечером джип, битком набитый этими ребятами, зажал моих иранцев в угол

возле театра. Все произошло очень быстро. Один из них вытащил пистолет и начал стрелять в асфальт им под ноги.

— Догадываюсь, что произошло дальше, — подал голос Райли. — Вряд ли вы отнеслись к такому поведению снисходительно.

Шеви нахмурилась:

— Конечно, не отнеслась. Я выбила пистолет из руки ублюдка, но он уже успел поранить рикошетом собственную ногу.

— Мне кажется, вы повели себя как настоящая героиня.

— Ага. Беда в том, что я несколько увлеклась и сделала предупредительный выстрел в воздух.

— Ну и что же здесь такого плохого?

— Плохо то, что тот парень потом заявил, будто это я его подстрелила. А у меня на руке остались пороховые следы, да еще какой-то зевака заснял все происшествие на мобильный телефон с камерой, но с такого дурацкого угла, что на записи видно, как я демонстрирую свое боевое искусство, но не видно, как парень подстрелил сам себя.

— А-а. Эти пороховые следы похожи на улики, которые обычно ищет Шерлок Холмс.

— Именно. То есть, можно сказать, элементарно. Естественно, в новостях только и было разговоров о школьнике с боевым оружием и жетоном федерала. В конце концов дело дошло до сената. В Бюро тут же смекнули, что использование несовершеннолетних агентов в лучшем случае не соответствует конституции, а в худшем просто противозаконно, так что всех

остальных быстренько и по-тихому отозвали, а программу прикрыли.

— Но агент Шеврон Савано успела прижиться в новой семье и не собиралась покидать ее.

— Верно. Я не хочу уходить, а они пока не могут меня заставить сделать это, потому что дело попало на глаза особому комитету, и все пытаются сделать вид, что меня вообще не существует. Поэтому они отправили меня от греха подальше в Лондон. Ну, а остальное, я думаю, ты и так знаешь.

Райли промолчал, и Шеви снова подумала, что мальчик заснул, пока он не сказал:

— Раз уж мы имеем дело с Гарриком, вам придется сдерживать свой темперамент.

Шеви ощутила, как ответственность тяжким бременем опустилась на нее, сковав разум, словно тисками. Это был важный момент для них обоих. До сих пор Райли ни разу не заговаривал о том, что спасение от Гаррика вообще возможно.

— Но, — продолжал Райли, — этот план мы должны разработать вместе. В конце концов, мы оба боремся за свои жизни. Тут мы как братья.

— Согласна, — сказала Шеви. — Тогда расскажи мне о том зерне, которое мы должны поливать и окучивать.

Райли заговорил, и Шеви стало ясно, что мальчик еще сообразительнее, чем она думала до сих пор.

Когда он полностью высказался, Шеви прокомментировала:

— Звучит немного безрассудно, Райли. И к тому же не представляю, как мы справимся с этим в одиночку.

Райли громко постучал в пол каблуком, так что по дому раскатилось глухое эхо.

— Я знаю кое-кого, кто может достать что угодно и кто охотно поработает за звонкую монету.

Когда план был продуман во всех мелочах, которые могли прийти им в голову, Райли отправил Боба Уинкла и его подручных за кое-какими покупками, а затем присоединился к Шеви в углу комнаты, где от стены исходило едва уловимое тепло. Они постояли некоторое время, просунув пальцы в трещины между кирпичами и грея руки.

— Зимой тут еще хуже, — заметил Райли. — Мы бы не пережили эту ночь.

— Да еще никакого тебе DVD-плеера, — сказала Шеви и засмеялась. Райли растерялся на мгновение, но потом тоже захохотал. Он не знал, что такое DVD-плеер, но был рад хоть какому-то поводу повеселиться.

От отравленного воздуха у них быстро запершило в горле, и их смех увял; комнату снова заполнил доносящийся из-за окон гвалт.

Шеви взяла Райли за руки и мягко пожала их.

— Вы понимаете, что у нас почти не осталось времени? — сказал Райли. — Даже если сам Гаррик сюда не придет, он заплатит тому, кто сделает это за него.

— Мы уберемся отсюда, как только вернется Боб, — сказала Шеви. — Не тревожься. Это хороший план. Он сработает.

— Он должен сработать, — сказал Райли, пожимая в ответ ее пальцы. — С Гарриком второго шанса у нас не будет.

В дверь постучали.

— У меня послание для индейской принцессы, — донесся сиплый голос.

Шеви распахнула дверь и обнаружила за ней тощего болезненного подростка с кровоточащими деснами и хриплым от застарелого кашля дыханием.

Без лишних слов Шеви втащила мальчишку в комнату, прижала его рукой к стене и быстро обыскала. С Гаррика станется превратить ребенка в ходячую бомбу. Он даже наверняка счел бы это забавным.

— Только не режьте мне глотку, мисс. Я ничего плохого не делал, только записку принес.

Что-нибудь прятать мальчишке было попросту негде, и Шеви не нашла ничего подозрительного. В одной руке он держал клочок коричневой упаковочной бумаги, на которой было старательно нарисовано окно.

Смысл послания был ясен: «Подойди к окну».

«Ну конечно, — подумала Шеви, — так я и подошла».

И все-таки она пошла к нему, пригнувшись ниже уровня подоконника, скосив глаза к тому углу, где была оторвана бумага и где было видно просвечивающее сквозь жемчужный туман утреннее солнце, только-только осветившее верхушки крыш.

Покосившиеся крыши, ряды каминных труб. Далекий шпиль.

«Нет, это не шпиль. Это стоящий на крыше человек, и в руке у него мерцает красный огонек».

Четкий красный луч пронизал туман на сотню лет раньше своего времени, нарисовав алую точку на листе бумаги, заслоняющем окно чердака.

— Ложись! — крикнула Шеви, рывком бросаясь к обоим мальчикам и опрокидывая их на пол. Как раз вовремя. Шесть выстрелов пробили бумагу и ударили в кирпичную стену, проделав выбоины размером с кулак. Облачка пыли закружились в лучах света, проникших в полутемный чердак через пулевые отверстия.

Шеви крепко прижимала мальчишек к полу до тех пор, пока не стало ясно, что больше стрельбы не будет.

— Он нас нашел, — задыхаясь, прошептал Райли.

Доски опасно потрескивали под их весом, грозя вот-вот обвалиться. Вонь от вареной требухи атаковала их носы через щели в полу с удвоенной силой. Сквозь особо широкую щель Шеви разглядела с дюжину фигур, которые с кашлем и бранью пробуждались ото сна в тесной мрачной комнатухе внизу.

— Если ты не против убраться отсюда, — сказала она Райли, — то я уже по горло сыта гостеприимным Олд-Найчолом.

— Тогда старайтесь держаться за мной, — отозвался Райли, начиная ползком пробираться к выходу.

Прах к праху

*Трущобы Олд-Найчола.
Бетнал-Грин. Лондон. 1898*

Большую часть предшествующей ночи Альберт Гаррик провел, незаметно наблюдая за домом на Бэдфорд-сквер, пока один из его осведомителей не прислал ему весточку с указанием местонахождения индейской принцессы. Кое-кто из Таранов тоже при-сматривал за этим местом, однако в полночь к нему примчался гонец с новостями, и засаду отменили.

«Надо полагать, Отто Маларки стало известно о судьбе Харизмо».

Так что теперь Гаррик оказался вблизи границ Олд-Найчола со своим чудесным оружием.

«Несколько предупредительных выстрелов, — при-кинул он, — как раз чтобы выкурить дичь из норы».

Гаррик заметил промельк движения за окном чердака и с удовольствием пальнул несколько раз из своего такого красивого и смертоносного лазерного оружия в сторону чердака, более или менее наугад.

Эффективность прицела произвела на него весьма сильное впечатление.

«До чего совершенное сочетание формы и функции».

После этого Гаррику не составило труда пройти пару шагов по коньку крыши, чтобы ему открылся ничем не заслоняемый обзор входной двери нужного дома.

«Райли знает, что я никогда не войду в это здание, — понял он. — Есть все-таки в мальчишке некоторая жестокость. Каким замечательным помощником он мог бы стать, если бы не предал меня».

Выход из доходного дома был только один, значит, Райли и Шеви некуда деться, кроме как бежать через парадную дверь, если только они не собираются утопнуть в выгребной яме на заднем дворе или не вздумают проложить себе путь через ветхую одноэтажную пристройку, прислонившуюся к дому сбоку.

«С моим великолепным оружием, которым так любезно наделило меня ФБР, я легко достану их, стоит им только высунуть нос».

Он улыбнулся. «Конец близок, Шеврон Савано».

В дверях возникла какая-то суeta, которой предшествовало появление нескольких боевитого вида дворняжек, выкатившихся на улицу со звонким лаем.

«Итак, вот они, — подумал Гаррик, активируя лазерный прицел. — Только два выстрела, не больше — лучше сохранить пули для оружейника».

Однако вместо двух перепуганных беглецов из дверей облезлого строения внезапно появилась добрая дюжина мальчишек и, прорвавшись через завалы накиданного во дворе мусора, ринулась врассыпную,

как воровская шайка при виде полицейской облавы. У всех на головах красовались одинаковые широкополые шляпы, так что понять, были ли среди них Шеви и Райли, оказалось невозможно.

Гаррик невозмутимо хмыкнул на своем насесте: «Отвлекающее рассредоточение. Умно».

Фокусник быстро прикинул, что вполне мог бы уложить с полдюжины разбегающихся юнцов, но это было бы возмутительным разбазариванием ценных боеприпасов, к тому же массовое убийство неизбежно привлекло бы внимание полиции, даже в Олд-Найчоле.

Гаррик сунул пистолет в карман и побежал к пожарной лестнице.

«Значит, сынок, ты задумал гонку. Выживает быстрейший. Для нас обоих будущее начинается с Бэдфорд-сквер».

Шеви сломя голову ринулась через дорогу, стараясь не попадать ногами в особо глубокие выбоины. Прямо напротив выхода из дома, где они ночевали, начинался узкий запущенный переулок, зажатый между глухими стенами. Шеви и Райли устремились прямо в него, стараясь не наступать в быстрый мутный поток, текущий прямо посередине переулка. Вдоль темного прохода почетным караулом выстроились подручные Боба Уинкла, аплодируя и улюлюкая со всем энтузиазмом, какой позволяли их закопченные легкие.

Сам Боб Уинкл поджидал их, подобно ангелу, в туманной дымке в конце переулка, держа наготове открытую дверцу экипажа.

— Полезайте внутрь, ваше высочество, — пригласил Уинкл. — Я скормил коняге перцу, так что теперь ей не терпится размять копыта.

Шеви нырнула внутрь двуколки, а Райли вскарабкался на сиденье кучера. Уинкл тут же уселся рядом, двигаясь с поразительным для такого доходяги проворством.

— Ловко ты все устроил, — сказал Райли.

— Ага, — согласился Уинкл. — И еще я прихватил немного пива, просто чтобы освежиться.

— Это что, твой кэб? — поинтересовалась Шеви снизу.

— В данный момент, мадам, это ваш экипаж, — сказал Уинкл, подмигивая ей через окошко в крыше.

Райли схватил кучерский кнут с длинной рукояткой и мастерски щелкнул им меж лошадиных ушей. Владение кнутом было частью его обучения искусству фокусника/наемного убийцы, так что Райли мог бы с закрытыми глазами выбить карту из рук понтера. Лошадь в испуге присела, щелкнула на своего мучителя зубами и сорвалась с места, с грохотом унося кэб в направлении Блумсбери и Бэдфорд-сквер.

Гаррик решил, что разумнее всего будет добраться до Бэдфорд-сквер бегом. Конечно, на извозчике было бы быстрее, но поблизости не было видно ни одного кэба, а на поиски времени не оставалось.

Его до болезненного жжения в легких оскорбляло, что он, великий Альберт Гаррик, вынужден бегать за какими-то сосунками, мальчишкой и девчонкой.

О том, чтобы оставить их в живых, теперь не могло быть и речи.

«Им известны мои секреты, и я подозреваю, что агент Савано вскоре примется строить планы насчет того, как натравить на меня законников».

Гаррик понимал, что эти две ниточки, связывающие его с миром будущего, необходимо решительно разорвать, чтобы они не смогли использовать уцелевший пульт — иначе они свяжутся с веком Шеврон и пустят полицию по его следу.

Фокусник почувствовал, как шляпа слетела с его головы, но не стал задерживаться и подбирать ее. Теперь его длинные волосы свободно развевались на бегу, рождая чувство стремительности и неудержимости.

Райли вел экипаж так, словно за ним по пятам гнался сам черт, что, впрочем, было недалеко от истины. Дорога до цели составляла чуть больше двух с половиной миль, и Райли умудрился ободрать по пути чуть ли не каждый тротуарный бордюр. Боба Уинкла и Шеви трясло и швыряло, как леденцы в банке. Тем не менее ни один из пассажиров не позволил себе ни единой жалобы и ни разу не потребовал остановиться: оба были полностью согласны заплатить парой ссадин за избавление от Гаррика.

Райли, казалось, не собирался довольствоваться всего лишь столкновением с бордюрами, но твердо решил разнести кэб в щепки. Он едва не налетел на карету какого-то лорда, и от опрокидывания колесами вверх его спас лишь подвернувшийся вовремя фонарь-

ный столб, который от удара бортом экипажа согнулся крутой дугой.

Их продвижение по Говер-стрит было отмечено пронзительными свистками констеблей и сметенной с пути тележкой уличного торговца. К вящей радости мальчишек, поспешавших за тележкой, их окатило градом горячих пончиков и целым морем жареной картошки, разлетевшейся с опрокинутой жаровни.

Шеви старалась держаться прямо, чтобы поглядывать, не видно ли поблизости Гаррика, но город проносился мимо со стремительностью карусели, а зрение мутилось от немилосердной тряски.

— Уже где-то недалеко, — сказала она сама себе, лязгая зубами так, что чуть не прикусила язык. — Знакомые места.

Места и впрямь выглядели знакомо, потому что за последнее столетие ни архитектура, ни расположение улиц в этой части города существенно не менялись.

Райли привстал на козлах, натягивая вожжи, и взмыленная лошадь перешла на более спокойную рысь. Мальчик наклонился к отверстию в крыше.

— Выходите, Шеви, — велел он. — Боб, а ты отгони этот кэб к Ковент-Гардену, чтобы отвлечь фараонов. Держи его подальше отсюда, нам ни к чему привлекать лишнее внимание.

Боб перехватил вожжи, так и сияя от искреннего наслаждения поездкой.

— Есть, сэръ, мистер Райли. А если они возьмут меня за жабры, я и словечка не скажу, честное слово Уинкла.

Райли вручил ему остатки монет, полученных от Маларки.

— Принцесса благодарит тебя, Боб.

Уинкл деловито запихал деньги в свой драный жилет.

— Вы знаете, где меня найти, если вдруг понадобится. И передайте принцессе, что в следующий раз я потребую в уплату поцелуй.

Шеви распахнула дверцу экипажа.

— Умой лицо сначала, — проворчала она, выбираясь на тротуар, — тогда, может, и поцелую.

Упомянутая чумазая физиономия на миг оцепенела в замешательстве, а затем озарилась широченной ухмылкой, когда Боб Уинкл тряхнул вожжами и покатиł прочь, клянясь себе хорошенько умыться при первой же подвернувшейся возможности.

Дверь особняка на Бэйли-стрит выглядела весьма солидно: толстое дерево, латунные петли, железные заклепки. Было очевидно, что пинком ее не вышибить.

Шеви не могла поверить, что какая-то самая обыкновенная дверь остановит их именно сейчас, когда они зашли так далеко, и принялась осматриваться в поисках какого-нибудь инструмента, с помощью которого можно было взломать замок. Но на окрестных улицах не было ничего, кроме нянек с детскими колясками, наслаждавшихся утренним солнышком в сквере, или уличных торговцев с тележками, предлагавших свежую выпечку на завтрак.

— Как же мы попадем внутрь? — спросила Шеви. — Наш план может сработать, только если мы окажемся в доме.

— Не волнуйтесь, Шеви, — успокоил ее Райли. — Вспомните, мне ведь уже приходилось проникать сюда.

Ученик убийцы проворно вскарабкался на ограждение первого этажа, подпрыгнул и ухватился кончиками пальцев за подоконник этажом выше. Приподняв сдвижную раму, Райли протиснулся внутрь — точь-в-точь как это было в его прошлое посещение, оказавшееся роковым. Правда, в тот раз ему пришлось поработать фомкой, чтобы управиться с задвижкой, но с тех пор она так и осталась сломанной надвое.

Не прошло и полминуты, как Райли приоткрыл входную дверь изнутри.

— Давайте внутрь, — сказал он Шеви. — Я уже чую приближение Гаррика.

Шеви подчинилась, бормоча:

— А я вот ничего не чую. Кажется, после Олд-Найчола мое обоняние полностью отказало.

Райли закрыл дверь, но цепочку набрасывать не стал.

— Когда он близко, у меня внутри все скручивается. Я всегда мог чувствовать его приближение именно так.

Шеви прижала ладонь к своему животу.

— Знаешь, Райли, пожалуй, что-то в этом есть. Давай-ка пошевеливаться. У меня внутри крутит просто ужас как.

Гаррик извлек из своего обогащенного разума еще одно любопытное выражение двадцать первого века: «мышечная эйфория».

«Надо же, я и на йоту не чувствую усталости, — думал он, по мере того как адреналин бурлил в его крови, подстегивая работу мышц. — Это потому, что мои надпочечники вырабатывают эпинефрин. Как занимательно».

Гаррик вихрем мчался по улицам, размеренно работая локтями в стиле Карла Льюиса, одного из любимых атлетов Феликса Смарта.

Однако чувство самозабвенного наслаждения бегом продлилось недолго, и на ясный небосклон его настроения напоззли темные тучи. Гаррик не мог позволить себе отдохнуть, пока пульт не будет уничтожен, а площадка портала демонтирована. Только сделав это, он может чувствовать себя в своем времени в полной безопасности.

«Райли узнает, что я был и останусь его истинным хозяином. До конца.

А когда с ним будет покончено, я подберу себе нового ученика. Более послушного. Верно говорят: «пожалешь розги — испортишь ребенка». Больше такой ошибки я не допущу. Выберу какого-нибудь беспризорника из Олд-Найчола, откормлю и научу уважению. А если он не научится как следует, то отправится прямоком в могилу, точь-в-точь как скоро сделает его предшественник».

Гаррик срезал угол через парк и перескочил через ограду Бэйли-стрит как раз вовремя, чтобы увидеть, что спина Райли исчезает в полумраке коридора дома Чарльза Смарта.

Жажда крови желчью ожгла ему горло.

«Я убью их обоих, — подумал он свирепо. — И исчезну еще до того, как кто-нибудь успеет поднять тревогу».

Во избежание подозрительных взглядов Гаррик выпрямился, расправил плечи и зашагал по улице с безмятежным видом человека, мысли которого заняты исключительно покупкой утренней булочки и чашки кофе. Эта напускная безмятежность мигом слетела с него, как только он толкнул плечом дверь Чарльза Смарта и обнаружил, что она не заперта.

«Они в моих руках», — подумал он с торжеством, но тут же призвал себя к осторожности.

«Шеврон Савано прошла серьезное обучение. Она молода и не слишком рассудительна, но и от нее можно ждать сюрпризов».

Гаррик запер за собой дверь на засов, достал пистолет с лазерным прицелом и торопливо зашагал к лестнице. Откуда-то спереди доносился приглушенный топот, словно кто-то спускался в подвал. По легкости шагов и чуть слышному присвисту в дыхании Гаррик понял, что это был Райли.

«Может быть, у мальчика легкая форма астмы? Ему ведь пришлось расти в отравленном смогом Лондоне, так что неудивительно, — подумал он. — Впрочем, скоро у Райли появятся куда более серьезные проблемы с дыханием».

Его собственные легкие, благодаря червоточине, работали идеально и бесшумно.

Свободной рукой Гаррик ухватился за перекладину перил и рывком перебросил тело в лестничный колодец, смягчив удар о стену собственным плечом.

«Райли уже виден. Всего в десяти ступеньках вниз. Легкая мишень, простой выстрел».

— Райли! — гаркнул он, отчасти наслаждаясь мелодраматичностью момента. — Стоять!

Мальчик даже не обернулся, но оступился, словно у него внезапно подкосились ноги, и что-то выпало из его руки.

«Пульт! Райли уронил его».

Гаррик не удержался от восклицания.

— Ага!

Пульт выскользнул из пальцев Райли. Мальчик знал, что непременно должен предпринять попытку его подобрать. Он развернулся, но увидел, как Гаррик уже крушит пульт ударом каблука.

— Ты предал меня, никому не нужный беспризорник, — сказал Гаррик. — И наказанием для тебя станет медленная мучительная смерть.

«Это ты сделал меня сиротой», — подумал Райли. Ярость вскипела в его сердце, как вода в паровом котле, и он бросился в атаку, что вовсе не было частью плана.

Райли сжал кулаки, как его учили, и с силой ударил Гаррика в нервное сплетение над коленом. Нога убийцы рефлекторно подкосилась, и Гаррика кинуло в сторону на узкой лестнице. Райли успел провести еще один удар — в живот — прежде чем Гаррик поставил блок.

— Какой бойцовский дух, — просипел фокусник сдавленным от удара голосом. — Слишком поздно, мой мальчик. Мы уже подошли к самому концу этой истории.

Райли наносил удар за ударом, ища бреши в защите Гаррика и находя их на уровне бедер и почек.

Хотя Гаррику удавалось сохранять невозмутимое выражение, он против собственной воли был весьма впечатлен боевыми навыками Райли и удивлен тем, насколько трудно ему оказалось держать оборону против мальчишки.

«Мне никогда не приходилось драться с тем, кто использовал бы мой собственный стиль», — осознал он.

Наконец эта игра утомила Гаррика. Он молниеносно выбросил одну руку по дуге, звучно ударив Райли в ухо, отчего мальчик потерял ориентацию и скатился к подножию лестницы в подвальный коридор, тут же пропав из вида.

«Больше Райли не выступит против своего наставника», — подумал Гаррик.

Теперь на его пути к полному душевному спокойствию стояла только девчонка-американка, причем наверняка невооруженная. И все равно рисковать не стоило.

Гаррик потратил лишнюю секунду, окончательно искрошив пульт каблуком и внутренне улыбаясь с огромным облегчением.

«Теперь я могу просто уйти. Подняться по лестнице и покинуть этот дом. Я ведь уничтожил пульт».

Этот голос Гаррик сразу опознал как последний проблеск сознания Феликса Смарта, который опять пытался манипулировать им. И Гаррик с большим удовлетворением обнаружил, что теперь покойный профессор уже не в состоянии сбить его с избранного пути.

«Райли знает меня в лицо. Его нужно заставить замолчать навсегда».

Смерть — единственный возможный ответ. Прах к праху, как он всегда говорил. Теперь он может без страха отправляться в подвальную спальню. Без пульта, способного активировать портал, металлическая плита под кроватью оставалась просто куском металла. По правде сказать, Гаррик понимал, что ему следовало бы прийти сюда ночью и разобрать эту кровать, но он опасался засады и хотел сначала удостовериться, что контракт на его голову отменен. А теперь уже можно и не торопиться.

Гаррик почти жалел, что тут нет камер видеонаблюдения, какие он видел в двадцать первом веке. Он с удовольствием бы обзавелся записью того, что скоро здесь произойдет. Он бы хотел просмотреть весь эпизод критическим взглядом, чтобы убедиться, что его действия в самом деле были такими впечатляюще-профессиональными, как он рассчитывал.

«При любом мастерстве есть место совершенствованию».

Гаррик отогнал посторонние мысли, сосредоточившись на стремлении к главной цели, холодном и отточенном, как острие драгунского шлема.

«Сейчас я должен быть только убийцей. Завтра мой мир изменится — вообще весь мир может измениться, — но сейчас я на работе. А Альберт Гаррик привык гордиться своей работой».

Он двинулся дальше по коридору, быстро принаравливая глаза к царящему вокруг полумраку. Из те-

ней по сторонам то и дело доносился какой-то шорох, на который любитель наверняка растратил бы часть боезапаса, но Гаррик умел распознавать цокоток крысиных когтей и не стал палить попусту.

Райли медленно пробирался через подвал чуть впереди, то и дело спотыкаясь о какие-то разбросанные чемоданы и портновские манекены. Он перебежал от одного угла к другому, понуро сгорбившись и время от времени бросая на своего наставника испуганные взгляды.

— Она бросила тебя, сынок, — крикнул ему Гаррик. — Ты остался один.

— Ты убил моих родителей! — сказал Райли. — И я тебе не сын.

Гаррик мог бы начать отрицать — в конце концов, откуда Райли мог знать, что произошло много лет назад? — как вдруг правда обрушилась на него со всей очевидностью: мальчик увидел это в червоточине.

— Это была моя работа, — признал он, забавы ради разнеся выстрелом манекен на колесиках. — Меня наняли для нее. Это был вопрос доверия. И, кстати, разве я не пощадил тебя? Вопреки приказу, должен заметить.

— Убийца! — вскричал Райли, ударяя плечом в дверь спальни и исчезая во мраке позади нее.

Гаррик не стал слепо бросаться следом, а предусмотрительно занял позицию рядом с дверью, на случай, если агент Савано попытается заманить его в ловушку.

«Вспомни, ведь вы оба проходили одинаковое обучение. Какова стандартная схема действий при обороне помещения с единственным входом?»

Шеви должна прятаться в слепой зоне внутри комнаты, нацелив какое бы то ни было оружие на дверной проем.

«Если она вообще там».

Возможно, агента Савано даже нет в здании. И все равно лучше потратить лишние несколько секунд на проверку, чем упустить возможность покончить наконец с этой наскучившей историей.

Гаррик вызвал в памяти обстановку комнаты во всех подробностях. Он ведь провел в ней немало времени, ожидая появления Феликса Смарт.

«Прямоугольное помещение с небольшим альковым у южной стены, гардеробом и письменным столом. Ряды металлических цилиндров размером с бочонок — полагаю, заготовки батарей, которые Смарт мастерил, чтобы обеспечить себя энергией для будущих визитов к Виктории. Агент Савано наверняка притаилась за письменным столом. Если я появлюсь на пороге, то стану легкой мишенью для выстрела. Стрелять она будет в грудь — в оптимальную зону поражения, как ее учили».

Гаррик проверил заряд своего пистолета.

«Отлично. Альберт Гаррик войдет именно так, как от него ожидают».

Шеви сидела на корточках позади письменного стола, нацелив револьвер Барнума на дверной проем. Как только в комнату ввалился Райли, она уже была на ногах, держа оружие наготове.

«Входи же, Гаррик, — мысленно воззвала она к убийце. — Покажи мне свою гнусную улыбочку».

Вступая в комнату чуть подпрыгивающей походкой истинного кокни, Гаррик говорил не умолкая.

— Мы пережили вместе столько приключений, — разглагольствовал он. — Но, чтобы полностью реализовать свой потенциал, я должен иметь возможность спокойно заниматься делами, не натываясь на постоянное вмешательство со стороны...

Эта речь крайне удивила Шеви, потому что она успела подстрелить Гаррика уже трижды между первым и третьим слогами слова «приключений». Плащ фокусника соскользнул на пол, и сам он неуклюже опрокинулся навзничь, но все еще продолжал говорить. И хотя Шеви предполагала, что он прибегнет к какой-нибудь хитрости, на долю секунды она оказалась вне укрытия, что дало Гаррику шанс спокойно шагнуть внутрь комнаты и выстрелить Шеви прямо в грудь, по-прежнему проецируя свой голос на валяющийся на полу манекен на колесиках.

— ...со стороны малолетнего агента-недоучки, совершенно не способного справиться со своей работой.

В голове у Гаррика невольно промелькнула мысль, что этот выстрел в лучших традициях ФБР, возможно, принес ему наибольшее удовлетворение из всех выстрелов, которые он сделал в своей жизни, даже несмотря на попытки Феликса Смарта повлиять на его сознание. А может быть, как раз именно поэтому.

«Я снова полностью контролирую себя».

Удар пули отбросил Шеви назад, к стене, где ее безжизненное тело почти полностью завалила обрушившаяся стопка одеял.

С холодной трезвостью профессионала Гаррик решил, что у него будет время посмаковать этот сладостный момент позже, в тишине и безопасности театра «Ориент». Сейчас же следовало собраться и вбить последний гвоздь в этот гроб.

— Райли, малыш, — позвал он звучным, медовым голосом, соблазнительнее которого еще не слышали на подмостках Вест-Энда. — Хватит бежать, сынок. Позволь мне прекратить твои мучения.

Райли лежал на кровати, уткнувшись лицом в одеяло, и его плечи вздрагивали от рыданий.

«В конце концов, он всего лишь ребенок. Что ж, быть может, лучше умереть в невинности».

Гаррик сунул пистолет в карман. Это убийство определенно должно быть более личным.

Два быстрых шага — и вот он уже возле кровати.

«Я перекрою воздух в его горле и буду смотреть, как стекленеют его глаза. Хотя в память о нашем прошлом я, быть может, скажу ему напоследок что-нибудь ласковое».

Гаррик потянулся к шее мальчика.

«Какие у меня тонкие, но сильные пальцы, — подумал он. — Я запросто мог бы стать превосходным пианистом».

Райли был настолько сломлен, что даже не пытался бежать и просто лежал на кровати, ожидая, когда пальцы Гаррика сомкнутся вокруг его горла.

— Что, больше не пытаешься воевать со мной, сынок? — прошептал Гаррик. — Наверное, пришло время уснуть.

Убийца легким кошачьим прыжком вскочил на матрас, но, вопреки ожиданиям, под его рукой не оказалось податливой шеи Райли. Вместо этого его пальцы натолкнулись на холодное стекло, а вслед за ними о невидимое зеркало с глухим стуком ударилась голова фокусника, отчего по стеклу побежали тонкие трещины.

— Но как же это... — пробормотал он озадаченно, смаргивая набегающую из порезанного века кровь. — Я же... я же вижу...

Райли поднял голову и взглянул сквозь трещины в направлении Гаррика, но не на него.

— Что же ты видишь, великий мастер иллюзии?

Гаррик быстро ощупал ладонями зеркало и тут же понял, что его сбил с толку его собственный магический аппарат. Однако стук крови в его висках заглушили связные мысли.

— Угловой свет. Ряд зеркал. Ложное направление. Но зачем?

— Чтобы заманить тебя на кровать, — произнес голос у него за спиной.

Гаррик медленно обернулся, тупо вглядываясь в полумрак комнаты, где невероятным образом стояла Шеврон Савано, целая и невредимая. Какой-то метательный снаряд, блеснув, уже вырвался из ее пальцев, ввинчиваясь в воздух в направлении фокусника.

«Ну уж нет, — подумал Гаррик, ловя предмет прямо в воздухе. — Таким, как вы, не одолеть меня, даже если я оглушен».

Фокусник был сильно раздражен, что его поранило его же собственное зеркало. Но только чего ради бы-

ла подстроена эта ловушка? Она всего лишь немного отсрочила неизбежное. А его лишь чуть-чуть поцарапало, не более.

Гаррик ощутил в руках легкое покалывание и увидел оранжевые искры вокруг его пальцев, сжимавших брошенный снаряд. Искры чуть слышно гудели, как квантовые пчелы вокруг меда. Загадки все множились.

«Оранжевые искры? Откуда?»

Гаррик разжал пальцы и увидел на своей ладони пульт. На мгновение ему пришло в голову, что это еще одна иллюзия, но опыт Феликса Смарта заверил его, что на этот раз все по-настоящему.

«Та аварийная бригада, которую я уложил здесь в прошлый раз. Разумеется, у них у всех были пульта и защитные доспехи. Это один из их пультов, как и тот, который я растоптал на лестнице. Его не уронили — его подбросили специально. Райли нарочно сделал так, чтобы я увидел, как он вбегает в дом. А Шеврон попросту надела пуленепробиваемый жилет перед самым моим появлением».

Цифровой дисплей ключа был разделен на четыре сектора; два верхних ярко мигали.

Понадобилась наносекунда, чтобы до Гаррика дошло, что это значит.

«Верхний левый сектор активирует червоточину. Верхний правый запускает обратный отсчет, который уже достиг нуля. Нижние сектора активируют маяк для выхода из червотчины. Они не включены».

— Верно, — сказала Шеви. — Туда ты войдешь, но обратно не выйдешь.

Гаррик заколотил по панели пульта пальцами, но это уже не имело никакого значения: так привидение тщетно пытается установить контакт с материальным миром. Пульт выпал из его ладони и упал на перину кровати; в его центре уже раскрывалась яркая световая воронка.

— Ну что? — сказала Шеви. — Никакой прощальной речи? Как насчет «Мир не услышал предсмертного слова Альберта Гаррика»? По-моему, звучит неплохо.

Райли подошел к Шеви и встал рядом. Глаза его были мокрыми от слез.

— Ты убил мою семью. Ты выкрал меня из колыбели. — Он швырнул Гаррику его собственный плащ. — Только для того, чтобы у тебя появился слушатель.

Мысли Гаррика были заняты более важными вещами, чем обвинениями какого-то мальчишки. Он чувствовал, что исчезает, растворяется.

«Я ничто», — осознал он. Наверное, многие люди нашли бы эту мысль утешительной, но Альберта Гаррика она приводила в ужас.

«Я останусь ничем навечно».

Оранжевые искры пожирали его тело, как магическая саранча, не оставляя после себя ничего, кроме тусклого силуэта. Гаррик успел заметить, как его призрачные внутренности на миг показались под прозрачной плотью.

Он раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но призрачные губы не издали ни звука. Райли произнес нужные слова за него.

— Прах к праху, — сказал мальчик и сплюнул на ковер.

На мгновение фигура Гаррика блеснула серебром, будто превратившись в термитную смесь, а затем ее втянуло в пульт, который стоял вертикально на остром конце, стремительно вращаясь.

Из его верхушки вырвалась ослепительная вспышка, опалив потолок, и пульт тоже исчез.

— Ладно, — сказала Шеви, хватая Райли за плечо и подталкивая к лестнице. — Кажется, я знаю, что будет дальше.

Не имея выхода в двадцать первый век на конце червоточины, временной тоннель принялся алчно поглощать энергию, необходимую для преобразования материи. Его первыми жертвами стали цилиндры батарей возле стены: жадные молнии впились в них, высосали досуха и отбросили прочь, оставив одни пустые оболочки. Затем молнии вонзились глубоко в землю, выкачивая геотермальную энергию до тех пор, пока земля с треском не расселась.

Шеви торопливо пихала Райли вверх по лестнице и дальше к парадной двери, слыша, как земля у нее за спиной с грохотом обваливается в расползающиеся трещины. Пульт Билла Райли на ее груди отзывался тревожным согласным гудением.

— Беги, — крикнула она, в чем, в общем-то, не было необходимости. — Дом сейчас обрушится.

Подгонять Райли не пришлось. Он рванулся к выходу, успев подумать на бегу, что уже второй раз ему приходится уносить ноги из этого дома, спасая свою жизнь.

Здание рушилось за ними по пятам, проседая в ненасытную утробу подвала: структурированная материя сама по себе подпитывала червоточину кинетической энергией. Стекло разлеталось осколками, камень истекал песком. Шеви пришлось как следует пнуть Райли в поясницу, чтобы он успел проскочить под падающей люстрой.

Гаррик запер за собой дверь, но им это не помешало, так как большая часть фасадной стены уже рухнула. Беглецы проворно нырнули в широкий пролом, выкатившись на мостовую, и быстро отползли подальше от бушевавшего позади водоворота разрушения.

Из прилегающих домов с воплями выбегали люди, так что вскоре в сквере поднялся невероятный панический гвалт, в то время как червоточина заглатывала и перемалывала здание, с хирургической точностью отсекая его от соседних строений. Когда последняя пыль осела и грохот утих, оказалось, что дом попросту выдернут из стройного ряда домов, как гнилой зуб из десны, хотя остальные здания остались неповрежденными, если не считать разбитых оконных стекол и разбегающейся по фасадам паутины поверхностных трещин.

Райли и Шеви тяжело привалились к парковой ограде, покрытые толстым слоем пыли, как жертвы Везувия, но целые и невредимые.

Райли сплюнул на землю комком кирпичной пыли.

— А вы знали, что все здание должно обрушиться?

Шеви, болезненно морщась, потеряла синяк на груди в том месте, где пуля Гаррика ударила в защитный

доспех, снятый ею с одного из убитых членов аварийной бригады.

— Я знала, что такое может произойти, но попытаться все же стоило.

Хаос на Бэдфорд-сквер не утихал: воздух дрожал от пронзительных свистков полицейских и дребезжащего звона повозки пожарного расчета, приближающейся со стороны Вест-Энда. Несколько дам свалились в обморок, молодые парни карабкались по оставшейся от дома груде камней, выкликая возможных выживших под обвалом.

— Надо уносить ноги, — сказал Райли. — При таком шикарном происшествии фараоны начнут допрашивать всех и каждого.

Шеви стащила с себя пуленепробиваемый жилет и сделала несколько глубоких вдохов.

— Ага, Райли, ладно. Только не забывай, что стратегически решения принимаю я, о'кей? Но в любом случае нам нужно убраться отсюда до того, как местная полиция придумает, в чем нас обвинить.

Райли сунул под мышку плащ фокусника.

— Отличное стратегическое решение. Ведите, агент Савано.

Парочка устало доплелась до угла Бэдфорд-сквер, двигаясь против течения толпы зевак, жаждущих поглазеть на рухнувшее строение, которое в газете «Лондон Ньюс» впоследствии окрестили Адским Домом.

Следом за Райли и Шеви тянулся след из пыли и каменной крошки.

Некоторое время они шагали молча, поглощенные мыслями о будущем, и только потом заметили, что, оказывается, давно уже идут, взявшись за руки.

— Мы прямо как парочка, возвращающаяся из оперы, — сказал Райли.

Шеви приснула, выдохнув облачко пыли.

— Точно. Парочка зомби.

Ее смех тут же стих.

— Ты мог погибнуть там, начав драку с Гарриком. В нашем плане такого не было.

— Я представил себе, как он склоняется над моей бедной мамой, — сказал Райли, — держа нож наготове, и не смог сдержаться.

Рядом послышался топот копыт, и двухколесный экипаж замедлил ход. Видимо, несмотря на их потрепанный вид, извозчик все же рассчитывал заработать.

— Мы отлично пройдемся пешком, — громко сказал Райли, не поднимая глаз. — Поезжайте дальше.

— А может, мне просто нравится ехать рядом с моими приятелями, — послышался знакомый голос.

Это был Боб Уинкл, который каким-то образом умудрился оставить угнанный кэб при себе.

Уинкл привстал на кучерском сиденье, вглядываясь в сторону Бэдфорд-сквер.

— Вы, ребята, как я погляжу, умеете погулять с размахом, — высказался он. — Пожалуй, если держаться к вам поближе, то не соскучишься без приключений. Вы прям как Холмс и Уотсон, только взрывчатки у вас больше.

Шеви встряхнулась, как мокрая собака, и наконец из-под слоя пыли показалось нечто отдаленно напоминающее девушку-подростка.

— Славное у вас личико, принцесса, — сказал Боб Уинкл. — Если протереть его чем-нибудь мокрым, я бы спустился и поцеловал вас.

Они по-королевски позавтракали всяческой вкуснятиной, расплатившись за нее золотом, которое было обнаружено за подкладкой плаща Гаррика. Они заказали кофе с тостами, овсянку с коричневым сахаром, яичницу с колбасой, курицу карри с картошкой и тарелку бекона, дополнительно сдобренного салом для большей сытности. В довершение всего мальчики потребовали пива, несмотря на предостережения Шеви относительно его вреда для здоровья.

Покончив с завтраком, они сидели за столиком уличного кафе на Пиккадилли, глядя, как улица течет перед ними, поглощенная своими повседневными делами и заботами.

Боб Уинкл бросил пенни первому же приблизившемуся к их столику попрошайке и поручил ему посторожить их покой, чтобы они могли поговорить без помех.

Райли удовлетворенно вздохнул, поглаживая раздувшийся живот.

— Я наелся, как принц на собственном дне рождения, — сообщил он.

Шеви проявила куда большую сдержанность в еде, проигнорировав почти девяносто процентов предложенной ей снеди.

«Здесь мне оставаться нельзя, — подумала она. — Здешний холестерин прикончит меня за неделю».

— Ладно, ребята, — сказала она, хлопнув ладонями по столу. — Нужно разобраться с нашими планами, пока вы не упьетесь в хлам.

— Упиться с пива? — фыркнул Боб Уинкл. — Да я не пьянел с него, даже когда мне было десять.

Он деловито собрал с тарелки остатки ржаного хлеба и распахал его по карманам.

— Пойду-ка я пригляжу за моей кобылкой, а вы тут пока прощайтесь-обнимайтесь. Я скоро вернусь и подвезу любого желающего до театра «Ориент». Надо думать, от всего того волшебного барахла, которое мои ребятишки вывезли оттуда чуть раньше, остались только щепки.

И Уинкл улизнул вниз по улице, присматриваясь и прислушиваясь на случай появления фараонов.

— Этот парень втянет тебя в неприятности, — предостерегающе заметила Шеви.

— Ну, по крайней мере, он не станет тратить все время бодрствования на убийства, а время сна — на грезы о чьей-нибудь смерти.

— Может, ты и прав. И все равно, мне кажется, тебе стоит вернуться вместе со мной. Ведь часть тебя принадлежит двадцать первому веку.

— Но часть меня принадлежит этому времени, — вздохнул Райли. — Где-то здесь живет мой сводный брат. Может, он в Брайтоне. Если Боб Уинкл мне поможет, возможно, я смогу его отыскать.

— А у тебя найдется, чем заплатить ему за эту мощь?

Райли пожал плечами:

— На первое время хватит. Я знаю, где Гаррик хранил свои деньги. К тому же, полагаю, театр теперь тоже принадлежит мне.

— Значит, займешься поисками брата?

Райли набросил себе на плечи плащ фокусника.

— Я ведь теперь иллюзионист. Соберу труппу и буду наслаждаться жизнью бродячего актера, пока не найду Рыжика Тома. Он наверняка знает, какое имя дали мне родители.

— Готова поспорить, что знает, — отозвалась Шеви, не поднимая глаз.

Порывшись в кармане, она вытащила последний пульт, оставшийся от аварийной бригады.

— Вся команда и снаряжение уничтожены вместе с домом, но ребята Боба собрали их пульта, когда устанавливали зеркальную ловушку. Держи. Вдруг когда-нибудь передумаешь.

Райли накинул кожаный шнурок на шею.

— Спасибо, Шеви. Но это мой век, и я принадлежу ему.

— Никогда не говори «никогда», верно? — сказала Шеви, покачав пальцем.

— Да. Конечно, вы правы. Может настать время, когда мне придется сбежать отсюда.

— Он уже полностью запрограммирован, так что тебе нужно только нажать кнопку. Убедись, что все четыре сектора зажглись, иначе застрянешь внутри червоточины вместе сам знаешь с кем.

— Конечно, я все проверю.

Шеви хлебнула кофе, по консистенции больше похожее на жидкую грязь, а по вкусу — на сироп от кашля.

— Знаешь, мне сейчас так странно... Мы столько всего пережили вместе, и вдруг я просто встану и уйду?

— Мы всегда будем рядом друг с другом, Шеви. Я ведь знаю секрет вашей татуировки, помните?

Шеви похлопала себя по плечу:

— Моей татуировки? Ну, вообще-то... боюсь, тут я навешала тебе лапши.

— Навешала лапши? — озадаченно нахмурился Райли.

— Ага. Наколола. Втерла очки. Наплела с три короба, короче.

— То есть... твой отец солгал тебе? А ты солгала мне?

— Опасаюсь, что так. Но, учитывая все, что нас с тобой связало, сейчас я скажу тебе правду. Отец любил рассказывать историю про Уильяма Савано, но на самом деле вся эта затея с именем Шеврон связана с тем, что однажды мой папа поссорился с одним мужчиной, владельцем местной «Тексако».

— Тек-са-ко?

— Ага. Это заправочная станция для автомобилей. И вот, чтобы досадить этому мужику, да и просто из-за пристрастия к пиву, он сделал себе татуировку и дал своей новорожденной дочери имя Шеврон, по названию конкурирующей сети заправок.

Райли кончиком пальца оттолкнул от себя пивную кружку.

— Значит, никакого благородного воина не было?

— Нет. Но я построила на этой истории всю свою жизнь. Сделала татуировку, рассказывала о ней небылицы всем, кто соглашался меня слушать, стала агентом. В прошлом году я встретила того дядьку из «Тексако». Он страшно переживал, что мой папа погиб. Он-то и рассказал мне правду. Оказывается, меня называли в честь заправочной станции.

— Вау, — сказал Райли. Это словечко он услышал в будущем, и оно ему страшно понравилось.

— Вау? И это все? Никакой вселенской мудрости от Великого Райли?

— Мы оба построили свою жизнь на лжи, — сказал Райли. — Меня вовсе не бросали на растерзание трущобным каннибалам, а ваши предки не были великими воинами. Но ложь сделала свое дело, и мы стали теми, кто мы есть. Думаю, вы не случайно стали самым молодым агентом в вашей полиции. Возможно, вопреки имени Шеврон.

— Что ж, Райли, пусть так, — улыбнулась Шеви. — Пожалуй, звучит неплохо. Меня устраивает.

Они вышли из кэба и направились к дому на улице Полумесяца. Боб Уинкл приложил все старания, чтобы как-то уложить в голове те немногие факты, которые стали ему известны.

— Значит, принцесса, вы собираетесь войти в этот дом и остаться в нем на сто лет?

Шеви похлопала его по плечу:

— Что-то вроде того, Уинкл. Я бы с радостью сказала на прощанье «До скорого», но боюсь, что этого может и не случиться.

— Тогда, выходит, целоваться надо прямо сейчас?

— Ну разумеется, — сказала Шеви и клюнула его в щеку, чем ему и пришлось удовольствоваться.

— В следующем году мне исполнится пятнадцать, — сообщил осмелевший от поцелуя Боб Уинкл. — Мы могли бы пожениться. Я бы наколотил кучу монет, делая ставки на бои с индейской принцессой на ярмарках.

— Крайне заманчивое предложение, но думаю, что я все-таки откажусь.

— Что ж, принцесса, ладно. Но теперь, поскольку я сделался совладельцем театра, у меня не будет отбою от дамочек. Так что шесть недель я вас еще подожду, но ни минутой больше.

— Понимаю, — сказала Шеви с улыбкой. — Это самое большое, на что я могу рассчитывать.

Райли проводил ее до порога, пока Боб торчал на соседней лестнице, высматривая шлемы констеблей.

— Будь осторожна, Шеврон Савано, — сказал он. — Будущее — опасное место. Марсиане могут нагрянуть с минуты на минуту.

— Ладно, буду остерегаться всех, у кого есть щупальца.

— Поторапливайтесь, ребята, — крикнул Боб Уинкл. — Больно тут шикарная улица, еще пара минут — и вас непременно прихватят за шкуру.

Мальчишка был прав, конечно. Просто позор, если вся эта история завершится заточением в тюремную камеру.

Шеви крепко обняла Райли.

— Спасибо тебе за все, — сказала она.

Райли тоже стиснул ее за плечи.

— И вам спасибо, Шеврон Савано, великий воин и заправочная станция. Может быть, однажды я перескажу наши приключения на бумаге. Честное слово, они затмят даже книги самого Г.Д. Уэллса.

— Может, ты уже это сделал, — усмехнулась Шеви. — Я погуглю, когда попаду домой.

— Погуглить... надеюсь, это не очень больно, — отозвался Райли.

Раздался громкий свист Боба.

— Райли, поблизости маячит один шлем. Давай уже, оставь ее.

Медлить больше было нельзя. Шеви поцеловала Райли в щеку и, стиснув ему на прощанье ладонь, скрылась за дверью.

Подвал был темный и сырой — точно такой, каким Шеви запомнила его за те краткие мгновения, пока ей на голову не набросили мешок. Куриные кости так и валялись в углу, и вокруг них кишели крысы, как бродяги вокруг горячей жаровни. Крыс ее присутствие ничуть не встревожило — пожалуй, наоборот, она показалась им более интересным объектом для внимания, чем обглоданные косточки.

Пристальные взгляды огромных крыс — отличный стимул сосредоточиться на том, чтобы поскорее отправиться в другое место, где водятся крысы помельче. Шеви достала пульт Билла Райли и поспешно шагнула на металлическую плиту портала.

«Нет такого времени, как настоящее».

Она нажала на контрольную панель пульта и тщательно удостоверилась, что все четыре сектора засветились.

Пульт завибрировал, и через несколько секунд принялся брызгать оранжевыми искрами, как римская свеча.

«Поехали, — подумала она. — Надеюсь, дом Виктории уцелеет».

И еще она подумала: «Надеюсь, у Райли все будет в порядке. Мальчик заслужил передышку».

Она нахмурилась. «Мое будущее тоже не будет устлано розами. Мне теперь придется месяцами отвечать на бесконечные вопросы. Слава богу, Уальдо видел, что произошло. Надеюсь, он уже составил отчет».

Шеви подняла пульт повыше. Все четыре сектора ярко мерцали.

«До свиданья, Райли. Держись молодцом».

Шеви улыбнулась, и оранжевые искры пробежали по ее зубам.

«Только, пожалуйста, никаких обезьяньих лап, — подумала она и пропала.

Вне времени.

Боб Уинкл вызвался спереть велосипед, чтобы доехать на нем до Верхнего Холборна, но Райли сказал категорическое «нет».

— Знаешь, вообще-то я твой партнер, — сказал Уинкл. — Тогда с какой стати ты тут раскомандовался, как какой-то Цезарь недоделанный?

Райли решил, что сейчас самое время обозначить свои позиции, а Уинкл может смириться с ними... или нет, как ему захочется.

— Я — Великий Савано, мистер Уинкл. Мне принадлежит этот театр, а также вся его обстановка, а еще я знаю, где спрятано золото. Если хочешь работать на меня, то устрашишься и делаешь, что тебе говорят. А если нет, то проваливай обратно в Олд-Найчол и продолжай там курить обои и промышлять всякой мелочевкой.

Боб протяжно присвистнул:

— Суровый ты, Райли. Суровый и резкий. Но для хозяина это хорошие качества. К тому же и другие нахальничать не будут. Надо же — Великий Савано. Вот это действительно имечко!

— Спасибо, Боб. — Райли чуть помолчал и поинтересовался: — Ты сказал — другие? Но я не могу прокормить все ваши трущобы!

— Знаю, знаю. Но у меня есть три младших братишки, за которыми нужно присматривать. Так что мы идем всем набором, знаешь ли. Все — или никто.

— У кого хватит жестокости оторвать человека от его братьев? — философски заметил Райли. — Надо совсем не иметь сердца. Значит, приводи их всех сразу на встречу в театре «Ориент», и мы подумаем, что делать дальше. Скажи, твои братья умеют жонглировать?

— Жонглировать? — переспросил Боб, уже переходя улицу. — Конечно, мистер Райли, они жонглируют друг другом.

И он помчался дальше по переулку, направляясь прямо в родные трущобы — нести благую весть, что отныне Уинклы спасены из Олд-Найчола.

Райли зашагал дальше в одиночестве, то и дело оглядываясь через плечо, когда налетающий с реки ветерок охлаждал его лоб.

«Гаррика больше нет, — думал он. — Он исчез в червоточине».

Исчез в червоточине? Неужто все это не сон?

«Шеви не была сном».

Красивая девушка из экзотической страны явилась, чтобы спасти его от тирании Гаррика. Это было похоже на грезу и обещало превратиться в захватывающую книгу.

«Единственное, чего не хватает в этой истории, — это ожившего динозавра».

Райли шагал по улицам Лондона, думая о том, что пройдет еще немало времени, прежде чем он сможет полностью наслаждаться лучами солнца на своем лице, забыв о холоде.

«Каждый стук упавшего камня в темном переулке, каждый скрип ступеньки на лестнице — я буду видеть и слышать Гаррика повсюду».

Но рядом с ним будет друг, и еще его братья. А со временем, быть может, и его собственный брат.

«Рыжик Том, — подумал он. — Я найду тебя, и — о! Ты не представляешь, сколько всего мне предстоит тебе рассказать».

Райли приподнял полы бархатной мантии, спасая ее от уличной грязи, и поглядел на тройные пролеты

Холборнского виадука — самого впечатляющего в городе произведения современной архитектуры.

«Снова дома, — подумал он. — Дома — на пороге новой жизни».

Райли обошел вокруг опрокинутой тележки зеленщика и через мгновение затерялся в утренней толчее занятых своими повседневными делами горожан, озабоченных только одним — как выжить в этом громадном городе под названием Лондон.

Эпилог

Фарли, бессменный татуировщик Таранов, шагал следом за Райли через Холборн, скрыв лицо под низко надвинутым шелковым башлыком, какой любят носить арабские наемники. Но даже и без этого башлыка Райли вряд ли опознал бы татуировщика, даже если бы заметил слежку. Фарли сейчас и близко не походил на дряхлого старика, каким его знали в Тайном Логове. Сгорбленная спина распрямилась, а походка стала твердой и упругой, как у энергичного мужчины средних лет.

Прохожие расступались перед Фарли, спеша освободить ему дорогу, по двум причинам. Во-первых, его глаз в тени под капюшоном отсвечивал красным, как у волка в ночи, а во-вторых — если нужна вторая причина, чтобы избегать людей с волчьим взглядом, — этот человек явно был не в ладах с собственной головой, и его давно уже ждала койка и смиренная рубашка в какой-нибудь лечебнице для умалишенных, потому что на ходу он разговаривал с собственным

кулаком, как будто в нем сидела крохотная фея, готовая выслушать каждое его слово.

Так что люди торопливо расступались, искоса бросая на Фарли опасливые взгляды.

«Если кто-то разговаривает сам с собой, это верный признак помешательства, думал он. — А как угадать, когда психу что-нибудь вскочит в его больную голову и он начнет кидаться на порядочных людей?»

Да и откуда проходим на улицах викторианского Лондона было знать, что Фарли беседовал вовсе не с воображаемой феей, а с закрепленным у него на запястье переговорным устройством? А причиной волчьего огонька, поблескивающего в его темной глазнице, в действительности был монокулярный инфракрасный сканер с фильтром, отсекающим видимую часть спектра. Проще говоря, с этим сканером Фарли мог отличить любого человека, побывавшего во временном тоннеле, по особому золотистому мерцанию, вызванному излучением его распавшихся и вновь собранных вместе атомов. И за ним было очень удобно наблюдать, не приближаясь вплотную.

— Рози, соедини-ка меня с полковником, — сказал он в микрофон. Говорил он все с тем же английским акцентом, что и в Тайном Логове Таранов. Фарли уже так долго работал под прикрытием, что выходил из роли крайне редко.

— Вы уверены? — отозвался голос в его наушнике — явно мужской, несмотря на прозвучавшее имя. — У него сейчас массаж. Вы же знаете, как он реагирует, когда его беспокоят в это время.

О да, Фарли знал, как полковник реагирует — пожалуй, он знал это лучше, чем кто бы то ни было, но он также помнил приказ полковника постоянно держать его в курсе происходящего. Сказать по правде, Фарли подозревал, что его начальник только обрадуется, узнав, что в его ведомстве наконец-то происходит хоть что-то, выбивающееся из обычной рутины. До сих пор вся операция заключалась в нескончаемой подготовке неведомо к чему и не представляла собой ровным счетом ничего интересного, но вмешательство в нее агента Савано добавило событиям немного остроты.

— Да, Розенбаум, я уверен. Просто передайте ему трубку. И поскорее, а то я сейчас на улице и на глазах у людей разговариваю с собственной рукой, как чокнутый.

— Соединяю, майор.

Фарли слегка замедлил шаг, наблюдая, как Райли отпирает дверь старого театра, похоже, выдавшего лучшие времена.

«Мальчик знал, где спрятан ключ, — отметил Фарли, отступая в тень арки, ведущий во двор живодекни. — Видимо, он унаследовал это здание».

В наушнике щелкнуло, когда полковник снял трубку на своем конце линии.

— Здорово, дружище. Ну, что там творится на улице?

Фарли поморщился. Он терпеть не мог, когда полковник начинал упражняться в показной демократичности и дружелюбии: в армии это не принято. Да и в любом случае это было сплошное притворство. Друзей у полковника не было.

— Прекрасно, сэр. На улице. Ситуация, о которой мы говорили, вот-вот разрешится сама собой. Нет нужды привлекать дополнительные силы.

Смех полковника напомнил Фарли урчание хорошо смазанного мотора.

— Да бросьте, Фарли. Ну зачем вы вечно шифруетесь? Кто может вас подслушать? Тот клоун Харизмо и наземную-то линию едва протянул. «Телефонический переговорник»... Умереть можно со смеху. Говорите открыто, майор.

Фарли сделал глубокий вдох.

— Слушаюсь, полковник. Сила привычки, сэр. Никогда не ставить операцию под угрозу. Болтун — находка для шпиона, и все такое.

— Просто изложите факты, майор. Где сейчас Гаррик?

— Мертв, сэр. Спекся. Мне это стало известно благодаря «жучку», который я сунул мальчику в повязку.

— Мертв? — в голосе полковника сквозило разочарование. — Жаль. Он мне нравился. Забавный малый.

«Забавный» было совсем не то слово, которое Фарли выбрал бы для описания Гаррика. Особенно когда вспоминал, как наемный убийца склонился над ним с пузырьком эфира в руке.

— Что остальные?

— Мальчишка здесь, в Холборне, — продолжал докладывать Фарли. — А агент Савано только что воспользовалась порталом на улице Полумесяца.

— Значит, никакого ущерба?

— Нет, сэр. В том, что касается будущего, можно считать, что технология Чарльза Смарта умерла вме-

сте с ним, и мы продолжаем действовать точно по плану.

— А что насчет Харизмо? Он по-прежнему славно устроен там, где мы сможем при необходимости его использовать?

Фарли скрипнул зубами. Сообщать полковнику плохие новости всегда было неприятно.

— Не совсем, сэр. Мальчишка подстроил все так, чтобы герцог его раскусил. Они видели его мутации. Полагаю, он уже на операционном столе в ожидании лоботомии, и сильно сомневаюсь, что оставшихся мозговых клеток ему хватит, чтобы дурачить людей и дальше, полковник.

На том конце линии воцарилась пауза, прерываемая только шлепающими звуками рук занятого работой массажиста.

— Ну и ладно. Этот тип с его дурацкими масками мне никогда не нравился, — сказал наконец полковник. — Мы сможем обойтись и без него.

Фарли на мгновение опустил руку и облегченно вздохнул. Никогда не знаешь, когда полковник вдруг выйдет из себя, плюясь желчью, как автомат — пулями.

— Как быть с мальчишкой? Вывести его из уравнения?

Полковник обдумал это предложение.

— Пожалуй, нет. Он решительный и храбрый паренек и может нам пригодиться. К тому же я не хочу, чтобы вас застали с поличным.

— Райли — слабое звено в схеме, сэр. Он может вовлечь нас в неприятности.

— Но вы же знаете, где он живет, верно?

— Так точно, сэр.

— И можете нейтрализовать его в любой момент, когда в этом возникнет нужда, правильно?

— Так точно, сэр, можем.

— Вот и славно, майор. Значит, просто внимательно присматривайте за мальчиком, и, если он окажется замешан хоть в чем-нибудь даже отдаленно не-викторианском, нанесите ему полночный визит. Как вам такой план?

Фарли снова вышел из арки на улицу и проследил, как светящийся силуэт Райли движется вдоль окон верхнего этажа, четко различимый сквозь тюлевые занавески.

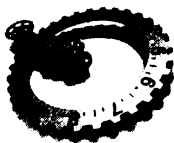
— Превосходный план, сэр. Он никуда не денется.

— Отлично, — сказал полковник. — Теперь приставьте к мальчишке кого-нибудь из своих людей и возвращайтесь в Тайное Логово. Не хочу, чтобы Маларки что-нибудь заподозрил.

— Уже иду, сэр.

Фарли разорвал соединение и напоследок еще раз глянул на театр «Ориент».

— Мы с тобой еще увидимся, Райли, — пробормотал он, глядя на сияющий золотистым блеском силуэт в окне. — И очень скоро.

СОБДИМ Абонемент

Оглавление

1. КОМНАТА СМЕРТИ	7
2. СПОРТИВНАЯ ДЕВЧОНКА	18
3. БОЕВЫЕ БОТАНИКИ	39
4. АЛЬТ-ТЕК	73
5. УКРОМНОЕ МЕСТО	106
6. ВИКТОРИАНА	159
7. ТАРАНЫ	206
8. КРАСНАЯ ПЕРЧАТКА	236
9. ГОЛГОФА, ГОЛГОФА!	254
10. МИСТЕР ХАРИЗМО	293
11. ОЛД-НАЙЧОЛ	352
12. ПРАХ К ПРАХУ	373
ЭПИЛОГ	408

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа

Для старшего школьного возраста
мектеп жасындағы ересек балаларға арналған

ЙОН КОЛФЕР. ПАУКС

Колфер Йон

УЧЕНИК УБИЙЦЫ
(орыс тілінде)

Ответственный редактор *Т. Суворова*

Редакторы *Д. Кузнецова, И. Лутикова*

Младший редактор *О. Федуличева*

Художественный редактор *Д. Сазонов*

Технический редактор *О. Лёвкин*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *В. Соловьева*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Fedorov Oleksiy, Stokkete, pjmorley, jörg röse-oberreich,
donatas1205 / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылған

Подписано в печать 16.01.2017. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Чартер». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 5000 экз. Заказ 4810.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В интернет-магазине ЛитРес
www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7 (812) 601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо»,
344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.

В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбург,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «Форс Украина», 04073, Московский пр-т, д. 9. Тел.: +38 (044) 290-99-44.
E-mail: sales@forukraine.com

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый южский» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-699-81795-5

EAC

РАЙЛИ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ, ОН ЖИВЕТ В ЛОНДОНЕ КОНЦА XIX ВЕКА. ОН СИРОТА, И ВЫРАСТИЛ ЕГО НАЕМНЫЙ УБИЙЦА, РЕШИВШИЙ ПЕРЕДАТЬ УЧЕНИКУ ВСЕ СЕКРЕТЫ СВОЕГО МРАЧНОГО РЕМЕСЛА... НО РАЙЛИ НЕ ХОЧЕТ ИДТИ ПО СТОПАМ УЧИТЕЛЯ! МАЛЬЧИК МЕЧТАЕТ СБЕЖАТЬ, И ОДНАЖДЫ ЕМУ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНОСТЬ УСКОЛЬЗНУТЬ... В XXI ВЕК.

ШЕВРОН САВАНО СЕМНАДЦАТЬ, И ОНА — САМЫЙ ЮНЫЙ, АМБИЦИОЗНЫЙ И ИМПУЛЬСИВНЫЙ АГЕНТ ЗА ИСТОРИЮ ФБР. ЛАДНО, *почти* АГЕНТ. ДЕВУШКА ВОСПРИНИМАЕТ СВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ НА СЕКРЕТНЫЙ ОБЪЕКТ В ЛОНДОНЕ КАК ССЫЛКУ, КАК НЕНУЖНУЮ И СКУЧНУЮ РАБОТУ... ПОКА НЕ УЗНАЕТ, ЧТО ДОЛЖНА СЛЕДИТЬ ЗА НАХОДЯЩЕЙСЯ В РАСПОРЯЖЕНИИ ФБР МАШИНОЙ ВРЕМЕНИ.

РАЙЛИ И ШЕВИ ПРЕДСТОИТ ОБЪЕДИНИТЬ УСИЛИЯ — И СПАСТИ СЕБЯ И МИР ОТ ТОГО, КТО ВОЛЕЙ СУДЬБЫ СТАЛ САМЫМ ОПАСНЫМ ПРЕСТУПНИКОМ ВСЕХ ВРЕМЕН... ИЛИ ПОГИБНУТЬ, ПОПОЛНИВ СПИСОК ЕГО ЖЕРТВ.

ISBN 978-5-699-81795-5

9 785699 817955 >

www.facebook.com/eksmotetstvo